

Е. А. АДАМОВ

ДИПЛОМАТИЯ ВАТИКАНА В НАЧАЛЬНУЮ ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

1887—1900

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1931 ☆ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 3-й типографии ОГИЗа
„Красный пролетарий“, Москва,
Краснопролетарская ул., 16,
в количестве 3000 экзempl.
Уполн. Главлит. № Б—3203
ОГИЗ С—61 № 2
Зак. № 2376
9 л. л.
2 кв.
☆

Редактор И. Вардин
Техредактор М. К. Пиот_ович

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Дипломаты, а вслед за ними публицисты и историки, пользуются выражением «ватиканское правительство». Их примеру мы следовать не можем. Словами «Ватикан» как и «римская курия», «святой престол» и т. п. мы обозначаем возглавляемую папой высшую иерархию, правящую католической церковью, располагающую давним и крепким аппаратом управления, широчайшей сетью периферийных учреждений и агентур, значительными материальными ресурсами, реальной властью над управляемым им духовенством, собственной и связанной с ним прессой и основан-ным столько же на материальных, сколько на моральных данных авторитетом в среде отсталых, суеверных масс.

Политическое влияние Ватикана определяется удельным весом его связей и авторитета в отношении католической церкви в широком смысле слова, а в частности его связями с так называемой «католической аристократией», частью феодального происхождения, частью происхождения буржуазного, аристократией, входящей в состав верхушки господствующего класса.

Не имея собственной государственной территории, Ватикан не может иметь и собственной внешней политики в обычном смысле и объеме. Но чем шире связь и зависимость Ватикана от различных капиталистических систем, тем больше у него возможностей в смысле лавирования в отношении каждого отдельного правительства. В этом смысле свобода маневрирования Ватикана превосходила в известные благоприятные моменты те возможности, которые извлекало, напр., персидское правительство из наличности *двух* соперничавших и боровшихся за преобладание в Персии империалистических сил, Англии и России. Оставаясь служебным органом мирового капитала, Ватикан в отдельных случаях выступает, а в других *может* выступить в пользу или против того или иного правительства.

В эпоху промышленного капитализма — «относительного миролюбия», по характеристике Ленина, капиталистических правительств — ватиканская дипломатия стремилась пользоваться выгодами позиции нейтралитета в вопросах международной политики. Но потом положение изменилось. Общим местом дипломатической публицистики стало, что предшественник Льва XIII свел на-нет «мировое значение» папского престола, а Лев XIII вновь поднял его на значительную высоту. Здесь дело было не в личных особенностях и переменах руководства католической церкви, а в особенностях и переменах исторической обстановки. В эпоху финансового капитала и империалистических конфликтов позиция нейтралитета стала невыгодной, опасной, попросту неосуществимой. В заслугу Льва XIII апологеты его могли бы поставить то, что он понял это, что он раньше дру-

гих сознал необходимость стать на ту или другую сторону, связывая ватиканские выгоды и дела с видами предполагаемого победителя, и что он оказался достаточно смелым и решительным для принятия соответствующего политического курса, несмотря на сильную оппозицию не только сторонников противоположной ориентации, но и приверженцев устарелой тактики «нейтралитета».

Таким образом, Лев XIII стал как бы провозвестником или «буревестником» наступавшей эры империализма. Громкая историческая репутация «гениального папы-дипломата» Льва XIII сложилась на основе, во-первых, отказа от позиции нейтралитета в области международной политики (боевой курс в пользу франко-русского блока) и, во-вторых, широко развернутого наступления под знаменем католической социальной политики на позиции социалистического рабочего движения. Ватикан стремится вырвать у социалистических партий влияние на пролетарские и полупролетарские массы как прямой борьбой и обходными путями, так и путем организации католических или христианских профсоюзов и кооперативов, разложения существующих, вербовки членов для буржуазных партий и т. д.

Общая линия деятельности Ватикана представляется в следующем виде. Во Франции он пытается примирить с республикой католически-монархистскую часть французской буржуазии (консолидация буржуазной реакции) с целью совместной борьбы против революционного рабочего движения. В Италии он совместно с французской дипломатией давит на правительство с целью оторвать Италию от союза с Германией. В Австро-Венгрии он работает над ослаблением связей с Германией (поддержка славяно-католической тенденции). В самой Германии он пытается ослабить сотрудничество католических кругов с германским правительством. В Польше он поддерживает франко-русофильскую ориентацию.

Последний элемент этой программы представлял особенную ценность, так как с ним было связано политическое и военно-стратегическое укрепление основной позиции союзного с Францией царизма на всей линии восточного германо-австрийского фронта. Ватикан прекращал поддержку германофильской и австрофильской ориентации во всех трех частях расчлененной Польши и обязывался превратить «мятежное» польско-католическое духовенство русской Польши в оплот верноподданничества, в церковно-полицейскую агентуру русского самодержавия. Во избежание возникновения в результате этой политики активного недовольства, возмущения в среде польского духовенства римская курия, предавая низшие слои его и религиозные чувства польского крестьянства, заботливо охраняла частными соглашениями с русским правительством привилегии «прелатов» епископата, руководящей верхушки этого духовенства.

Восстановление или легализация этих связей представляла одну из целей, преследовавшихся Львом XIII, когда он добивался восстановления, после тридцатилетнего перерыва, официальных дипломатических сношений с русским правительством. Другая цель обуславливалась выгодами общего политического соглашения между главой католицизма и православным русским самодержцем, которое обеспечило бы притязания Ватикана на восстановление, хотя бы в ограниченном объеме, его территориальной власти в Риме, поддержку французской союзницы, России.

Шестилетние переговоры при посредстве неофициального представителя русского царя А. П. Извольского, будущего министра иностранных дел, — увенчались успехом: в 1894 г. из официозного агента Извольский превратился в министра-резидента, — событие «бесспорной политической важности», по определению данной Извольскому по этому случаю инструкции. Отмечая, что «наша римско-католическая иерархия почти вся состоит из лиц польского происхождения, проникнутых мыслью о политическом восстановлении польской народности и стремящихся проводить эти тенденции путем религиозного служения», — инструкция напоминала, что «в не столь еще отдаленном прошлом, при папе Пие IX, стремления эти достигли столь широкого и опасного развития, что правительству не оставалось другого исхода, как порвать всякие сношения с высшей папской властью, доходившие даже до открытого поощрения польского мятежа.

Нынешний папа, — говорится далее в инструкции, — руководствующийся более правильным пониманием истинного призвания церкви, отчасти же побуждаемый и политическим расчетом, пришел, повидимому, к окончательному убеждению, что римский первосвященник отнюдь не должен поддерживать стремлений и происков нашей польско-национальной партии. Осязательным проявлением этого образа мыслей может считаться недавняя энциклика, обращенная к польскому духовенству, в которой последнему внушается верность установленному порядку и повиновение¹ законной власти».

Дальнейшие взаимоотношения русского правительства с Ватиканом отражали общие колебания политической конъюнктуры, — в особенности же колебания внутренней французской политики в годы экономического кризиса и усиления революционного рабочего движения, — ослабление веса франко-русского союза в связи с русско-японской войной и революцией 1905 года.

В эпоху англо-бурской войны и попытки «континентального заговора» против Англии Ватикан поспешил предложить свои услуги заговорщикам, опасаясь как бы они ни сговорились без него и ни обошли его при дележе добычи.

Во время войны 1914—1918 гг. ватиканская дипломатия весьма осторожно ориентировала свою политику в пользу сильнейшей в данный момент группировки, страхуясь в то же время и в отношении противной стороны: в 1916 и 1917 гг. она выступала в пользу «мира» на основе компромисса между англо-французским и германским империализмом за счет разлагавшейся дооктябрьской России. При Временном правительстве эта тенденция особенно резко проявлялась, несмотря на то, что это правительство капитулировало перед всеми без исключения, даже и самыми крайними требованиями римской курии. К изречению Чарькова (преемника Извольского в Риме) в письме его министру ин. дел гр. Муравьеву от 8/20 декабря 1898 г.: «*La curie Romanie a la cult du succès*» можно бы прибавить, что римская курия не знает удержу своим аппетитам, когда имеет дело с неудачниками.

После Октябрьской революции мы наблюдали интересное маневрирование папской дипломатии в период европейских «признаний» советского

¹ В подлиннике — «повиновения».

правительства, направленное против СССР. Наконец с вступлением СССР в полосу великого строительства и осуществления пятилетки римская курия в первых рядах мировой контрреволюции предприняла пресловутый «крестовый поход против Советов». Сопоставление дат этого похода с намеченными сроками вооруженного интервенционистского наступления на СССР, известными нам по данным процессов инженеров-вредителей и интервентов-меньшевиков,—необходимо для того, чтобы полностью оценить значение ватиканской «крестовой подготовки» интервенционистских операций.

Немногие протекшие от начала этого похода месяцы менее всего должны бы ослабить наш интерес к этому явлению или уменьшить его значение. Известная часть претендующей на «солидность» буржуазной печати, даже в Германии, подчеркивала длительное значение папского воззвания, в результате которого «религиозные преследования в России возбуждают», будто бы, «все более сильный отклик во всем христианском мире»¹. С другой стороны, нашедшие неизмеримо более сильный отклик во всем мире трудящихся процессы инженеров-вредителей и меньшевиков-интервентов бросили луч яркого света и на то, что родилось в глухих ватиканских закоулках европейской дипломатии; конечно никого у нас не обманули религиозные обрядности и благочестивые воззвания, которыми приправлена была кампания, начатая Ватиканом. Всем было ясно, что за архаической фигурой римского первосвященника скрывается сила гораздо более современная и что громоздкий, покрытый плесенью веков механизм католической церкви приведен в движение двигателем гораздо более могущественным, чем она: дипломатией вошедшего в последнюю стадию своего развития капитала. В результате же показаний участников вредительской кампании стало ясно и то, что интервенция не только была обещана европейским капиталом своим русским агентам, но и в первой части своей — в мобилизации «моральных факторов» — претворена была в действительность.

Изучить соединительные звенья между этими факторами и приводящими их в действие силами в их нынешнем состоянии и в текущей их работе мы лишены возможности. Формы и степени «сращения» католической церкви и особенно руководящего центра ее с империалистической дипломатией скрыты для современного исследователя.

Изучение роли и деятельности *черной дипломатии* в эпоху предвоенного империализма по открытым Октябрьской революцией архивным источникам даст поэтому незаменимые критерии для изучения событий наших дней. Предлагаемая читателю небольшая работа, мы надеемся, поможет установить эти критерии на основании документальных данных, относящихся к двум «крупным» моментам предвоенной империалистической эпохи — моментам, в которые ватиканская дипломатия (насколько можно судить по русским дипломатическим архивам) проявила максимальную активность.

С точки зрения широкого интереса к изучению этой эпохи тема печатаемых здесь двух очерков и документов может на первый взгляд показаться одним — чисто злободневной, другим — слишком специальной.

¹ «Deutsche Rundschau», April 1930. W. Hageman, Der Kampf um die russische Seele, 15.

Но уже самое появление этой темы в современной германской исторической литературе около пяти лет назад опровергает не только первое, но и второе представление. Несколько германских историков вынуждено было заняться этой темой в неразрывной связи (как читатель увидит из первого очерка) с центральной проблемой изучения довоенной империалистической эпохи — проблемой возникновения франко-русского союза. На вопрос, поставленный, но не решенный дискуссией германских историков, публикуемые здесь документы дают, по нашему убеждению, ясный, не оставляющий почвы для дальнейших споров ответ.

Сверх того, они указывают, именно в плоскости «сращения» черной дипломатии с дипломатией «золота», существеннейшие связи, ведущие нас при помощи дополнительных архивных и литературных данных к углубленному пониманию интересующей нас эпохи в целом. Попытка выяснения этих связей расширила несколько нашу задачу, но расширение это является необходимым ввиду в корне неправильных, ложных представлений, которые обильно и глубоко посеяны дипломатической публицистикой или «публицистической дипломатией», обычно рядящейся в тогу «исторической науки». Органическое единство интересов капиталистических правительств и церковной иерархии служит до сих пор надежной защитой против раскрытия тайн ватиканской дипломатии. Доказано это, между прочим, теми изданиями дипломатических документов — французских, английских, германских, — которые предприняты были якобы во имя раскрытия «всей истины» в отношении деятельности европейской дипломатии в предвоенную эпоху. Задача историков, взявших на себя вольный и невольный труд популяризировать, под прикрытием святого академического неведения, тезисы «военной пропаганды» и «дипломатической публицистики» (что, по существу, одно и то же), — этим была в высшей степени облегчена¹. В результате — вящее торжество и утверждение тезисов военной пропаганды, прочно обосновавшейся в интересующей нас сфере. Примером такого утверждения может служить недавно изданная книга известного французского публициста М. Перно «Святой престол, католическая церковь и мировая политика», оставляющая все важнейшие моменты развития франко-ватиканской антанты «белыми пятнами», которыми, по выражению одного из наших историков, «пестрит карта изучения империалистической эпохи». На основной вопрос о мотивах перелома в политике Льва XIII (и его министра иностранных дел кардинала статс-секретаря Рамполлы) в смысле сближения с Францией и Россией в 1887 г. автор этот отвечает так:

«Говорили, что эта неудача и это разочарование (в политике соглашения с итальянским правительством — *Е. А.*) определили в дальнейшем всю политику папы; однако довольно трудно это доказать. Но можно допустить, что, потерявши всякую надежду на разрешение вопроса о Риме и на соглашение с Италией, Лев XIII пошел с этого момента более решительно по пути, который он уже (раньше) избрал, и что он прилагал

¹ Так, в могущей служить образцом «дипломатической публицистики» книге *Тарле «Европа в эпоху империализма»* (первое издание 1927 г.) роль ватиканской дипломатии в предвоенную эпоху обойдена полнейшим молчанием, в вопросе же о возникновении франко-русского союза сделан шаг назад даже сравнительно с средним урезом современной европейской литературы.

больше, чем когда-либо, усилий к тому, чтобы обеспечить святому престолу дружбу и поддержку Франции. Решится ли кто-нибудь утверждать, что, сближаясь с Францией и Россией, папа имел намерение усилить двойственный союз против тройственного союза и что вся эта политика не имела другой цели, кроме изоляции Италии? Это значило бы приписывать Льву XIII больше реальной силы, чем он ее имел, и более узкие взгляды, чем те, которыми определялась вообще его политика»¹. Перно предпочитает другое объяснение, а именно: что Лев XIII стремился вообще «вернуть церкви ее мировое значение» и с этой целью завязывал связи с Испанией, Португалией, Швейцарией, Баварией, Бельгией и с Германией — так же, как с Францией и Россией...

Если бы автор этот потрудились объяснить читателю, что означают в данном случае слова «мировое значение», и если бы он был в состоянии позволить себе при этом роскошь исторической добросовестности, то он мог бы из болота двусмысленностей и пустых фраз выбраться на твердую дорогу. Но весь его «социальный заказ» сводится к тому, чтобы дорогу эту потерять, сбить с нее своего читателя, оставить «мировое значение церкви» и дипломатическую работу по завоеванию этого значения заповедной областью «вечных льдов» и «вечного мрака» дипломатических тайн капиталистического мира.

Ставя нашу скромную веку на пути исследования одного из участков этой области, мы, конечно, верим меньше в капитуляцию публицистов от истории и дипломатии перед очевидной истиной, чем в грядущую победу международной армии строителей нового мира, выметающих из истории «вечные льды» и «вечный мрак», со всей гнездящейся в нем вековой нечистью.

¹ M. Pernot, *Le Saint-Siège, l'Eglise catholique et la politique mondiale*, Paris 1929, 12.

І. ВАТИКАН И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

Едва закончивши главное свое дело — личные переговоры в Лондоне в 1844 г., — Николай I предпринял новое дипломатическое путешествие, несмотря на то, что лондонское «соглашение» должно было, по его представлениям, быть прологом к увенчанию ближневосточной политики великими событиями. На этот раз рачительный командир империи российской, не любивший тратить дорогое время попусту, отправился в далекий Рим для свидания с папой. Целью его было «восстановить в удовлетворительном виде наши отношения к Риму». Свидание это, — как писал канцлер российской империи граф Нессельроде в докладе царю 29 октября 1845 г., составляло событие великой важности «по своим последствиям как для внешней политики империи, так и для внутренних ее отношений».

Посланный затем, после возвращения царя, в Рим для переговоров о заключении конкордата, гр. Блудов в частном письме канцлеру (1847 г.) определил следующим образом характер и значение соглашения с папским престолом для России:

«Не обширность и небольшое число статей нашего будущего конкордата или конвенции должны составлять его достоинство. Главное дело состоит в том, чтобы без особых неудобств его можно было показать не только нашим подданным римско-католического исповедания, но также и нашему православному духовенству, нашим ревнителям православия, которые наблюдают за нами¹. Достаточно доказать всем, что мы достигли соглашения, что нет более туч между нами и Римом, и *вырвать, таким образом, из рук людей неблагонамеренных то оружие, которым они действуют против нас, одно из самых опасных оружий потому, что оно прикрывается священным знаменем*².

И сам Николай I, разгромивши польское восстание, далеко не был успокоен результатами кровопролитной войны, до основания потрясшей насквозь прогнившее здание его империи; он не только не считал «за, раз», т. е. польскую «неблагонамеренность», истребленной, но предви-

¹ Гр. Карл Васильевич Нессельроде, которому было адресовано это письмо, был крещен по англиканскому обряду; отец его — немец, выписанный на русскую службу при Екатерине II, был католик, мать — протестантка.

² А. Н. Попов, Сношения России с Римом с 1845 по 1850 г., изд. 1871 г., 139 — 140.

дел распространение ее на Россию и притом путем наиболее опасным и чувствительным: через русские гарнизоны, оставленные в Польше для удержания ее в повиновении¹.

29 ноября (11 дек.) 1831 г. завоеватель Эривани и Варшавы Паскевич писал царю: «Здесь везде утихло и успокоилось... Я думаю, что если уменьшится власть помещиков над крестьянами, как я буду иметь счастье представить проект, то Польша может со временем быть если не отвержена, то, по крайней мере, *во время войны с другими нациями неопасна*». «Все, что говоришь о спокойствии края, — отвечал на это в письме от 10 (22) декабря Николай I, — мне весьма приятно; но прошу на сие не полагаться и везде подтверждать быть осторожну. Я боюсь *женщин*, этот адский народ ими всегда действовал, и наша молодежь между их соблазна и яда вольных мыслей точно в опасном положении; молю тебя, ради бога, смотри, что делается, и не принимается ли зараза у нас... Надо Вам сохранить России *верную*² армию; в долгой же стоянке память прежней вражды скоро может исчезнуть и замениться чувством соболезнования, потом сожаления и наконец желанием *подражания*³. Сохрани нас от того бог!»⁴.

Для того чтобы упрочились водворенные Паскевичем «тишина и спокойствие», для того чтобы действительно излечить «заразу» и предотвратить страшное ее распространение на русскую армию и на Россию, для того, наконец, чтобы Польша стала не опасной «во время войны с другими нациями», — для всего этого и нужно было соглашение с папским престолом; оно одно обеспечило бы царскому правительству — пусть даже ценою уступок католическому духовенству — содействие этого духовенства в борьбе против польской неблагонамеренности, в насаждении верноподданнических чувств способами менее противными природе русского самодержавия, чем «уменьшение» помещичьей власти над крестьянами.

В таком же отношении к папскому престолу находились правительства берлинское и венское, вплоть до крушения всех трех империй — романовской, габсбургской и гогенцоллернской; докладной запиской от 16 ноября 1913 г. Сазонов обращал внимание Николая II на то, что во время балканских событий 1912 г. «ввиду возможности столкновения между Россией и Австро-Венгрией, поляки, при услужливой помощи со стороны последней, стали готовиться к тому, чтобы пополнять ряды австрийских войск, создать нам одновременно новые затруднения поднятием мятежа в наших польских губерниях в случае, если бы возгорелась война⁵. И несмотря на слабость своего положения, он решился вступить в неравную борьбу с непомерно усилившимися при Николае II «ревнителями православия» из-за того же самого коренного вопроса об установлении дружественных отношений с Ватиканом, для привлечения с его помощью польского духовенства и поляков-католиков на сторону русского правительства.

¹ «Если вопрос решится оружием, — писал Николай I еще до усмирения восстания, — то между нами будет лишь полнейшее недоверие».

² Подчеркнуто в подлиннике.

³ Подчеркнуто в подлиннике.

⁴ *Шильдер*, Имп. Николай первый, т. II, 394 (Письмо Николая) и 490 (письмо Паскевича).

⁵ *Адамов*, Константинополь и проливы, т. I, 70.

Но не только в Австро-Венгрии готовились пустить в ход польский козырь в случае войны с Россией.

В Германии военные круги после берлинского конгресса, заключения оборонительного союза с Австро-Венгрией против России (1879 г.) и начала русских вооружений на западной границе (1881 г.), начали несравненно более быстрыми, чем русские темпами готовиться к войне, войне на два фронта, так как темпы французских вооружений не оставляли сомнений в том, какую позицию займет Франция в случае русско-германского столкновения. Ликвидация командного положения русского правительства в Болгарии, т. е. всего того, что оставил русскому абсолютизму берлинский конгресс на балканском полуострове, взамен оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, имела следствием крайнее озлобление Александра III и «патриотического» окружения его против Австро-Венгрии и всемогущей, по их убеждению, покровительницы ее, бисмарковской Германии. Соотношение военных и финансовых возможностей России и Германии было, однако, таково, что дальше крепких русских слов по адресу Бисмарка в царских пометках (обычно — «скот», с восклицательным знаком) дело не пошло бы. Но общая международно-политическая конъюнктура и внутреннее положение России поставили правительство «царя-богатыря» в необходимость выбирать одну из двух дорог к гибели русского абсолютизма: либо через мир во что бы то ни стало, с потерей престижа внутри и вне своей страны, с присоединением элементов, недовольных внешней политикой, к элементам, недовольным политикой внутренней, с переходом так наз. «московской» оппозиции (торгово-промышленная буржуазия и оскудевшие слои дворянства) в лагерь национальных и классовых противников самодержавия, либо через патриотическую внешнюю политику, через разрыв дружбы с консервативными монархиями, через вынужденный затем союз с Францией, и, наконец, участие в войне против Германии.

Вступая в империалистическую стадию развития, «великие» державы Западной Европы во второй половине 80-х годов были поставлены каждая перед другой альтернативой: как можно дольше держаться за вооруженный мир или же ускорить войну, перейти незамедлительно в открытую вооруженную атаку.

Результатом этого положения вещей в начальный период империалистической эпохи была большая, чем когда-либо, двойственность, противоречивость в определении ближайшей линии внешней политики в правительственных кругах каждой из принимавших участие в империалистическом соревновании стран; везде образовались две «партии»: сторонников мира и сторонников ускорения войны.

Тактические, в сущности, разногласия эти в области внешней политики определялись расхождением непосредственных, ближайших интересов в среде буржуазии, продолжением которых становились различные внешне-политические ориентации и программы,

* * *

Во Франции еще до 1885 г. правительство Ж. Ферри вело политику колониальной экспансии, политику франко-германского компромисса, отказа от «реванша» — за возможность опираться на дипломатическую помощь Германии в колониальных столкновениях с Англией; в 1885 г. ми-

нистерство Ферри пало, а вместе с тем возобладала линия политики восстановления военно-континентального значения Франции через союз с отходившей от Германии Россией.

В самой Германии, в правительственных верхах, имелись два течения: одно — за продление мира (Бисмарк), другое — за «превентивную» войну, за ликвидацию французской, а вместе с ней и русской опасности, пока французские (и русские) вооружения еще не представляли для Германии грозную величину (Вальдерзее).

Даже в Австро-Венгрии, где «миролюбие» основывалось довольно прочно на многократно испытанной политической и военной слабости Габсбургской империи, под влиянием союзной берлинской военщины и веры в мощь Германии, складывалась партия сторонников превентивной войны (и даже — превентивных войн!), впоследствии оформившаяся под руководством фельдмаршала Конрада фон Гецендорфа.

Наконец в России, по определению тогдашних германских дипломатов и по формулировке самих русских государственных деятелей, образовалось «два правительства», между которыми метался, впадая на каждом шагу в противоречия с самим собой, «твердый», «последовательный», «знавший, чего хотел» (по определению Витте и других недовольных Николаем II сановников), «царь-богатырь» Александр III. Первое из этих «правительств» было официальное, представлявшееся Гирсом, министром иностранных дел, и поддерживавшими его консервативными кругами привилегированной придворной аристократии, второе — «неофициальные советники» царя, политиканствовавшие великие князья, Игнатьев, Катков, Победоносцев, позднее кн. Мещерский и т. д. Программой «законного правительства» и официальной дипломатии было: сохранение русско-германской дружбы, а, следовательно, и мира между Россией и Австро-Венгрией как необходимейшего условия успешной борьбы за самосохранение самодержавно-дворянской России против внутренних врагов: «нигилистов», рабочих, крестьян и «инородцев», с поляками на первом месте.

Зная хорошо внутреннюю слабость «богатырской» империи, эти осторожные, предусмотрительные люди были глубоко убеждены в неизбежности — по выражению ближайшего помощника Гирса, Ламздорфа, — «ужасающей катастрофы, которая разразилась бы в России в случае войны». И тогда, — спрашивали они друг друга, — «где искать безопасности? Как уберечь какие-нибудь крохи для семьи?!»¹ Александр III держался за этих осторожных людей, за которыми стояло высшее, окружавшее престол дворянство. Однако внешне-политические поражения русского самодержавия со времен русско-турецкой войны и Берлинского конгресса связаны были с германофильской ориентацией; отождествлять самодержавие с этой линией, неразрывно связать с ней и дальнейшее его существование значило признать, что самодержавный строй несовместим с экспансионистскими вождениями выступавшей под знаменами панславизма, великодержавия и «исторической миссии» в проливах русской буржуазии. Патриотизм московских торгово-промышленных кругов и патриотизм российских помещиков, утесненных германскими аграриями, патриотизм «русских людей», выставявших требования: «Россия для русских» и «долой немцев!» — т. е. долой германскую конкуренцию в торговле, в промы-

¹ Дневник В. Н. Ламздорфа, Госиздат, 1926 г., 49.

шленности, в сельском хозяйстве, — был несовместим с «традиционной» германофильской ориентацией. И поэтому Александру III приходилось признавать, что союз с Германией «непопулярен, идет вразрез с национальным чувством» и что он, самодержец всероссийский, «боится не считаться с этим чувством и не хочет подорвать доверие страны к своей внешней политике». Ибо хотя «ошибок (как он сказал Гирсу 5 января 1887 г.) никаких не было, но если, тем не менее, потеряется доверие нашего общественного мнения во внешнюю политику, тогда все пропало»¹. Возмущенный и перепуганный помощник Гирса Ламздорф объяснял противоречивые, «резкие и ни с чем несообразные поступки нашего августейшего монарха, делавшие невозможным проведение какой-либо системы и последовательности в делах»², тем, что Александр III не более как «коронованный дурак». В действительности инстинкт самосохранения нехудо заменял царю-богатырю недостававший ему, на самом деле, ум: он видел то, чего не видел Ламздорф, — что если путь разрыва с Германией, сближение с Францией едет и династию и всю романовскую империю к «ужасающей катастрофе», то и путь прежний — неизменной верности союзу с Германией — ведет к тому, что «все пропадет»³.

В центре мировой политики — в Лондоне — при всей выгодности господствующего положения британской дипломатии, также были налицо две, правда слабее дифференцированные, тенденции развития, представленные одна, основная, официальными советниками королевы Виктории, другая (будущий «новый курс») — наследным принцем Эдуардом и его друзьями, первая — соглашениями 24 марта и 12 декабря 1887 г. с Австро-Венгрией и Италией об охране *status quo* в Средиземном море и англо-германским соглашением 1 июля 1890 г. (о восточной Африке и Гельголанде), вторая — англо-русским соглашением по афганскому вопросу (протокол 22 июля 1887 г.), англо-французским соглашением о Гебридах в 1890 г. Выгодность господствующего положения сказывалась тем, что здесь не было и следа отчаянной (как в России) или шумной (как во Франции) борьбы; обе тенденции мирно уживались, дополняя одна другую, несмотря на то, что в дальнейшем развитии своем «новый курс» полностью восторжествовал как политика англо-французской антанты и «окружения» Германии.

Викторианские, торийские традиции, старый курс связаны были с германской дружбой, с антирусской политикой, с применением германской угрозы

¹ Ламздорф, 35, 36.

² «После своих прекрасных заверений Швейницу (германский посол — Е. А.) наш дорогой монарх, слышавший таким правдивым и честным, делал г. Лабуа (франц. посол — Е. А.) прямые намеки на свои симпатии к Франции и на поддержку, которую она, в случае надобности, найдет в нем против Германии». Там же, 41.

³ «Царь, как всегда (наблюдение шведского престолонаследника), одновременно упрям и нерешителен». Иностранные дипломаты объясняли его «миролюбие» исключительно страхом перед террористами и революцией; бельгийский посланник в Петербурге очень метко выразился: «Он хочет мира, но со всеми теми преимуществами, которые мог бы требовать в результате победоносной войны». В Германии считали, что абсолютизму русскому на деле настал конец: наряду с самодержавной царской властью образовалась «национальная русская партия», навязывавшая напуганному террористами царю свою внешнюю политику. *Die Belgischen Dokumente zur Vorgeschichte des Weltkrieges*. 1885 — 1914, — *Erster Band*, 240, 250, 284, а также прим. I на стр. 27.

против Франции (в колониальных спорах, в особенности в борьбе за Египет), и австро-венгерской, в сфере проливов и Константинополя, — против России. Новый курс ориентировался на сближение с Францией и — в последнем счете — с Россией для того, чтобы, разрешивши старым методом египетскую проблему, решить новыми средствами судьбу молодого германского империализма.

Такова была в самых общих чертах, в *первичной* фазе своей европейская международная конъюнктура эпохи империализма и мировой войны, как можно судить по этим беглым замечаниям, в высшей степени неустойчивая, сложная, не определившаяся для влиятельнейших участников совершавшихся событий и наступавших перемен.

* *
*

В 1886, 1887 и 1888 годах колебания русской политики, в результате ближайшего по времени болгарского ее поражения, нарастание французской активности, ввиду резкого ухудшения русско-германских отношений, усиление позиций военной партии в Германии, ввиду многочисленных признаков русско-французского сближения, обострение континентальных антагонизмов двойственной политикой английской дипломатии (об этом ниже), — все это заставляло европейскую дипломатию и европейские военные центры считаться с возможностью европейской войны в ближайшем (измерявшемся месяцами) будущем¹. Опасность войны подчеркивалась и раздувалась правительствами, оправдывавшими ею громадные увеличения военных бюджетов или стремившимися усилением тревоги вызвать желательные для себя шаги со стороны других правительств. Так Криспи² сообщил в Лондон о предстоящем якобы внезапном нападении с моря на Италию Франции и этим дал повод английскому правительству прислать эскадру в Геную и уполномочить своего адмирала вступить в переговоры о совместных действиях английского и итальянского флотов против Франции³.

В случае одновременной войны против Франции и России, правящие

¹ «Всюду сознают, что мы стоим накануне великих событий, что война между нами и Францией неизбежна и что она должна вследствие вступления в нее Австрии и России превратиться в мировую войну». *Waldersee, Denkwürdigkeiten*, В. I, 309, запись под датой 7 янв. 1887 г.

«Вчера я докладывал фельдмаршалу (Мольтке) о том, что, по моему глубочайшему убеждению, Россия намерена весной начать войну. Так как мы совершенно готовы, то было бы логично, не теряя времени, теперь же решиться на войну». Там же, 334, запись от 17 ноября 1887 г.

«Канцлеру, несмотря на все его искусство, не удалось сохранить за нами русскую дружбу, вследствие чего предстоит мировая война, в которой мы будем бороться за существование свое. Великой важности вопрос: должны ли мы войну, которая представляется неизбежной, начать, пока еще шансы для нас более благоприятны, как, например, теперь, или же мы обязаны ждать момента более благоприятного для наших противников, в надежде, что случится нечто такое, что нас избавит от войны. Я убежден, что первое правильно». Там же, 349, запись от 1 января 1888 г.

² Итальянский премьер и министр ин. дел с 1887 по 1891 г. в «*Revue de Paris*» от 15 авг. 1930 г. Сфорца, рассказывая этот инцидент, сообщает, что Джолитти, ставши главой правительства, открыл источник всей этой истории — «тайное донесение ватиканских людей, состоявших на содержании у Криспи в качестве осведомителей». — *Comte Sforza, Italie et France, «Rev. de Paris», 1930, № 16, 722 — 723.*

³ *Giollitti, Denkwürdigkeiten meines Lebens, übersetzt von Stein, 1923, 51.*

германские круги еще с 1883 г. считали военной необходимостью вызвать восстание в царстве польском провозглашением независимости русской Польши¹. В военных кругах по этому вопросу колебаний не было: Бисмарк считал восстановление Польши хотя и «обоюдоострым оружием», но «меньшим злом, чем русское вторжение в Пруссию». Таким образом подготовка восточного театра войны для Германии, как и для России, связана была с вопросом о Польше. Для обеих сторон «польское оружие» было обоюдоострым, и обе стороны должны были искать и действительно искали в Ватикане помощи для заострения этого оружия против противников и для страховки себя от вредных последствий применения его.

«Обоюдоострым оружием» оказался и бисмарковский «культуркампф», проводившийся под лозунгом достижения максимальной степени единства германской государственности, но приведший к прочному политическому объединению католических элементов. В год берлинского конгресса — год избрания кардинала Печчи папой под именем Льва XIII — уже обнаружилось намерение бисмарковского правительства закончить «культуркампф» компромиссом, при содействии нового папы. Правительственная программа обширных экономических и таможенных и финансовых реформ требовала прочного содействия католической партии «центра». И Бисмарк выразил готовность если не к миру, то к перемирию, на основе некоторых уступок в пользу католической церкви, в частности в вопросе о возвращении смещенных католических епископов на их прежние кафедры (предмет постоянных переговоров и между русским правительством и Ватиканом). Против такого соглашения восстали более требовательные лидеры германских католиков и с особенной энергией иезуиты, добивавшиеся отмены запрещения своего ордена в Германии. Тем не менее, переговоры, начатые летом 1879 г., продолжались, и, по заявлениям Бисмарка (в рейхстаге в 1884 г. и в палате господ в 1886 г.), были уже выработаны приемлемые для обеих сторон условия «временного соглашения», когда «внезапная и неожиданная смерть кардинала Франки», по многозначительной формулировке Бисмарка, оборвала переговоры. Франки умер по официальным данным от какой-то странной разновидности холеры, а по широко распространившимся слухам, которым не прочь был придать веру Бисмарк, — от яда, поднесенного иезуитами ему как опаснейшему противнику непримиримой их политики².

13 апреля 1880 г. Бисмарк в депеше к германскому послу в Вене, принцу Рейссу, которому поручены были переговоры с папским пронунцием в Вене, Якобини, указывал, что католический «центр» поддерживает самых опасных врагов правительства и государства — даже социалистов и поляков. «Одного слова папы и епископов, хотя бы самого осторожного внушения, было бы достаточно, чтобы положить конец этому противоестественному союзу католических аристократов и священников с социалистами». Чтобы добиться такого внушения из Рима, Бисмарк решил пойти на уступки, но — для спасения правительственного авторитета — без переговоров с «центром» и без предварительного соглашения с Ватиканом, были проведены законодательным и административным по-

¹ *Waldersee*, I. c., 230 п. 303. (Вальдерзее с 1882 по 1888 г. — ген.-квартирмейстер, с 1888 по 1891 г. нач. ген. штаба).

² *Egelhaaf*, *Geschichte der neuesten Zeit* (1918), 49.

рядком смягчения «майских законов», а затем уже (4 апреля 1882 г.) был назначен прусским посланником при Ватикане видный дипломат, Курт фон Шлецер. Его застал там в 1888 г. А. П. Извольский под кличкой «кардинал Шлецер», связанной с достигнутым прусским дипломатом блестящим положением при дворе Льва XIII. Положение это покупалось, однако, рядом дальнейших отступлений с позиций «культуркампа»: в 1882 г. принят был закон, допускавший возвращение низложенных епископов на их кафедры и частично отменявший государственные экзамены для католических богословов. В 1883 г. епископы частично освобождались от государственного контроля при назначении приходского духовенства. В 1886 г. отменены были полностью государственные богословские экзамены, католические семинарии приравнены были к богословским факультетам, допущены были вновь к благотворительной деятельности католические конгрегации и т. д. Наконец в 1887 г. еще более были раздвинуты рамки деятельности в Пруссии католического духовенства в области образования, благотворительности и церковной юрисдикции: светская власть ограничивалась в своем праве отвода епископских кандидатов на священнические вакансии обязательством ссылаться не на взгляды или «направление» назначаемого епископом священника, а на определенные факты, мотивирующие отвод с гражданской или государственной точки зрения. Этот последний закон был как бы ответом на папское послание к вновь назначенным епископам, предписывавшее им, ввиду сделанных уже правительством уступок, соблюдать предписания светской власти, в частности о представлении кандидатов на священнические вакансии на утверждение высших местных властей.

23 мая 1887 г. Лев XIII в публичной кардинальской консистории объявил законченной борьбу между католической церковью и прусским государством, длившуюся более полутора десятка лет. Перед этим, 21 апреля того же года, Бисмарк сделал такое же заявление, мотивировавши окончательный отказ от дальнейшей борьбы тем, что «мы, прежде чем для нас наступили тяжкие испытания внешних и внутренних боев, обязаны ликвидировать все внутренние раздоры, не вызываемые крайней необходимостью».

Заявление это имело весьма определенный смысл после только что закончившейся парламентской кампании по поводу законопроекта об увеличении численного состава германской армии в мирное время (закон о «септеннате»). Голосование этого законопроекта в рейхстаге происходило 14 января 1887 г., большинством 183 голосов против 154 семилетний срок действия закона был сокращен до 3 лет, но случилось это лишь потому, что от депутатов центра скрыто было их лидерами папское внушение голосовать за принятие «септенната» полностью¹.

Таким образом к «критическому» 1887 году Германия в области польского вопроса (поскольку этот вопрос теснейшим образом сливался с вопросом о католической церкви) получила громадное преимущество перед русским правительством, находившимся с 1867 г. в состоянии разрыва дипломатических сношений с Ватиканом. Вполне понятно поэтому, что именно в 1887 г. в Петербурге ставится и положительно решается вопрос о по-

¹ Egelhaaf, I. с. 196. О выступлении кард. Якобини с инструкциями католическим избирателям при выборах в рейхстаг см. P. Matter, Bismark et son temps, III, 530.

сылке специального уполномоченного для переговоров с римской курией об условиях возобновления нормальных дипломатических сношений, а главное для заключения с папой нового соглашения, которое примирило бы католическую Польшу с царским правительством ввиду (по формулировке Бисмарка) грядущих «внешних и внутренних тяжких испытаний». Этим специальным уполномоченным и был назначен дипломат, впоследствии затмивший не одного Шлецера (сошедшего со сцены вместе с Бисмарком) блеском своей карьеры, — Александр Петрович Извольский¹.

Вопрос сводился, как мы видим, к дипломатической подготовке административно-политической обработки Польши как театра неизбежной в близком будущем войны. Бисмарк показал уже, какую цену в этом смысле имеет дружба с Ватиканом: под покровом этой дружбы он, не теряя времени, еще с 1885 г. приступил к очищению от поляков Познани и Восточной Пруссии, к усилению германской национальности в этих областях, к массовой высылке польских эмигрантов из прусских округов (около 30 тыс. чел.); в 1886 г. был учрежден государственный фонд для ликвидации польского землевладения в пользу немцев-земледельцев. И тем не менее, как католики поляки обязаны были, по внушению святейшего отца, считать себя в мире с прусской государственностью и пребывать в верности и послушании прусским и имперским законам и властям, в случае же войны на границах и в пределах Польши — твердо помнить, кого им надлежит поддерживать и с кем идти к достижению «национальных идеалов». Такой успех не мог не заставить вступить на тот же путь русское правительство, для которого польский вопрос представлял неизмеримо больше трудности и опасности, чем для Германии или Пруссии, вопрос же об отношениях с папским престолом дипломатически был, напротив, гораздо более простым и легким: между Германией и Ватиканом стояла враждебная Ватикану и союзная Германии Италия, тогда как между Ватиканом и Россией был, как мы увидим, перекинут мост французского посредничества.

Действительно папско-итальянский антагонизм очень скоро оказался ахиллесовой пятой дружбы между Ватиканом и Берлином.

Антагонизм этот с 20 сентября 1870 г., т. е. со дня занятия итальянскими войсками Рима и превращения его из столицы папской «священной области» в столицу объединенного итальянского королевства, определял не только отношения между папским престолом и итальянским правительством, но и всю дипломатическую деятельность римской курии: первым актом Льва XIII по избрании его папой было — как это вошло в ватиканские традиции — заявление о непризнании законным положения, созданного в 1870 г. насилем или «ограблением» наместника Петра; отнятием у него светской территориальной власти. Условием примирения с итальянской королевской властью папский престол ставил возврат ему Рима, или, по крайней мере, заречной (на правом берегу Тибра) части города с половиной земли вплоть до морского берега — для обеспечения свободных сношений главы католической церкви со всем остальным миром. От этих условий Ватикан не отступал в тайных переговорах, которые вел с королевским

¹ Миссия Извольского была негласной и неофициальной; в списках чинов МИД он числится до 1894 г., т. е. до назначения своего министром-резидентом при Ватикане, «состоящим в ведомстве ин. дел», без указания места службы.

правительством при Льве XIII, и об эти условия разбились попытки обеих сторон прийти к соглашению и примирению. Дипломатические успехи Льва XIII вызвали поэтому естественную тревогу и крайнее недовольство итальянского правительства; они должны были завершиться попытками путем международного дипломатического воздействия поднять и решить вопрос о восстановлении светской власти папы. Во время посещения имп. Вильгельмом II Льва XIII в октябре 1888 г. попытка эта сделана была самым решительным и неудобным для гостя образом: несмотря на принятые Вильгельмом меры предосторожности¹, Лев XIII поставил ему ребром вопрос о восстановлении папской светской власти, в то время как предметом разговоров итальянского короля и его министров с Вильгельмом и его советниками была опасность нападения на Италию Франции, грозившего восстановлением папской власти в Риме.

Отношения Франции к Ватикану определялись до 1887 г. стремлением папской дипломатии добиться такого положения, при котором папский престол мог бы не только с выгодами для себя лавировать между враждебными друг другу европейскими державами, но, сделавшись нужным всем им, выбирать среди них в нужный момент попутчика и союзника для достижения основной своей задачи — восстановления светского своего суверенитета. Но католической церкви республиканская Франция будет так же любезна, как Франция императорская или королевская, если Франция третьей республики станет такой же «верной дочерью» этой церкви, какой была Франция второй империи или орлеанских и бурбонских королей. В этом случае Лев XIII готов будет привести французское католическое духовенство в повиновение и послушание правительству республики, — правительству неустойчивому, для которого такой союзник одновременно был и крайне привлекателен (для откровенно-реакционных элементов) и весьма «компрометантен» (для спекулировавших на антиклерикализме элементов радикальных).

И тем не менее еще Гамбетта признал антиклерикализм предметом внутреннего потребления, а не «экспорта», дорожа, как дорожили всегда и все французские правительства, сотрудничеством римской курии и подчиненных ей миссионеров и духовных орденов в колониальных и полуколониальных странах. В соответствии с этим политика правительства третьей республики в 80-х годах официально «светская» и радикальная, велась параллельно неофициальным путем при помощи и в духе представителей католической аристократии, тесно связанной с антиреспубликанскими монархическими центрами и партиями. «Есть Франция и Франция», — было аксиомой для тогдашних европейских дипломатов и правительств. Сама республиканская Франция крепко придерживалась правила назначать своими дипломатическими агентами при европейских дворах представителей

¹ Принцу Генриху велено было явиться в определенный момент, чтобы помешать Льву XIII начать разговор на неудобную тему. Ватиканская стража получила в то же время приказ никого не пропускать и ни о ком не докладывать папе во время приема Вильгельма, для того чтобы разговор этот мог без помехи состояться. В результате — принц Генрих силою волился в запретное помещение, что вызвало величайшее негодование как в Ватикане, так и в католических сферах Германии. Это выступление папы привело к изданию итальянским правительством нового закона против государственных преступлений духовенства и на несколько (5—6) лет прервало всякие попытки примирения между «Ватиканом» и «Квириналом».

дворянской, католической и монархической Франции, к которым европейские монархи и их министры относились с особого рода доверием, не смешивая их с республиканской чернью, не стесняясь с ними ни в обсуждении своих дел, ни в отзывах об их правительстве. Такого агента имело французское правительство в одном из важнейших католических центров, Мюнхене, в лице весьма активного клерикала графа Лефевра де-Бегэн (Lefevre de Béhaine), который был затем переведен в Рим представителем Франции при Ватикане¹, а позже, в 1886 г., был даже выдвинут кандидатом на пост посла при царском дворе². На ватиканской сцене, пользуясь полным доверием Льва XIII и его статс-секретаря Рамполлы, он существенно облегчал Извольскому с первых же шагов его выполнение возложенной на него задачи.

Между тем рост французской капиталистической индустрии в последнюю треть XIX в. вел к упадку мелкую буржуазию, а с нею вместе и мелкобуржуазный радикализм, формировал фабрично-заводский пролетариат с политическими организациями социалистического движения и тем самым объединял «всю собственническую массу в единый реакционный лагерь». Еще в половине 70-х годов число стачечников определялось в 2 730 человек, а в 1879 г.— уже в 43 283³. Процесс этого объединения буржуазии выразился в сближении во внутренней политике двух фракций французской буржуазии, католически-монархической и антиклерикально-радикальной. При Льве XIII Ватикан поставил свою ставку именно на это «объединение собственнической массы»: он предложил французскому правительству, в полном единении с католической крупно-буржуазной олигархией Франции, во-первых, проводить политику примирения католиков-монархистов с третьей республикой и, во-вторых, повсеместную борьбу с растущим социалистическим движением. Так наз. «примирение» («le ralliement») правых (католико-монархистов) с республикой было подготовкой и условием к переходу в наступление на пролетариат, ознаменовавшееся законами против анархистов и против печати («les lois scélérates») и послужившее почвой для политической карьеры заклеянных еще Жоресом «молодых людей» новооппортунистического направления, из рядов которых особенную известность получили имена Дюпюи, Дешанеля, Барту и ... Пуанкаре⁴.

Новейший и «технически» наиболее совершенный труд по истории франко-русского союза⁵ указывает на «римский вопрос» прежде всего, как на средство давления французской внешней политики на итальянскую, и в связи с этим отличает выдающуюся деятельность «необычайно способного» представителя Франции при Ватикане — Лефевра де-Бегэн.

«Однако до 1887 г., — говорит автор этой весьма основательной работы⁶, — он, повидимому, не играл очень заметной роли. Лев XIII занят был еще решением вопросов, выросших на почве «культуркэмпа», и его главные помощники питали еще надежду на помощь Германии и Австрии в деле восстановления папской светской власти. Поворотный момент

¹ С 1882 по 1899 г.

² Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, VI, 105.

³ Фридлянд, История Западной Европы (1789 — 1914), II, 214, 216.

⁴ Зевазс, История третьей республики (1870 — 1926), 200 — 201.

⁵ The Franco-Russian Alliance 1890 — 1894 by William Leonard Langer (Cambridge—Harvard Univ. Press, London-Oxford, 1929).

⁶ W. Langer, 113, 114.

наступил в 1887 г. и был ознаменован назначением кардинала Рамполлы папским статс-секретарем. С этого момента влияние Лефевра постепенно вытеснило влияние его германского коллеги фон-Шлецера». Одним из первых успехов его¹ был срыв попытки влиятельных церковников помирить курию и итальянское правительство. «Германское влияние упало до крайнего предела после злополучного посещения Вильгельмом II Ватикана в 1888 г., тогда как французское влияние одерживало одну победу за другой. По мере того как буланжистское движение замирало, Лев XIII все более и более склонялся к примирению с республикой и установлению с ней дружеских отношений». Эти «дружеские отношения» означали бы политический союз: французская республика содействовала бы разрешению «римского вопроса» в смысле восстановления светской власти папы, последний же со своей стороны оказывал бы содействие французской дипломатии в деле разрушения тройственного союза посредством «выведения» из него Италии. На пути к полному осуществлению этого франко-папистского «сердечного согласия» стояла, однако, непримиримость французских роялистов-клерикалов, превращение которых в добрых республиканцев должно было бы быть исходным путем сделки. Решительный и открытый шаг в этом направлении относится лишь к началу 1890 г.; это январская энциклика *Sapientiae Christianae*, провозгласившая принцип одинакового отношения церкви ко всяким формам государственного устройства—результат заявлений виднейших руководителей французской церкви, с кардиналом Лавижери (*Laviegerie*) во главе, о невозможности в дальнейшем опираться исключительно на французские монархические партии, лишенные всяких реальных политических перспектив; архиепископу римскому поручено было опубликовать воззвание к верующим, с внушением им «искренних» республиканских чувств, и воззвание это было составлено, но опубликование его было отменено из страха потерять влиятельную, непримиримую бретонскую клиентуру². Лавижери, близкий политический друг герцога Шамбора, один из лидеров монархического движения 70-х годов, глава алжирской церкви, кардинал-колонизатор, один из создателей северо-африканской колониальной империи, весной 1890 г. настаивал перед Львом XIII на дальнейшем развитии «нового курса». «Папское одобрение умеренной республики,—говорит Лэнджер,—чрезвычайно подняло бы престиж республиканского правительства и сделало бы его более желанным союзником в глазах консервативных монархов. Франция могла бы воспользоваться новым своим влиянием в Риме для посредничества между Россией и Ватиканом и таким образом сковать новое звено в цепи франко-русского союза. Франко-папистская дружба неизбежно привела бы вместе с тем к ослаблению позиции Италии. Итальянские республиканцы усилились бы вследствие признания (Ватиканом) французской республики и Италии было бы трудно противостоять Франции, если бы она подняла вопрос о восстановлении папской светской власти»³.

¹ В 1888 г. папской буллой было признано за французской республикой право покровительства в отношении всех католиков Сирии и Палестины.

² В январе 1892 г. такое воззвание было все же опубликовано за подписью пяти французских кардиналов, и в феврале *Petit Journal* опубликовал интервью с Львом XIII, представлявшее декларацию признания республики.

³ Одновременно французская дипломатия готова была к сотрудничеству с крайними реакционерами, неаполитанскими монархистами, противниками либеральной Савойской династии. Об этом — *L. de Cheyssac, Le Ralliement, Paris, 1906, 74.*

Летом этого же года Лавижери, под предлогом переговоров о борьбе против работорговли, прибыл в Париж, где в действительности вел политические переговоры с министрами Констаном, Рибо, Фрейсине и президентом Карно. Из Парижа он отправился в Рим с убедительными аргументами в руках о необходимости «порвать со старыми партиями, примирить католиков с республикой и организовать католиков на этой платформе». Лев XIII со всем этим согласился, но считал, что главе католической церкви неудобно выступить с открытым забралом против французских монархистов, и поэтому предложил энергичному Лавижери взять на себя бремя и славу соответствующего политического выступления. Таково происхождение одного из самых сенсационных событий 1890 г.: речи африканского кардинала на банкете офицеров прибывшей в Алжир французской эскадры, на борту адмиральского судна, под звуки марсельезы, на тему о патриотическом долге каждого гражданина принять существующую форму правительственной власти, «если она принята и признана нацией»; в заключение своей речи кардинал многозначительно заявил, что он не опасается быть дезавуированным свыше¹. В ответ на шум, поднятый этим событием в европейской прессе, и на смятение в разнообразных политических кругах, кардинал статс-секретарь Рамполла написал и опубликовал письмо к одному из французских епископов, не оставившее ни малейших сомнений в том, что Ватикан всецело одобряет выступление Лавижери. «Письмо кардинала Рамполлы, — писал итальянский официоз *«L'Italie»*, — в сущности представляет не что иное, как безоговорочный переход папства на сторону французской республики... Франко-папская антанта — совершившийся факт». В итальянских правительственных кругах считалось, что папская дипломатия ведет подпольную работу против тройственного союза, и что французская — дала Ватикану положительные обещания касательно восстановления папской светской власти в Риме².

Двойственность мы находим и в отношении к Франции правительственных кругов России и самого Александра III. Далеко не все «самозванные» русские деятели франко-русского сближения, компрометировавшие царское правительство в глазах правительства германского своими вызывающими выступлениями, подвергались хотя бы для видимости формальному осуждению и формальным репрессиям, как это было с «жертвами Бисмарка», Жомини или Богдановичем³. Не один вел. кн. Николай Михайлович не пострадал за свою воинственную речь во Франции; известный ген. Баранов, нижегородский губернатор, получил даже царскую награду после участия в патриотической манифестации в честь Поля Дегруледа, объезжавшего Россию с пропагандой франко-русского союза против Германии. Однако еще в ноябре 1886 г. германский посол в Петербурге (Швейниц) не мог поверить, чтобы Александр III был способен

¹ L. Baurard, *Leo XIII et le Toast d'Alger* (Paris 1914), — излагает версию самого Льва XIII об этих событиях; см. W. Langer, l. c., 134—135, с библиографическими указаниями, к которым следует добавить: Jean de Bonnefon, *Le Pape de demain* (Paris, 1889), где имеется очень интересная апологетическая характеристика кардинала Лавижери, из коей видно, что этот борец против работорговли был рабовладельцем чистойшей пробы.

² Otto Becker. *Das französisch-russische Bündniss* (Bismark und die Einkreisung Deutschlands, Zweiter Teil, Berlin, 1925), 135.

³ Да и Богданович, «пострадавший» в июне 1887 г., в начале 1888 г. был вознагражден за это еще более высоким, чем прежде, служебным назначением.

поощрять самочинных делателей франко-русского сближения при своем открытом и глубоком отвращении к республике и республиканцам. Действительно «царь-богатырь» умел тогда богатырски выражаться даже на французском языке, если речь заходила о правительстве республики — «ignoble gouvernement et canailles»¹. Гирс с полным основанием говорил германскому поверенному в делах фон Бюлову в декабре 1886 г.: «Что император Александр III в глубине души испытывает по адресу французских республиканцев только презрение и отвращение («mépris et dégoût»), известно всему миру»². Да и кто мог этого не знать, если накануне отозвания французского посла, генерала Аппера, Александр III сказал ему в присутствии Швейница: «Quel ignoble gouvernement! J'espère, que vous le chasserez!»³ Между тем французское правительство, не спросивши разрешения у Александра III, позволило себе отозвать этого, заслужившего чрезмерное доверие царя, посла. Разгневанный самодержец приказал своему послу в Париже, барону Моренгейму, выехать из Парижа. После этого, как рассказывал Гирс Бюлову, французы «буквально стояли на коленях перед нами»⁴, и даже, переводя буквально французский оборот речи, — «ползали перед нами на животах!»⁵ — добиваясь возвращения Моренгейма в Париж и принятия Лефевра де Бегэн или Лабулэ в Петербург... Гирс же, по его словам, «отвечал французам, что им надо потерпеть».

Но французов нечего было учить терпению: давно ли республиканские министры заявляли во всеуслышание, что если германское правительство «наступит им на ногу», то они, французы, будут извиняться? С тех пор прошло, правда, около десятка лет, но французская дипломатия за это время ничего не забыла, многому научилась, многого уже дождалась, и ей нетрудно было дожидаться остального.

* * *

Основываясь на доступных ему данных, германский историк Гуго Преллер выдвинул в 1924 г. сенсационную гипотезу о решающей роли Льва XIII и его статс-секретаря Рамполлы в заключении франко-русского союза.

«Двойственный союз, — заявил решительно этот историк⁶, — был в действительности с самого начала тройственным союзом», — третьим, неизвестным до сих пор, соучастником его был Ватикан.

По мнению Преллера, «Франция стала союзоспособной, только⁷ вследствие политики Рамполлы. Не может подлежать сомнению, хотя это и нуждается в дальнейшем подтверждении при помощи первоисточников, что в числе посредников или единственным посредником при заключении франко-русского союза был Ватикан»⁸.

¹ Телеграмма Швейница Бисмарку от 9 ноября 1886 г., Die grosse Politik т. VI, 98—99.

² Там же, 104.

³ «Что за гнусное правительство! Я надеюсь, что вы его прогоните!» Там же, 114.

⁴ Ils étaient littéralement à genoux devant nous.

⁵ «'s sont à plat ventre devant nous». Там же, 104, 105.

⁶ Archiv für Politik und Geschichte, 1924, Heft 10, Zur Entstehung und Structur des russisch-französischen Zveibundes von 1891—1894.

⁷ Курсив наш.

⁸ Zur Entstehun g, 472

В пользу своего мнения Преллер ссылается между прочим на заявление ватиканского официоза в 1893 г., что Ватикану принадлежат отцовские права в отношении франко-русского союза.

Otto Becker в своем замечательном новизной использованных автором архивных материалов исследовании о происхождении и развитии франко-русского союза, признавая, что франкофил Рамполла старался способствовать сближению России с Францией, находит, что Преллер преувеличил значение газетных сообщений (особенно хвастливых заявлений ватиканского официоза), не проверивши их по «важнейшему первоисточнику», французской Желтой книге «L'Alliance franco-russe»¹. В то же время сам Беккер цитирует интереснейшие донесения Шлецера от 30 мая и 12 ноября 1896 г., в которых сообщается: иезуитские круги настаивают на желательности франко-русского союза и общеевропейской войны, как единственного пути к восстановлению папской светской власти; в сентябре 1890 г. кардинал Галимберти заявил Шлецеру, что Лев XIII все более и более склоняется к этой точке зрения. Цитированному выше американскому историку эти объяснения кажутся невероятными: «Представляется весьма неправдоподобным, — говорит он, — чтобы Лев XIII когда-нибудь серьезно думал о столь радикальном средстве»².

Сам же Беккер, цитируя этот интереснейший архивный документ (не нашедший места в «Die Grosse Politik»), воздерживается от выражения собственного мнения по этому основному вопросу, ограничиваясь лишь следующим заявлением: «Во всяком случае верно то, что курия и французская республика в своих стараниях помочь осуществлению франко-русского союза действовали рука в руку». Между тем заявления кардинала Галимберти, папского нунция в Вене, Шлецеру неизмеримо значительнее, чем тот вывод, который позволил себе сделать чрезмерно осторожный (что будет доказано нашими документами) автор: Галимберти открыл Шлецеру, что «Лев XIII, до сих пор всегда стоявший за сохранение мира, с недавнего времени явным образом все более и более склоняется к точке зрения непримиримых, которая, как известно, заключается в том, что наместиничество Петра может быть восстановлено в «своих правах» только в результате всеобщей войны; что от отдельных католических и некатолических государств курия не может теперь ждать какой-либо поддержки; после же европейской войны великие державы должны будут собраться на конгресс, который во всяком случае признает за папой права светской власти». «Влиятельнейшие сторонники этой точки зрения, иезуиты, — излагает далее Беккер вторую часть этого же донесения Шлецера от 12 ноября 1896 г., — послали в Париж г-на де Балази (de Balasy), где он вел переговоры с различными финансовыми (курсив наш — Е. А.) и политическими воротилами, в особенности же с Фрейсине... В связи с этими переговорами находились старания курии побудить консервативные и клерикальные круги Франции примкнуть к республике»³.

Для другого германского исследователя Г. Ротфельса⁴ «вне всякого

¹ O. Becker, l. c., 304—305. — Нечего и говорить, что этот «важнейший первоисточник» не дает никакого ответа на вопрос, поставленный Г. Преллером.

² Langer, l. c., 131—132.

³ O. Becker, l. c., 134—135.

⁴ Hans Rothfels, Das Wesen des russisch-französischen Zweibundes, Archiv für Politik und Geschichte, 1925, II.

сомнения стоит относительно высокое значение кардинала статс-секретаря Рамполлы в преобразовании европейского политического положения и в спасении Франции от изоляции», так же как для Фриджюнга, бегло отметившего эту роль Рамполлы и Льва XIII в своей известной истории империализма¹.

«Без сомнения, — говорит Ротфельс,² — реабилитация третьей республики старшей «законной» властью Европы вместе с другими событиями (преследование анархистов во Франции) повысила в отношении «царизма» союзоспособность Франции». Но Ротфельс, доверяясь опять-таки *дипломатической публицистике*, полагает, что катковский «панславизм» симпатизировал Франции именно как родине революции (!), а сверх того считает (и тут он совершенно прав), что нельзя преувеличивать влияния папской дипломатии на «петербургские решения».

Ленджер, ссылаясь на J. Piou, Le Comte A. de Mun; K. Golowin, Meine Erinnerungen и статьи в Contemporary Review, окт. 1892 г., и Deutsche Review, декабрь 1892 г., определяет роль ватиканской дипломатии следующим образом.

Осенью 1891 г. папа «бесспорно использовал все свое влияние для убеждения царя в том, что так наз. атеизм французской республики имеет чисто внешнее значение и что все консервативные правительства заинтересованы в поддержке умеренного правительства республики для того, чтобы оно не попало в руки безбожных радикалов». К этому автор этот может добавить лишь, что Лев XIII «нисколько не старался скрыть свое недовольство членами тройственного союза, и европейская публика зимой 1891—92 г. наблюдала прогрессирующую отчужденность Ватикана от правительств Вены и Будапешта»³. (Надо помнить, что 4 февраля 1892 г. был готов уже проект франко-русской военной конвенции Мирибеля, переработанный в августе Буадефром и Обручевым и 17 августа «принципиально» одобренный Александром III.)

Проф. Maximilian Claar⁴ считает, что вся шестнадцатилетняя статс-секретарская деятельность Рамполлы проходила под знаком «ненависти к Италии», что позиция его в отношении тройственного и двойственного союзов целиком и от начала до конца определялась враждой его к ограбившим церковь «узурпаторам Рима».

Он указывает на то, что известное уже нам обострение отношений между Ватиканом и Квириналом в 1889 г. привело к серьезному обсуждению вопроса о переселении папского двора в Испанию, в ближайшей связи с открытием памятника Джордано Бруно на месте казни его папскими палачами. Криспи превратил это торжество в такую демонстрацию, какой еще не видел Рим, а озлобление, вызванное этим событием, так прочно вошло в сердца ватиканских жителей, что при заключении латеранского договора с Муссолини советники Пия XI пытались включить в этот договор пункт об уничтожении памятника великому мученику инквизиции. Нахождение Австро-Венгрии в союзе с непримиримо враждебной папскому престолу Италией, международно-политическое ничтожество Ис-

¹ H. Friedjung, Das Zeitalter des Imperialismus, I, 138.

² H. Rotfels, 150.

³ Langer, l. c., 235—236.

⁴ Kardinal Rampolla als Staatssekretär und Pabstwerber, — «Europäische Gespräche», 1929, IX.

паний, Португалии и Бельгии делали Францию единственной влиятельной католической страной, с которой к тому же у папского престола имелось общность политических интересов (против Италии) и на которую, следовательно, независимо от формы ее государственного строя, папская дипломатия имела полное основание рассчитывать как на союзника и сообщника, при всяких изменениях политического равновесия и соотношения сил в Европе. Таможенная война между Францией и Италией, расцвет воинственного буланжизма еще более облегчили Рамполле задачу сближения с французским правительством. Но проф. М. Клаар считает, что франкофильская политика Рамполлы датирует лишь с 1890 г. — на том основании, что если бы она имела более раннее происхождение, то в 1889 г. Рамполла советовал бы папе вести переговоры о переселении не с испанским, а с французским правительством!... Наши документы опровергнут и это мнение, подкрепленное, впрочем, на редкость неубедительным аргументом. Каким бы ни был франкофилом Рамполла, но мысль начать с правительством французской республики переговоры о переселении папского двора во Францию не могла бы быть воспринята им в здравом уме и твердой памяти.

Документы архива российского министерства иностранных дел, хранящиеся в Архиве революции и внешней политики в Москве, позволяют внести в этот, столь актуальный и для политической нашей современности, вопрос, — ясность, позволяющую правильно оценить значение и удельный вес ватиканской дипломатии в эти дни «весны» или «молодости» империалистической Европы.

* * *

Действенное осуществление франко-русской антанты по болгарскому — центральному, самому больному, самому острому для дипломатии Александра III, — вопросу, относится к первым дням 1887 г.¹ На телеграмме Моренгейма (от 1/13 января 1887 г.) по поводу свидания Флуранса с болгарской делегацией Александр III написал для сведения Гирса: «Я сегодня сделал чудные комплименты Лабулэ на счет этого»². Через Моренгейма Флурансу было передано, что «его величество оценил вполне безукоризненную прямоту этого ответа и чрезвычайно признателен за него французскому правительству»³.

Если историки в общем достаточно оценили значение этой первой, решительной и властной поддержки Францией царской дипломатии, переживавшей четвертую и опаснейшую фазу банкротства всей своей ближневосточной политики (первая — вытеснение русского влияния из Греции, вторая — установление европейской гарантии «неприкосновенности» оттоманской империи и проливов, третья — оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и установление по договору 1881 г. фактического протектората Австро-Венгрии над Сербией), — то легко себе представить как царское правительство восприняло в момент полнейшей изоляции, бес-

¹ Ответ французского министра ин. дел Флуранса болгарской делегации, отсылавший их за решением вопроса о замещении болгарской княжеской вакансии к русскому правительству, дан был 9/1 1887 г.

² Московский архив внешней политики и революции. Фонд рос. мин. ин. дел, — «Paris I», 1887.

³ Архив МИД, «Paris II», 1887.

помощности и отчаяния этот внезапный, яркий луч света в беспросветной тьме болгарского тупика. Ответ Флуранса болгарам был не только признанием Болгарии (моста к Константинополю, к проливам) *русским заповедником*, но представлял действенное пред лицом всей Европы утверждение «нагло» и, главное, *безнаказанно* погранных «священнейших прав» русского самодержца,—единственных плодов разорительной войны и тяжких союзных обязательств в отношении Германии, фигурально выражаясь—долголетнего сидения на цепи в бисмарковской конуре захудавшего, обиженного всеми русского абсолютизма, снедаемого внешними и внутренними недугами.

Со стороны Флуранса это был, само собою разумеется, ход вспомогательный, подготовительный. 7/19 января последовал ход основной: Флуранс распространился перед Моренгеймом о «явно враждебных и даже агрессивных намерениях Германии», «intentions manifestement hostiles et même agressives de l'Allemagne». Последнюю речь Бисмарка (о септеннате) он охарактеризовал, как «недвусмысленную и провокационную угрозу». (В «царском» подлиннике расшифрованной телеграммы Моренгейма эти слова подчеркнуты). Вооружения на границах Бельгии, Швейцарии и Италии он отметил как многочисленные симптомы и из всего этого сделал вывод, что Франция должна быть срочно приведена в боевую готовность, а закончил просьбой передать в Петербург его слова как формальное заявление «*déclaration formelle au cabinet impérial*»¹.

Ответный документ представляет чрезвычайный интерес. Он озаглавлен: «Проект секретной телеграммы барону Моренгейму» и не имеет даты, но на нем сделана пометка (на французском языке): «Зашифрована 8 января Шиллингом» и сверх того имеются три пометки Александра III.

Текст: «*Croyons craintes exagérées. Tous nos renseignements indiquent désir général de paix. Même les armements ont été expliqués vue de la mieux garantir. En tous cas aucun gouvernement n'accepte initiative de guerre. Il y a donc aucun motif pour désespérer des efforts d'apaisement*»².

Первая царская пометка: «Читал». Вторая (на полях, против *последней фразы*): «*Для нас, а для Франции это еще вопрос!*» И третья (под текстом): «*Мы ничего не знаем про намерения Бисмарка, так что же мы их*»³ *будем успокаивать. От Бисмарка можно все ожидать.*

Тезис (гирсовский) и антитезис (катковский) выражены с чрезвычайною рельефностью. Гирс, действительно, хочет мира, спокойствия и благополучия для всех, «кому на Руси жить хорошо». Александру III надо спасти корону, спасти династию, выбираться из «собачьей конуры», припугнуть Бисмарка французскими вооружениями, заставить его отказаться от хлыста (польский вопрос, финансовые репрессии), заставить его дать свободу и даже помочь скованному «царю-богатырю» посчитаться с вероломной Австро-Венгрией (за Боснию, Герцеговину, Сербию, Болгарию).

¹ Архив МИД, «Paris I», 1887, тел. Моренгейма от 7/19—I—1887 г.

² Архив МИД, «Paris II», 1887: «Тел. от 7 получена. *Шифром*: Будем ждать вашу почту. Считаю опасения преувеличенными: вся наша информация указывает на всеобщее желание мира; даже вооружения были объяснены желанием его упрочить. Во всяком случае ни одно правительство не принимает на себя инициативы начать войну. Поэтому нет никакого основания отчаиваться в успехе примирительных стараний».

³ Французов.

И все же телеграмма, судя по отметке о зашифровке, была отправлена: страх еще и еще раз превозмог злобу. Но злоба превращалась в результате этих побед над самим собою, в ярость.

И вот разница: Бисмарк в таких случаях мог действовать угрозами и репрессиями; а Флуранс изысканнейшим образом снова сервирует любимое в Петербурге блюдо. Опережая инициативу русской дипломатии, он сам на следующей день, после своей «формальной декларации», предлагает «établir entente représentants de deux pays à Constantinople sur voies et moyens de solution de la crise, en vue d'arrivée des délégués bulgares»¹. Так разве же не правы Катков, Обручев (нач. ген. штаба) и ген. Гурко (сторонники русского «освобождения» при помощи французского «реванша»), Моренгейм, школьный товарищ Каткова, теснейшим образом связанный с закулисным агентом франко-русского сближения Ганzenом и с католической группой влиятельных французских дипломатов, работавших над разрешением проблемы этого сближения, как, например, недооцененный Шодорди², а также Победоносцев, Баранов, Богданович, наконец, Цион, хлопотущий—по поручению могущественных патронов—об «освобождении» России от финансового «ярма» Германии путем перехода русского самодержавия на содержание к французскому финансовому капиталу?!. Разве французы не заслужили уже вместо дикой брани, которую их осыпали еще в 1886 г.,—«чудные комплименты»?..

Как известно, финансовый «альянс» между Францией и Россией предшествовал и во времени и в существе дела «альянсу» политическому. 1887/88 г., с финансовым разрывом между Германией и Россией и первым участием французских банков в финансовых операциях русского самодержавия, был в этом отношении решающим. Заключение «перестраховочного» договора между Германией и Россией в 1887 г.—последние бранные остатки союза трех императоров—было не более как безнадежной попыткой защититься против неотвратимой логики развивавшихся событий. Поэтому не подлежит сомнению, что для истории возникновения франко-русского союза деятельность вдохновителей юркого «де Циона» важнее деятельности «великого» кардинала статс-секретаря, Мариано Рамполла дель Тиндаро. Но нас интересует именно роль ватиканской дипломатии в период перегруппировки европейских держав и образования предвоенных коалиций. Как читатель видит, русское и французское правительства до сих пор обходятся собственными средствами, не нуждаясь в помощи ватиканской дипломатии и не имея пока еще никаких оснований рассчитывать на эту помощь. Даже напротив—в отношении Льва XIII в Архиве МИД мы находим прямое указание русского дипломатического предста-

¹ Тел. Моренгейма от 8/20 января 1887 г. (Архив МИД, «Paris I», 1887): «Установить согласованность в действиях представителей обоих государств (России и Франции) в Константинополе по вопросу о путях и способах разрешения кризиса (болгарского), ввиду прибытия в Константинополь для переговоров с турецким правительством болгарских делегатов».

² Граф Шодорди (о деятельности его см. ниже)—французский делегат на константинопольской конференции 1877 г., посол в Петербурге в 1881—1882 г., настоящий пионер тройственного соглашения, работавший в описываемую эпоху в том направлении, в котором действовали в это же время пионеры «нового» курса английской дипломатии: Рандольф Черчилль, Р. Морьер, Друммонд-Вольф (до своего водворения в Тегеран), с оставшимися в тени за их спинами принцем Эдуардом и его высоким другом — главой английского дома Ротшильдов.

вителя в Риме, что папская дипломатия всячески стремится «снискать симпатии могущественной Германии»¹ еще и после известного нам выступления св. престола в пользу проведения в Германии законопроекта об усилении вооружений. Даже в июне 1887 г. Лев XIII в послании к будущему проводнику «нового курса» папской дипломатии, Рамполле, обличает «трудные условия, в которые поставлены католическая церковь и католическое население в России». Ясно, что для первой половины 1877 г. и речи быть не может о дипломатическом посредничестве Ватикана между Францией и Россией; французские и русские деятели этого сближения обходились в энергичной работе своей в этом направлении без всякой помощи Льва XIII и Рамполлы.

Между тем, результаты, достигнутые ими, были весьма существенны уже в самом начале 1887 г.

9/21 января Моренгеймом была отправлена Гирсу телеграмма, передававшая следующие заявления Флуранса: 1) французский посол в Берлине сообщает о предстоящем ультимативном требовании Германии о прекращении французских вооружений и даже о «разоружении»; 2) французский посол в Лондоне имеет сведения от самых влиятельных английских политических деятелей («d'hommes politiques les plus influents»), что война неминуемо начнется весною; 3) официально сообщается из Швейцарии, что из Берлина срочно затребованы гарантии, касательно позиции Швейцарии в случае войны между Германией и Францией; 4) из Брюсселя («хотя и менее официально») получены предупреждения о секретном военном германо-бельгийском соглашении, с указанием на виновного в заключении его генерала Бриальмона... «В случае требования из Берлина о разоружении,—заключает Моренгейм,—французскому правительству чрезвычайно важно знать, может ли оно рассчитывать на какую-либо моральную поддержку императорского правительства?» — «Конечно, да», — твердо написал против этой фразы Александр III, тогда как недоверчивый Гирс предувещивал царя своей пометкой на этой же телеграмме: «эту телеграмму сообщаю графу Шувалову (т. е. в Берлин—Е. А.) для проверки»².

Правда, депеша Моренгейма (от 1/13 февраля), излагавшая обстоятельства министерского кризиса, вызванного попыткой ген. Буланже, в качестве военного министра, войти в непосредственные письменные сношения с Александром через собственного своего курьера и без ведома министра иностранных дел,—вызвала замечание Александра III: «Что за плачевное правительство!» Но зато, когда он получил от Флуранса через Моренгейма и прочел шесть секретных донесений французских агентов в Софии и в Филиппополе,—он излил свои чувства в необычайно для него пространных заметках на препроводительной записке Моренгейма:

«Чрезвычайно интересно. Совершенно как будто донесения нашего агента³. Что за мерзость творится в Софии и хорошо поведение европейских агентов! Сожалею, что мы не передали наши дела француз-

¹ Депеша Иксуля № 11 от 15 февраля 1887 г.

² Тел. Моренгейма от 9/21 января 1887 г, Арх. МИД, «Paris I», 1887.

³ Выделенные курсивом здесь слова подчеркнуты в подлиннике.

⁴ При отзыве из Болгарии дипломатических агентов русского правительства.

зам. Тильман¹ не искренен² и проку от него мало. — Весьма любезно со стороны французского правительства, что они передали нам эти сообщения³.

А затем — в подтверждение полученного ранее предупреждения Моренгейма — Лабулэ передал Гирсу по поручению Флуранса, что последний попросил министра вн. дел установить усиленное наблюдение за русскими «анархистами» и что им получена секретная информация из Лондона о состоявшемся в Лондоне 19 марта собрании «тайного комитета» русских эмигрантов под председательством Кропоткина, причем Кропоткин заявил на этом собрании о готовящемся в ближайшем будущем новом покушении на царя⁴. Таким образом «плачевное правительство» превратилось в могущественное добровольческое отделение царской охраны, и тут уже всякие заподозривания его в измене «незыблемым принципам социального порядка» становились смехотворными. Радикальные министры и посол республики, принявши на себя роль шпионов царского правительства, настолько перешеголяли монархические консервативные правительства, что вполне понятно то поразительное пренебрежение, с которым в дальнейшем Александр III и его советники франкофильской ориентации (а впоследствии, в 1914 г., и Сазонов) относились к «сознательным» речам германских дипломатов о полицейской солидарности монархических правительств в отношении «революционной» Франции.

«Мы можем только поздравлять себя с благоразумным и корректным отношением к нам парижского кабинета, — писал Моренгейму 17 марта Гирс, — во всех очередных вопросах, и мы надеемся и в дальнейшем на взаимную поддержку, без афиширования нашей тесной связи, которое возбудило бы недоверие и раздражение. Время и дела оформляют и укрепляют добрые отношения между государствами. Г. Лабулэ совершенно согласен с нами в этом отношении... Император желает сохранения мира, и его величество полагает, что лучшее средство сохранить его — избегать, насколько возможно, ухудшения отношений России к ее соседям, оставляя, однако, за собою полную свободу действий в будущем»⁵. Предлагая со своей стороны распространение русско-французской антанты на политику обеих стран в отношении Турции, Гирс в этой же инструкции Моренгейму указывает на обнаружившуюся опасность привлечения

¹ Германский агент, которому сданы были русские дела.

² Так в подлиннике.

³ Записка Моренгейма Гирсу от 26 февраля (10 марта) 1887 г. (арх. МИД. Дело секр. архива № 52).

⁴ Дешифрант тел. Флуранса Лабулэ от 21 марта 1887 г. (Арх. МИД «Restitutions», 1887, VI) с пометкой Гирса: «Содержание этой телеграммы, переданное мне французским послом, сообщено мною генералу Оржевскому и генералу-адъютанту Черевину». Дошло до того, что русское правительство считало французскую республику желательным районом пребывания русской эмиграции как «ссылку» под надзор франко-русской политической полиции. «По совещании с Рачковским (начальник заграничной русской охраны—Е. А.), условились переслать генералу Оржевскому следующую телеграмму: «Французское правительство... желает во избежание ... тенденциозных нареканий (в «немецких официальных газетах»—Е. А.) выслать из Франции выдающихся революционеров. Мера эта парализовала бы нашу деятельность. Не благоволите ли снести с подлежащими властями, чтобы предупредить высылку эмигрантов из Парижа?» (Тел. Моренгейма от 4/16 апреля. Арх. МИД. «Paris I», 1887).

⁵ Курсив наш.

Турции к тройственному союзу и проектирует совместное противодействие этому путем соединенных угроз султану (на случай, если он склонится к австро-германской группировке) и соединенных обещаний поддержки (если он противостоит берлинским соблазнам). Инструкция заканчивалась категорическим заявлением, что в *египетском* вопросе (т. е. «в переговорах о сроке и условиях эвакуации «Египта англичанами», так же, как об организации страны и установлении правил для плавания в Суэцком канале») мы не призваны были высказаться и мы не выскажемся иначе, как по предварительному соглашению с французским правительством»¹.

В апреле произошел чрезвычайно острый инцидент на германо-французской границе — арест французского полицейского агента Шнебеле германскими властями. В связи с ним инсценирован был взрыв «военной тревоги», давший возможность французскому правительству — как это было сделано во время известного «кризиса» 1875 г. — прозондировать отношение России и Англии к германо-французскому столкновению.

22 апреля (3 мая), по особому приглашению президента республики Гревси, состоялось, обставленное мерами строжайшей конспирации, совершенно секретное свидание с ним с глазу на глаз русского посла.

Выразив свою уверенность, что Франция в случае нападения на нее Германии может рассчитывать на *моральную поддержку* («l'appui moral», в отчете Моренгейма об этом свидании слова эти подчеркнуты) России, президент сказал:

«Франция никогда не начнет войну, не начнет ее даже для возвращения Эльзаса и Лотарингии, — в этом Александр III может быть уверен. «Горячие головы» есть, конечно, в каждой стране, но пока он, Гревси, — президент республики, он отвечает за то, что эти «горячие головы» совершенно безопасны. «Я предоставляю моим министрам известную и даже насколько возможно большую свободу действий в делах внутренних, где они должны зависеть от парламента, но во всем, что является вопросом военным или внешне-политическим, я (сильно ударивши себя в грудь) и никто другой дает направление и решает, я несу ответственность»... «c'est moi (en se frappant fortement la poitrine) qui dirige et qui décide, c'est moi qui prétends être responsable). И президент республики, бия себя в грудь, заявлял царскому послу для сведения русского царя, что во внешней политике в вопросах военного значения парламентской Франции голоса президент республики не даст. Русский царь на него может положиться, как на вполне равного и достойного партнера.

«Я могу, — продолжал Гревси, — лишь повторить вам для того, чтоб вы это передали, что я спокоен. Я не хочу войны, но я не боюсь ее. Я не боюсь ее потому, что не решатся начать ее против *меня при нынешнем настроении Европы*, а если бы *мне* ее объявили, я сумел бы защищаться, и к этому я готовлюсь так, как если бы война должна была начаться завтра. Мы не будем захвачены врасплох, как это было с нами в нашу последнюю войну. Мы сильные, мы очень сильные». («Je ne veux pas la guerre, mais je ne la crains pas. Je ne la crains pas parce qu'on n'osera pas me la faire dans l'état actuel des esprits en Europe, et pour cela je m'y prépare comme si elle devait éclater demain. Nous ne

¹ Lettre particulière бар. Моренгейму от 17 марта ст. ст. (Арх. МИД. «Paris II», 1887).

serons plus pris au dépourvu, comme lors de notre dernière guerre. Nous somme forts, très forts».) Комментарий Александра III: «Все, что Гриви передал послу, весьма утешительно, умно и энергично, и конечно я очень благодарен ему за то доверие, которое он выказывает нам. «Надеюсь, что это расположение франц. правительства будет так и продолжаться»¹.

Гриви нашел надлежащий тон для обращения президента «демократической» республики к российскому самодержцу, и ясно, что французское правительство (в той части его, которая вела военную и вообще внешнюю политику!), применяя все эти способы завоевания доверия русского царя, могло обойтись без «протекции» Ватикана, в подготовке франко-русского альянса.

Во всяком случае «протекция» эта фактически все еще отсутствует. Взаимоотношения «внепарламентской» Франции с Ватиканом, конечно, не оставляют желать лучшего, но совсем иначе дело обстоит между папским престолом и Россией. 7/19 мая русский посол в Константинополе писал о «значительно усилившейся здесь (в Турции) в последнее время деятельности и влиянии католической пропаганды» в связи с тем, что «французское правительство стало с удвоенною ревностью поддерживать католичество, причем главные усилия последнего направлены, как и всегда, к умалению прав православия и распространению унии между его истинными последователями. Послу пришлось, даже по сообщению его, «горячо заступиться за наших сирийских единоверцев против нахальных притязаний латинян, поддержанных безверною французской республикой». Таким образом как раз на почве ватикано-католической пропаганды на турецком Востоке отношения русской дипломатии с Францией в это время претерпевали существенные испытания. Эти факты показывают, что медовый месяц ватикано-германской дружбы сопутствовал пока еще медовому месяцу дружбы франко-русской. Папская дипломатия готовилась еще к выяснению цены германской дружбы. Поворот ее политики на новые рельсы был епереди.

Между тем невидимая, могущественная «дружественная» рука существовала. Но искать ее приходится не там, где видит кузницу русско-французского союза Преллер, а там, где он (как это общепринято в европейской исторической науке) усматривает *только врага* франко-русского сближения, — врага, против которого *только* и направлялось будто бы острие двойственного союза в первой стадии его существования. Англо-французский открытый антагонизм в средиземноморско-африканской сфере (Египет) и установленные Англией связи с Италией и Австро-Венгрией заслонили перед исследователями в существенной части содержание переломной эпохи в истории империалистической политики, обесцветили эту эпоху и низвели английскую дипломатию с высоты тогдашней «всесторонности» ее до уровня упрощенных понятий широкой континентальной публики.

Правда, еще труднее, чем в представлении о заключительных этапах образования тройственной альянсы, отрешиться от внушений дипломатической публицистики в отношении первичной фазы этого процесса, постигаемой только при помощи освобождения от «метафизических» приемов

¹ Весьма секретное письмо Моренгейма от 25/IV (7/V) 1887 г. (Арх. МИД. Дело секр. архива № 51, 1887 г.).

исторического мышления. Неверные эти представления резюмируются общепринятым положением, что тяготение Англии к тройственному союзу побудило Францию и Россию выйти из изолированного состояния, соединиться для самозащиты против чудовищной группировки держав, включавшей и Германию с ее вольными и невольными спутниками и британскую империю.

Между тем среди давно известных фактов есть такие, которые, казалось бы, могли привести к менее упрощенному, но зато более верному пониманию событий этой интереснейшей эпохи. Как в XX в. Англия шла к соглашению с Россией (1907 г.) через соглашение с Францией (1904 г.), так в 1887 г. Франция шла к формальному соглашению с Россией (1891 г.) через соглашение с Англией (1890 г.). Этот необходимый этап нашел свое яркое выражение в переговорах упоминавшегося выше Шодорди, по поручению французского правительства, с Сольсбери в Диеппе¹. Миссия эта относится к сентябрю 1887 г.², но самая возможность ее обусловлена была, очевидно, какими-то предварительными данными, позволявшими обеим сторонам рассчитывать на поворот во внешней политике Великобритании.

В числе документов, пересланных из Парижа через Моренгейма в Петербург, мы находим один, в высшей степени поучительный в этом смысле. Это запись «разговора с английским дипломатом», датированная *«Paris, 31 mars 1887»*.

«Англия,—гласит (в переводе с французского) этот документ,—не связана ни с кем: ни с Италией, ни с Австрией, ни с Германией; она не побуждала Италию вступить в союз с двумя германскими державами; напротив, в Лондоне сожалеют, что Франция не сумела помешать этому союзу.

«Франция не будет иметь против себя Англию во время европейской войны; от нее зависит завоевать симпатии Англии стремлением уладить мелкие текущие дела, показывая свое дружественное расположение и не возбуждая чрезмерных трудностей в разрешении очередных вопросов — о Египте, Гебридах, Донголе. Не следует пытаться заключить договор с Англией, но можно будет обеспечить ее симпатию дружелюбным отношением к ней; в Лондоне этого хотят.

«Не было бы невозможно примирить Англию с Россией. Соответственно обстоятельствам можно будет этому содействовать. Надо поставить себе целью, чтобы Россия и Англия были друзьями Франции, и тогда г. Бисмарк, со своим большим здравым смыслом, никогда на последнюю не нападет.

«Англичане склонны сговориться с русскими даже по болгарскому вопросу. Что всего больше уязвляло до сих пор англичан, так это то, что эти дела переносились в Берлин вместо того, чтобы договариваться о них непосредственно с ними.

«Англичане, до сих пор отказывавшиеся разговаривать даже о текущих

1 J. Hansen, Ambassade à Paris du Bar. de Morenheim (1884—1898), 50—66.

2 Следовательно, спустя два месяца после совместного франко-русского протеста против англо-турецкого соглашения по египетскому вопросу, и во время англо-французских переговоров о компромиссном решении вопроса о Суэцком канале, когда французская дипломатия добивалась от русской присоединения к формуле, принятой уже в Лондоне и в Париже.

делах между Францией и Англией, впредь будут разговаривать с большей интимностью с г. Флурансом, которому достаточно сделать лишь первый шаг».

И разговоры эти начались — под эгидой принца Эдуарда и Ротшильдов (лондонского и парижского) — и привели в сентябре к переговорам Сольсбери — Шодорди, а затем хотя на время и оборвались (как представляет дело Ганзен), но ознаменовались все же первым англо-французским соглашением по колониальным делам (1890 г.) накануне оформления франко-русского альянса. *Одновременно с этим сделаны были шаги к англо-русскому сближению*: деятельность сэра Р. Морьера в Петербурге, сенсационная поездка в Петербург Рандольфа Черчилля и позже (в октябре 1889 г.) предложения Друммонда-Вольфа Александру III в Берлине, набрасывавшие практически точную схему будущего англо-русского соглашения 1907 года. Проводники нового курса, — в первую очередь будущий английский король и царствующие финансовые короли, готовившиеся перенять из немецких рук финансирование русского абсолютизма, — деятельно работали даже и в Петербурге, а Париж был главной ареной и целью всей этой работы.

Об этих грозных предзнаменованиях грядущего окружения Германии папская дипломатия не могла не знать: католические деятели французской дипломатии во всяком случае не замедлили ее информировать о том, что происходит в центрах, определявших ход событий европейского значения. Но факты эти относятся к последней трети 1887 г. Следовательно, выводы из них могли быть сделаны не ранее конца этого года. Весною же 1887 г. весьма показательным для ориентации папской дипломатии, наряду с ее отношением к России, является *февральское предложение ею Бисмарку своих услуг для переговоров о заключении «союза» (!) между Францией и Германией*¹.

Вряд ли мы ошибемся, рассматривая этот шаг Льва XIII, как «глубокую разведку» настроений и решений германского правительства, установившую по содержанию бисмарковского ответа непримиримость франко-германского антагонизма. Но даже и в таком понимании шаг этот должен быть принят, как свидетельство о том, что прежняя интимность отношений еще не кончилась.

Между тем время и «болгарские» факты делали свое дело; 11 августа Гирс телеграфирует Моренгейму: «Ответ французского правительства на турецкий циркуляр превосходен. Благоволите поблагодарить Флуранса за это сообщение и сказать ему, что мы высоко ценим его действия. Твердый и согласованный язык России и Франции наверно преодолеет сопротивление и укрепит еще более сердечное согласие, столь желательное в интересах обеих стран»²; 12/24 августа Моренгейм под диктовку Флуранса телеграфирует: «Франция не отделится от нас в решительный момент, и будет действовать тогда по соглашению с нами»... Флуранс заявил Порте, что «он присоединится безусловно и во всем без исключения к взглядам России и полностью подписывается под всеми ее заявлениями и выступлениями»... Пометка Александра III:

¹ «Die Grösse Politik», VI, 1878—1879.

² Арх. МИД. «Paris II», 1837.

«Все это очень хорошо и правильно»¹; 15/27 августа Моренгейм сообщил дословно текст этого заявления Порте,—пометка Александра III: «Очень хорошо»; за этим последовал в решительной форме французский протест в поддержку русского против избрания болгарским князем Фердинанда Кобургского и совет Порте принять «без промедления все меры для удаления принца Кобургского и для установления временного регентства на условиях, указанных Россией».

16/28 сентября Моренгейм подробно пишет Гирсу о поездке Шодорди в Диепп, о предложении Флуранса назначить этого интимного друга лорда Сольсбери французским послом в Лондоне, вместо Вадингтона, и о политической концепции Шодорди, основанной на *«теснейшем согласии между Францией и Россией, но в то же время на сближении обеих этих держав с Англией. Это соглашение втроем основная идея графа Шодорди, и повидимому в этом направлении следует искать наметченную французским кабинетом политическую ориентацию»*².

Около этого по времени и начались первые, еще совершенно частные переговоры с папским нунцием Галимберти русских дипломатов в Вене. На них указывает письмо племянника Гирса, Григория Кантакузена (с которым эти переговоры начал нунций), от 27 сентября (7 октября 1887 г.)³. Эти разговоры упоминаются в недавно опубликованных воспоминаниях Э. Тутэна, состоявшего тогда при французском посольстве в Петербурге⁴. Почему через Галимберти—друга Бисмарка, сторонника тройственного союза, назначенного в Вену с целью освободить ватиканскую арену от этого противника «нового курса» дипломатии Льва XIII,—был сделан этот первый шаг к сближению с Россией, этого автор не объясняет. По словам его и в Петербурге, и в Риме «очень скоро решили, что путь этот во всех отношениях неудобен»⁵.

Одновременно Рамполла, рассказывает Тутэн, указал Лефевру де Бегэн на неудовольствие, которое было бы вызвано в Австрии «и даже в Германии» возможностью сближения Ватикана с Петербургом; он указывал, с другой стороны, на то усиление России, которое явилось бы результатом соглашения ее с папой и «уверенности в устранении религиозных затруднений ее политическому воздействию на славянство». Можно думать, что так как из переговоров о церковных делах с русским правительством Ватикан не имел никакой причины делать тайну, то и

¹ Арх. МИД. «Paris I», 1887. Такими радостными пометками Александра III пестрят не только сообщения Моренгейма за летние месяцы 1887 г., но и перехваченные и расшифрованные телеграммы Флуранса Лабулэ, тогда как перехваты немецких шифровок вызывали у Александра III неизменное негодование; например, на телеграмме Бисмарка Швейницу 22 июня № 97 (не опубликована в «Die Grosse Politik»); *«Всегда та же недобросовестность (sic!), чуть что касается России. Просто противно»*.

² Арх. МИД. «Paris II», 1887.

³ Арх. МИД. Дело секр. архива № 76, 1887.

⁴ E. Toutain, Alexandre III et la République française,—souvenirs d'un témoin 1885—1888 (Paris, 1929), 361—362.

⁵ В качестве догадки можно высказать предположение, что либо сам Галимберти поспешил взять на себя инициативу намеченных Ватиканом переговоров с Россией с целью контролировать политическое содержание этих переговоров, либо первый шаг было поручено сделать ему, чтобы представить начинающиеся переговоры в самом безобидном свете.

начал их поэтому в Вене через Галимберти¹. Когда же у Льва XII и Рамполлы созрело решение придать этим переговорам широкое политическое содержание, они обратились к посредничеству, отвечавшему важности и секретности этой стороны дела².

Как бы то ни было, из депеши Моренгейма от 1/13 октября³ мы узнаем, что представитель Франции при св. престоле Лефевр де Бегэн, «принятый в прощальной аудиенции ввиду предстоящей в ближайшем будущем поездки его в Париж, резюмировал свою беседу с папой в телеграмме, которую мне была предоставлена возможность прочитать. Его святейшество ограничился тем, что поручил ему предостеречь свое правительство против опасностей, связанных с соглашениями, заключенными в Фридрихсруэ⁴ и одинаково угрожающих весною Франции и России. Кардинал Рамполла, которого видел затем граф Лефевр де Бегэн, вошел по этому вопросу в подробности, которые посол считал возможным передать лишь устно своему правительству».

В этой же депеше Моренгейм сообщил о результатах свидания Шодорди с английским премьер-министром. Беседы их, по его словам, были в высшей степени интимны (*de la plus grande intimité*) и, по впечатлению Шодорди, искренни. Результат превзошел его ожидания. «Он встретил со стороны английского премьера живейшее желание придти к соглашению с Францией и с Россией и глубокое раздражение, вызванное колониальными вождениями Германии и Италии, весьма усилившиеся в результате соглашения, заключенного между ними в Фридрихсруэ. Распространение, замышленное ими, за пределами (европейского) континента, по словам де Шодорди, тревожит английское правительство, и, Сольсбери не считал бы чрезмерным противовесом ему серьезное сближение между Англией, Францией и Россией».

Письмо Флуранса к Моренгейму от 28 октября 1887 г. о близости соглашения о Гебридах и Суэцком канале напечатано у J. Hansen⁵. В этом письме Флуранс пишет, что нашел с английской стороны *искреннее желание ликвидировать эру несогласий с нами и с Россией, здоровую оценку опасностей, угрожающих миру и независимости народов со стороны перманентной коалиции держав недавнего происхождения, обуреваемых вследствие этого ненасытной потребностью распространения*.

17/29 декабря 1887 г. Моренгейм писал Гирсу, что новый велико-

¹ Вена к тому же была постоянным местом переговоров с римской курией русского правительства, когда последнее не имело своего представителя при Ватикане (см., например, о временном соглашении с венским нунцием 1880 г. в Дневнике гр. П. Вауева, 135).

² В опубликованных германским правительством документах архива бельгийского министерства иностранных дел мы находим единственное упоминание о переговорах между Ватиканом и Петербургом в донесении бельгийского посланника в Петербурге от 6 апреля 1888 г. «Поездка в Рим г. Извольского неизбежно поведет за собою новое сближение между Ватиканом и С.-Петербургом, хотя эта поездка имеет целью только передать ответ императора на недавнее благодарственное письмо св. отца. Во всяком случае не следует на этом основании заключать о возобновлении переговоров в строгом смысле слова. Русское правительство вовсе не намерено отказаться от той суровости, с которой оно относится ко всякой религии кроме православной. Соглашение может состояться лишь по вопросам второстепенного значения». Die Belgischen Dokumente, 1, 235.

³ Арх. МИД. «Paris II», 1887.

⁴ Во время пребывания у Бисмарка Кальноки и Криспи.

⁵ L'Ambassade de Morenheim, 55—56.

британский посол (лорд Литтон) в первом деловом разговоре с Флурансом (одновременно с пребыванием Р. Черчилля в Петербурге) дал понять о своем намерении продолжить с Шодорди переговоры, начатые в Диеппе и что Шодорди со своей стороны заявил ему (Моренгейму) *весьма категорически, что он обусловил дальнейшее свое участие в этом деле присоединением к нему России*. Гирс, недооценивавший тенденцию развития англо-германского антагонизма, скептически относился к исходу англо-французских переговоров, но Флуранс *твердо рассчитывал на получение гарантии английского благожелательного нейтралитета в случае войны Франции и России против Германии*, на что Александр III отозвался пометкой: *«весьма желательно»*.

Таким образом английская «неофициальная» дипломатия в заботах своих о создании противовеса тройственному союзу далеко опередила Льва XIII и Рамполлу.

* * *

Как свидетельствует первый из серии печатаемых нами документов, во время этого отсутствия Лефевра де Бегэн, т. е. в декабре 1887 г., замещавший его в качестве поверенного в делах при Ватикане, Монбель, со слов Рамполлы, сообщил Иксулю, посланнику России при итальянском дворе, о желании папы восстановить сношения с русским правительством, пользуясь для этого удобным поводом — предстоящим приездом делегаций европейских монархов и обменом приветствиями по случаю юбилея Льва XIII. Поздравительная телеграмма Александра III заключала обещания позаботиться о религиозных нуждах католических его подданных, т. е. смягчить отношение к римско-католическому духовенству в русской Польше. Ответ Льва XIII (от 28 января 1888 г.) обещал, в свою очередь, помощь русскому правительству в поддержании «порядка и мира» и выражал пожелание о восстановлении «старинных дружеских отношений, которые некогда существовали между Россией и св. престолом, и которые нас соединяют и связывают с некоторыми другими государствами».

Условия, на которых можно было бы урегулировать с Ватиканом положение католического духовенства в России, должны были послужить предметом долгих и страстных обсуждений, при участии мин. вн. дел Толстого и Победоносцева; но уже через месяц в Петербурге решается вопрос о назначении Извольского для передачи ответного письма Александра III и для устных переговоров с римской курией.

Одобренный царем «проект депеши» Извольскому представляет краткую политическую инструкцию, определяющую цели обеих сторон в предстоящих переговорах: «восстановление правильных дипломатических сношений» со стороны Ватикана, получение «определенных и положительных гарантий в отношении намерений св. престола и поведения римско-католического духовенства» со стороны русского правительства.

Как и предвидел Гирс, предупрежденный об этом французским послом, — Лев XIII раздвинул рамки первого же разговора с Извольским до постановки вопроса: почему бы России «не иметь своей союзницей» «громадную нравственную силу», представляемую св. престолом (см. тел. Извольского № 1, от 19/31 марта 1888 г.)? Вслед за тем Рамполла «несколько раз и очень определенно выражал мысль, высказанную мне

в более общих чертах Львом XIII, что, вступив в добрые с нами отношения, *римская курия явится нашим союзником для достижения наших международных целей в Европе и, в особенности, на Балканском полуострове*. «Я желал бы знать — какими путями?» — написал в этом месте Александр III.

Пути и средства ватиканской дипломатии конечно многообразны, и поле деятельности ее в этом случае было необозримо; осведомление своих союзников о дипломатических и военных тайнах, выводываемых ватиканскими агентами всех ступеней и рангов, и поддержка их интересов через католические круги перед правительствами; упрочение и расширение их связей; *смягчение в нужный момент их внутренних затруднений и увеличение внутренних затруднений их противников*; поддержка католическим духовенством агентов союзного правительства, в особенности на Балканах, — таков в самых общих чертах ответ на вопрос, заинтересовавший Александра III.

Папский статс-секретарь ближайшим образом имел в виду, можно думать, и «дружеское участие» Ватикана в упрочении франко-русской связи. Ни французская, ни русская стороны, как мы видели, не испытывали в этом отношении затруднений. Более того, Россия шла к союзу с Францией на тормозах гирсовских предосторожностей и страхов перед войной с Германией. Но русскому правительству среди «парламентской анархии» и смен правительств во Франции чрезвычайно важно было иметь прочную и надежную базу во французских правящих кругах, каковой считались влиятельные, консервативные патриотические «государственные элементы», противопоставлявшие «нравственную силу» католицизма «безверной», «антихристианской» «враждебной монархическим принципам» радикальной Франции. Во внутренней политической борьбе во Франции русскому правительству весьма полезно было оказывать свое давление в пользу консервативных групп не в одиночку, а сообща с «громадной нравственной силой», чем и занимался католический российский барон, Артур Моренгейм, в Париже. С другой стороны, республиканское французское правительство, поступивши на полицейскую службу к русскому самодержавию, очевидно, не рассчитывало заслужить доверие последнего более невинными средствами, опираясь на ватиканскую «протекцию». И оно имело полное основание считать, что его собственная протекция нужна Ватикану для восстановления дипломатических отношений с Россией и легальной связи с польским католичеством, а самой России — для получения гарантий, о которых Гирс писал в инструкции Извольскому.

Понятна поэтому позиция Лефевра, раздражившая Извольского, позиция покровительствующего посредника между Ватиканом и Россией, совпадающая с точкой зрения французских мемуаристов на характер взаимоотношений Парижа, Ватикана и Петербурга в момент зарождения этого чистилища «черной» тройственной антанты, через которое прошел накануне своего оформления союз русского самодержавия с французской «демократией».

Историки, сосредоточившие свое внимание на «реабилитации» «старейшей законной властью Европы» республиканской Франции в глазах российского самодержца, упустили из виду, что св. престол сам нуждался в реабилитации пред русским императором: в то время, как французское правительство сняло уже с себя всякие подозрения в сочувствии респу-

бликанским, антимонархическим принципам, служа верой и правдой жан-дармскому генералу Оржевскому и министру царской полиции, гр. Толстому, — римская курия должна была еще снимать (и не на словах только, а на деле, по примеру французских отцов республики!) с себя не менее тяжкие обвинения и подозрения в поддержке национально-польского движения в России. Лев XIII и начал свои объяснения с Извольским с соответствующих заверений. Рамполла же приступил лишь в апреле 1888 г. (см. деп. Извольского № 4) к накоплению фактических аргументов для завоевания доверия русского правительства. Пока еще это было лишь доносом на поляков, по поводу их «происков», и вычеркиванием, путем тайных переговоров с главами польских паломнических делегаций, «сомнительных» (т. е. неугодных русскому правительству) мест из подносимых папе адресов. Но и это было кое-что; по крайней мере Александр III отметил с удовлетворением, «как осторожно (в отношении «польских происков») ведет себя папа в настоящую минуту, чтобы не испортить наши отношения с курией».

В начале мая 1888 г. Рамполла подошел к более существенному моменту. Он поставил вопрос о посылке папских инструкций римско-католическим епископам в России, — вопрос, одинаково важный с точки зрения основных целей обеих сторон в переговорах между Ватиканом и Россией. И тут же заявил, что содержание этих инструкций определится «искренним желанием его святейшества», «чтобы иерархия действовала сообразно с видами государства и не увлекалась никакими политическими тенденциями, и если императорское правительство выразит желание, чтобы епископам были преподаны в этом смысле наставления, св. отец с радостью это исполнит» (см. деп. Извольского № 9).

В письме, отправленном Извольским Гирсу одновременно с этой депешей, проводится интересная аналогия между готовившимся принесением курией польских патриотов в жертву русскому правительству и уже состоявшимся принесением ею же ирландских патриотов в жертву правительству английскому.

«Жертвоприношение» Ирландии обставлено было церемонией «беспристрастного» расследования, прикрывшей весьма секретные переговоры курии с герцогом Норфолькским, высокородным агентом и личным другом Сольсбери.

Лев XIII считал — и доказывал это своими громкими дипломатическими успехами, — что наступило время, когда международное значение папства может и должно возродиться с небывалым блеском. Возрождение это он основывал на двух положениях. Во-первых, небывалое усиление рабочего и социалистического движения, угрожающее олигархиям, правящим экономически и политически Европой, превращает папский престол в «громадную нравственную силу», необходимую всем европейским правительствам для поддержания существующего политического и экономического строя. Необходимо лишь развить энергичную, широкую деятельность католической церкви по борьбе с социализмом, чтобы заставить правительства и буржуазные партии всех стран искать союза с папой и применения этой силы для разложения рабочего движения. Эту деятельность, как известно, Лев XIII, действительно, сначала идейно обосновывал и пропагандировал, а затем организовывал и развивал с присущими ему талантом и энергией. Во-вторых, разгаданное им глубже и скорее, чем многими руководи-

телями европейской дипломатии, наступление эры мировой империалистической политики требовало, по его мнению, от ватиканской дипломатии вынесения своих целей (в отношении Италии, борьбы за Рим, в первую очередь), вместе со всеми ее тактическими ресурсами и силами, на арену «большой политики». Нужно было, следовательно, вмешаться в подготовительные бои, в которых складывались новые коалиционные группировки европейских держав, примкнуть к сильнейшей из них и затем, когда наступит час пересмотра и переделки карты Европы, а может быть, и всего мира, — обеспечить за собою участие в дележе добычи и получение своей доли в виде восстановления территориального суверенитета папской власти. Во время мировой войны второй по счету преемник Льва XIII, Бенедикт XV, добивался всеми способами участия Ватикана в ликвидационных, мирных переговорах; и если бы Италия не перешла в ряды победившей группировки, не подлежит сомнению, что полный¹ успех увенчал бы планы Льва XIII и Рамполлы.

Замечательным памятником гибкости, проницательности и безошибочной оценки только еще наметившейся перегруппировки сил в Европе остается политика Льва XIII и Рамполлы, приведшая к образованию не «тройственного союза», о котором говорит Г. Преллер, а тройственной антанты (ватикано-франко-русской), о которой говорим мы. В то время как Александр III был еще снедаем страхом перед «всею Европой, ненавидящей Россию» (пометка на одной из константинопольских депеш конца 1887 г.), и когда конкурентные, не связанные с Англией и не соизмерявшие своих сил с действительностью, политические группы во Франции еще стояли поперек дороги Фрейсине, Флурансу и парижскому финансовому центру, принявшим твердую англофильскую ориентацию, с готовностью отдать Англии Египет за соединение ее с Францией против Германии, дипломатия Льва XIII уже определила свой курс на окружение Германии и ставку свою перенесла на союз православного русского самодержавия с французской «атеистической» республикой, памятуя в то же время, что ключи к будущему находятся в руках еретического английского правительства.

В сношениях между Петербургом и Парижем мы нигде не видим покровительственного вмешательства в Париже (о Петербурге нечего и говорить) папской дипломатии. Напротив, в только что упомянутом письме Извольского мы находим его признание, что помощь французского посла Лефевра в переговорах с Рамполлой — *единственная и весьма нужная* ему поддержка. Но он догадывается, что в Петербурге эта помощь внушит сомнения и опасения, и просит указаний, как ему держаться в отношении почти навязчивого союзника и покровителя. В самом деле, Гирс отвечает: пользоваться помощью его можно, но «лишь в редких и крайних случаях и с должной осторожностью» (см. письмо Гирса от 4 мая 1888 г.). С разной, правда, степенью уверенности можно указать в данном случае два основания для известной вообще, вошедшей почти в поговорку, осторожности «бедного» министра иностранных дел Александра III. Во-первых, совместные выступления Извольского и Лефевра усилили бы «недоверие» и враждебность к России Бисмарка, как новый и весьма серьезный признак углубления франко-русской близости.

¹ Частичный, зафиксирован латератским договором.

Даже в Константинополе, при совместных, преисполнивших радостью и благодарностью сердце Александра III, выступлениях русской и французской дипломатии (по болгарскому вопросу), Гирс очень заботился о том, чтобы тексты русских и французских заявлений не были «слишком идентичны» (его собственное выражение). Во-вторых, вовлечение французского посла в обсуждение конкретного содержания переговоров между Извольским и Рамполлой связало бы Извольского известными обязательствами в отношении Лефевра, стеснило бы, следовательно, свободу действий в отношении Ватикана петербургской дипломатии и могло бы привести либо к ухудшению отношений с французским правительством (в случае неудачи переговоров и французского посредничества), либо к вынужденной уступчивости со стороны России (чтобы избежать ответственности за неудачу этого посредничества). Во всяком случае, здесь мы имеем еще одно доказательство, что «*Osservatore Romano*», а за ним и германский историк наших дней нарисовали картину взаимоотношений между Францией, Россией и Ватиканом, мало соответствующую действительности.

Если в 1887 г. формально и была подтверждена «перестраховочным» договором связь между Петербургом и Берлином, отвечавшая стремлению обоих правительств в это время избежать разрыва и опасности войны, и если были приняты после визита Александра III меры для улучшения внешней картины русско-германских отношений, то по существу последние несколько не изменились: взаимно враждебные распоряжения финансового и административного характера 1887 г. остались в силе, и 1888 год принес весьма эффектные симптомы водворения в Турции политического и экономического влияния Германии. (Концессия анатолийской части, от Исмида до Ангоры, пресловутого «багдадского пути».) Вторая часть личного письма Извольского от 19/31 июля 1888 г. иллюстрирует взаимоотношения русской и германской дипломатии, примирить которую «на местах» никак не удавалось Гирсу, несмотря на все его старания. Шлецер, прусский посланник при папском престоле, заслуживший, как мы видели, исключительно влиятельным положением своим в Ватикане (это время было вообще золотыми днями германской дипломатии) кличку «кардинал», подавлял Извольского своим ледяным недоброжелательством. Какой контраст с французскими дипломатами Лефевром и Монбелем! Но звезда Шлецера, как и его покровителя Бисмарка, шла уже не к зениту, а к закату. Аудиенция Извольского у Льва XIII, о которой Извольский сообщает в депеше № 22 от 21 августа (2 сентября) 1888 г., показывает, что поворот ватиканской дипломатии на новый курс оформлялся с большой энергией и решимостью. Сделавши вступление на тему о «необходимости солидарности и единения между... Россией и св. престолом, неуспешно работающими для поддержания нравственного и политического порядка в Европе», Лев XIII с жаром заявил, что его авторитет будет всегда употребляем на то, чтобы внушить католикам Польши «повиновение законам и верность их государю».

В Петербурге, куда отправился после этой аудиенции Извольский, последний поставил вопрос, не следует ли ввиду обострения отношений курии с Италией и разочарования курии в Германии (визит Вильгельма в Рим и Ватикан, о котором была речь выше) немедленно восстановить русскую дипломатическую миссию при св. престоле? (Записка, доложенная Александру III 1 ноября 1888 г.) Вернувшись в Рим, ознакомившись

с подробностями и результатами визита Вильгельма II к папе и сообщая о них в Петербург (письмо 8/20 ноября 1888 г.), Извольский говорит о предсказываемой в ватиканских кругах «эволюции в высоких политических комбинациях» Льва XIII, в смысле сближения с державами, противостоящими «лиге мира» (т. е. тройственному союзу). Он уже замечает чрезвычайное внимание и предупредительность к себе, но ставит себе правилом известную сдержанность, согласующуюся с петербургской постановкой дела: восстановить российскую миссию при св. престоле не иначе, как в виде награды Льву XIII за «добрые дела» его по укрощению польских «мятежных» вождельний (см. ответ Гирса от 17 ноября и два проекта письма Александра III Льву XIII).

Менее всего Гирс хотел «политических манифестаций», которые еще углубили бы пропасть, разверзавшуюся между Петербургом и Берлином и готовую поглотить мир, спокойствие и благополучие верных слуг царского престола вместе с этим престолом и всем, что с ним в России было связано. Это и была та «робость» и «осторожность» Гирса, на которую жаловался посол Лабулэ в своих донесениях Флурансу, та «измена России», то «прислужничество Бисмарку», которое изобличал перед Александром III непримиримый враг Бисмарка и Гирса, Катков, смерть которого нисколько не улучшила положения Гирса.

Льва XIII ни сдержанность Извольского, ни осторожность Гирса не могли смутить. Напротив, он явно поставил себе и своему статс-секретарю задачу поможь французской дипломатии взломать гирсовские замки и тормоза, воодушевить колеблющегося между берлинской «сциллой» и парижской «харибдой» Александра III и вместе с ним пуститься в открытое море европейских коалиций. В этом смысле рождественская аудиенция Извольского у Льва XIII — подлинное откровение.

«Лев XIII, — пишет Гирсу Извольский 19/31 декабря 1888 г., — долго говорил мне о своих желаниях и надеждах, пользуясь обычными формулами по вопросу о благотворном влиянии, которое он решил оказывать на католических подданных его величества, и о необходимости объединить в нынешнее смутное время консервативные силы всего мира. Заговорив, как всегда, о своем нетерпении увидеть восстановленными правильные дипломатические сношения между императорским правительством и св. престолом, папа, бывший в этот день в большом ударе, изложил мне с откровенностью, которую я никак не стремился вызвать¹, свою оценку нынешнего состояния Европы. Я мог заключить из его слов, что его раздражение против Германии и против тройственного союза далеко не улеглось. С другой стороны, он не верит в неопределенное продление нынешнего состояния вооруженного мира и предвидит в близком будущем серьезные пертурбации. Он хотел бы, чтобы начало кризиса застало Россию и св. престол объединенными искренним соглашением, которое нам обеспечило бы, по его мнению, серьезные преимущества с точки зрения обеспечения наших границ, а папству дало бы моральную поддержку единственной державы, предназначенной, по его словам, играть роль арбитра мира и войны».

Легко представить себе негодование Гирса. Но Александр III начер-

¹ Сговорка, можно думать, специально для отвода гирсовской подозрительности.

гал твердой рукой: «В чем это соглашение? Желательно *по-моему*¹ знать в чем дело».

Прошло ровно *двадцать лет* и *те же самые слова* в Ревеле от высоких английских гостей слышали Николай II и его министр иностранных дел А. П. Извольский, — слова о том, что в момент европейского кризиса царское правительство будет арбитром «войны и мира». Прошло еще 16 лет и, как известно, *русская мобилизация* должна была решить вопрос о превращении австро-сербского конфликта в европейскую войну. Следовательно, в конце 1888 г. Лев XIII вполне правильно оценил судьбу, уготованную новыми европейскими взаимоотношениями России. В пессимистической оценке продолжительности и прочности «вооруженного мира» он конечно не был одинок! Но решимость, с которой он предлагал России «военно-союзное», если можно так выразиться, соглашение со св. престолом, замечательна. Далеко опережая события, он переносил ставку с «Лиги мира» на военные победы противостоявших ей держав, конечно, не под влиянием «раздражения» против Германии и Италии; для этого собеседник Извольского, выражаясь словами первой гирсовской инструкции, был слишком ловким, слишком искусным и в гораздо меньшей степени откровенным дипломатом. Да и сам Извольский объяснения свои (в ответ на вопрос, поставленный Александром III) в письме от 14/26 февраля 1889 г. начинает с того, что «нынешний папа по преимуществу дипломат и политический деятель».

При этом Извольский определяет обе цели, преследуемые Львом XIII: восстановление папского престижа и влияния в европейских делах и восстановление своих «исторических прав» в Италии. Разочарование Льва XIII в Германии не просто усилило «раздражение» его против тройственного союза, но является принципиально-практическим основанием для нового курса ватиканской дипломатии. Он хочет, объясняет далее Извольский, *обеспечить за собою влиятельную «моральную роль» в ожидаемых им европейских «осложнениях»*. По словам Извольского, большое значение его ориентации в отношении этих осложнений не отрицают и итальянские политические деятели. Но и вне Италии верховное религиозное командование миллионами католиков придает папской дипломатии весьма реальную силу, а прежде всего и более всего — в вопросе польском. Наконец, определение будущей роли России, как «арбитра мира и войны», Извольский (будущий «английский» министр русского царя) считает совершенно правильным, откуда следует вывод, что курс, взятый Львом XIII, отвечает действительным интересам римской курии, а польза от предлагаемого царскому правительству сближения — за счет Польши — не может подлежать сомнению. Об этом ярко свидетельствовала кампания, поднятая польскими кругами по поводу ватикано-русского сближения, против которой Льву XIII пришлось защищаться в торжественной консистории 14 февраля (деп. Извольского № 3, 1889 г.). А как далеко пошла на деле курия в своем стремлении угодить царскому правительству, видно из того, что текст послания от имени папы будущим [еще не назначенным] католическим епископам в России был передан через Извольского русскому правительству для предварительного ознакомления и «согласования» с министерством внутренних дел! Между тем, текст

¹ Курсив везде наш.

этот составлен был с «видимым старанием кардинала (Рамполлы) найти наиболее удобную нам формулу» — как писал Извольский, и, действительно, с точки зрения полицейского ведомства гр. Толстого, не оставляя желать ничего большего. Епископам внушалось, что основой деятельности их должно быть «взаимное согласие и дружественная гармония между духовной и светской властью»; с особенною силою они увещевались «усердно прилагать старания к поддержанию этого согласия», «оказывать должное уважение и верность тем, кто поставлен во главе государства», исполнять их требования и т. д.

Все это послание, составленное от имени «умнейшего из пап» и «умнейшим из кардиналов статс-секретарей» могло бы послужить назидательным чтением для эпигонов Льва XIII и Рамполлы. Как возвышенные рассуждения о божественном «предопределении, чтобы мир, порядок и благо заключались в согласии духовной и светской власти»!.. Епископ должен не только внушать верующим повиновение гражданской власти и послушание верховным властителям (и не только из боязни их гнева, но по внушению собственной совести), а еще и «заботиться», чтобы эти верующие *не вступали «ни в какие сообщничества, имеющие целью произвести переворот в государстве или нарушить его безопасность и спокойствие»* (деп. Извольского № 13, 1889 г.). Таким образом, польские католические епископы, волею св. отца, превращались в полицейских агентов русского самодержавия, — и все-таки курия запрашивала царское правительство, не угодно ли министерству внутренних дел еще что-нибудь прибавить к этим пастырским внушениям!..

Такой предупредительности курия не проявила, по уверению Рамполлы, даже в отношении великобританского правительства, а, между тем, последнее опередило в смысле внешних форм Россию, назначивши сэра Дж. Симмонса чрезвычайным посланником и полномочным министром для переговоров с Ватиканом (деп. Извольского № 14, 1889 г., 23 октября [4 ноября]).

Этот небывалый в истории Англии факт означал, что конфиденциальные заявления английских дипломатов французским о тревоге английского правительства, в связи с вступлением Италии в тройственный союз, вполне отвечали истине. Для восстановления своего влияния в Италии и во всей средиземноморской сфере Англия, по примеру Франции, брала в руки «папский козырь» («carte papaline»). Со своей стороны Лев XIII, осуждая ирландских националистов, предавая одновременно и итало-клерикально-мальтийский «сепаратизм», показывал свое широкое понимание эпохи, когда эра национальных революций и национальной политики уступала место подготовительной к мировой войне коалиционной политике эры империализма. *Сближение Ватикана с Англией одновременно с франкофильской ориентацией Ватикана и сближение его с Россией — указание наиболее чувствительного и гибкого дипломатического аппарата на происходившие в международно-политических отношениях Европы сдвиги.*

В депеше № 5 от 18/30 июня 1890 г. Извольский возвращается к миссии Симмонса. По его сведениям, несмотря на ватиканские опровержения, между Симмонсом и Рамполлой происходили какие-то переговоры по африканским колониальным делам. Принимая во внимание неоспоримо франкофильскую ориентацию Рамполлы, можно заключить, что целью

этих переговоров с английской стороны могло быть только полюбовное соглашение с Францией более широкого свойства, чем то, которое было заключено в этом году между Францией и Англией, т. е., как можно думать, распространяющееся и на *Египет*. Лучшего посредника для такого дела нельзя было найти, и кардинал-плантатор, кардинал-рабовладелец и колонизатор, Лавижери, как это скоро обнаружилось, — напрасно беспокоился за судьбу своего Алжира.

В ином направлении действовать Рамполла не мог в год отставки Бисмарка, нашедшей в Ватикане вполне верную оценку. Оговорки Извольского к этой оценке (письмо Гирсу 12/24 марта 1890 г.) частью рассчитаны на политические взгляды и убеждения Гирса, частью свидетельствуют о некоторой заносчивости, еще более естественной у Извольского в то время и в том возрасте, чем тогда, когда он стал министром, а затем послом в Париже. Курия продолжала твердо следовать своей оценке положения и основанной на ней политике в отношении Германии, тройственного союза и франко-русского блока. Конечно, эта оценка и политика имели прочную материальную базу в существенных источниках финансового благосостояния католического духовенства и его высшей иерархии¹.

Теперь уже в прусско-польских и прусско-католических делах папа занял непримиримую позицию, резко контрастирующую с его уступчивостью в делах русско-польских. Не только прусскому кандидату в кардиналы было отказано в «красной шляпе», но дело явно клонилось к отставке самого «кардинала» Шлецера. А в то же время крупный конфликт между латинским и греческим духовенством в Вифлееме не отразился ничем в отношениях между Ватиканом и Извольским (письмо Извольского от 4/16 июня 1891 г.).

Свою политическую ориентацию Лев XIII и Рамполла не находят нужным скрывать ни от германофильских кардиналов (см. выше о Галимберти), ни от дипломатов тройственного союза; напротив, они «с большой твердостью» заявляют им при случае, что «курия не может не смотреть на союз Австрии и Германии с Италией, как на политическую комбинацию, противную требованиям и интересам св. престола», а в беседах с французским послом по поводу визита французской эскадры в Кронштадт Лев XIII «выражал с большой откровенностью и живостью свое мнение о вопросах текущей политики» (письмо Извольского от 3/15 июля 1891 г.).

Плоды этого участия свсего в политике оформлявшегося в это время франко-русского союза курия получила уже осенью этого же года.

Вильгельм II и прусское правительство, встревоженные выгодами, полученными Россией в «религиозной подготовке» польского театра войны, начали сдаваться, делая курии уступку за уступкой (деп. Извольского № 37, 19 ноября [1 декабря] 1891 г.).

Момент для попыток оторвать Ватикан от Франции был исключительно благоприятен ввиду обострения внутренне-политической борьбы с поднявшим голову клерикализмом во Франции. Но Лев XIII искал вы-

¹ В определении мотивов даже столь принципиальной непримиримости св. престола к итальянской государственности русский дипломат различал побуждения самого меркантильного характера, а именно: так наз. «преследования» итальянского правительства с лихвою окупались усиленным притокм денежных даров от верующих, щедрость которых возбуждалась стонами и жалобами их духовных пастырей на бедственное положение «ватиканского страдальца».

хода из этих испытаний в ином направлении. В начале 1892 г. он открыл перед Извольским ту цель своего сближения с царским правительством, которую до этого он не выдавал, но, быть может, считал на ближайшее время высшим достижением и увенчанием своей политики. Он изложил Извольскому план союза папы и царя для совместной поддержки партий «порядка» и «умеренности» во Франции и для борьбы против «крайних» и «демагогических» безбожных, антихристианских партий (письмо Извольского от 30 декабря 1891 г. [11 января 1892 г.]). «Ваши интересы в этом отношении вноле тождественны с интересами св. престола, — сказал он русскому дипломату, — ибо и вы, и мы должны желать торжества во Франции умеренно-консервативных элементов»...

Тем не менее, позиция Льва XIII — политическая близость с антиклерикальным (во внутренней политике) правительством Франции и с угнетающим поляков-католиков правительством России — становилась трудной. Курия имела полное основание требовать от своих парижских и петербургских друзей, в собственных их интересах, облегчения этой трудности уступками католической церкви во Франции и в России (деп. Извольского № 20 и 28, июнь — октябрь 1892 г.). Но и для республиканского французского правительства было слишком большим грузом во внутренней политике одновременное служение русскому абсолютизму и клерикализму. При этом первое было неизмеримо нужнее и легче, чем второе, требовавшее опасного и невыгодного дележа власти и материальных благ с «умеренно-консервативными элементами». Третьей стороной вопроса были отношения с Англией, колебавшиеся в зависимости от нахождения у власти безусловных англофилов, вроде Флуранса, готовых всякой ценой обеспечить благосклонность английского правительства в момент взрыва вооруженного мира или же политиков, отстаивавших французские «права» на Египет. Эти последние, впрочем, свою роль сыграли не без успеха; доведя Францию до фашо.ского провала, они все же сберегли «права на Египет» как фонд для покупки английской дружбы на более выгодных условиях, к чему в конце концов и свелась суть дела.

Но в августе 1892 г. в соответствии с указанными обстоятельствами «положение французского посольства при Ватикане глубоко изменилось». Извольский предвидел, что если в этот момент будут происходить выборы преемника Льва XIII, то французские кардиналы «уже вряд ли будут действовать под непосредственным наблюдением графа Лефевра», «хотя лично гр. Лефевр продолжает пользоваться большим доверием курии» и остается для Извольского «единственно возможной точкой опоры среди разнообразных течений, вызываемых здесь близостью конклава»¹ (деп. № 26, 1892 г.).

Параллельно с этим усилилось влияние антагониста Рамполлы, кардинала Ледоховского, политического союзника и агента германского правительства, державшегося непримиримой антирусской, полонофильской (для русской Польши) политики. Лев XIII был вынужден пойти на уступки «польской партии» и распорядился составить «свод» жалоб и претензий по поводу угнетения поляков-католиков в России, привезенный Извольским в Петербург при поездке в отпуск (записка его от 10 октября ст. ст. 1893 г. и в особенности письмо его из Рима 16/28 ноября

¹ Т. е. ожиданием смерти Льва XIII и близостью выборов его наследника.

1893 г.). Тем не менее он и Рамполла вовсе не сдавали своих позиций, отстаивая весьма действительными способами (дел. № 16, 17 и 18, апрель 1894 г.) неприкосновенность установленного «согласия» с русским правительством, давшим французскому духовенству возможность участвовать в русско-французских патриотических манифестациях в Тулоне и Париже. И во исполнение желания Льва XIII, чтобы незамедлительным учреждением императорской миссии при папском дворе русское правительство возвысило авторитет и силу католической церкви и консервативно-умеренных элементов в «безбожной» Франции (и конечно — авторитет и силу самих Льва XIII и Рамполлы в католической иерархии), — в мае того же 1894 г. эта миссия действительно учреждается с назначением снискавшего полное доверие и благорасположение Александра III Извольского «министром-резидентом при его святейшестве папе».

Инструкция, составленная в министерстве иностранных дел (и согласованная с министерством внутренних дел) для руководства дальнейшей деятельностью Извольского основывается на следующем положении:

«Нынешний папа, руководствующийся более правильным пониманием истинного призвания церкви, отчасти же побуждаемый и политическим расчетом, пришел, повидимому, к окончательному убеждению, что римский первосвященник отнюдь не должен поддерживать стремлений и происков нашей польско-национальной партии; осязательным проявлением этого образа мыслей может считаться недавняя энциклика, обращенная к польскому духовенству и в которой последнему внушается верность установленному порядку и повиновение законной власти».

На столь высокой ступени «сердечного согласия» остались отношения между Петербургом и Ватиканом к моменту смены царствований; об этом свидетельствует депеша Извольского (№ 52) от 15/27 ноября 1894 г., представлявшая сжатую, предназначенную, очевидно, для осведомления нового царя характеристику международно-политической позиции Льва XIII.

Этим мы заканчиваем очерк первого этапа ватиканской политики в подготовительную к империалистической войне эпоху. Небольшую коллекцию печатаемых документов мы заключаем запиской по всем признакам ватиканского или «полуватиканского» происхождения, относящейся к 1898 г. и доказывающей пользу «учреждения постоянного представительства св. престола в С.-Петербурге».

Записка эта интересна в двух отношениях. С точки зрения внутренней политики царского правительства она аргументирует в пользу основного своего тезиса следующим образом: «Россия считает миллионами своих подданных — католиков. Такое отчетливое подтверждение ее сердечных отношений и ее полного единомыслия с главою католичества не преминет оказать благотворное влияние на них в смысле удержания их в верности и преданности особе императора, в смысле лояльного исполнения ими своих верноподданнических обязанностей и в смысле успокоения сначала, а затем прогрессивного уничтожения их *сепаратистских* (подчеркнуто в подлиннике — Е. А.) вождельний, что укрепляло бы с каждым днем все более политический авторитет русского правительства в среде (то католического населения».

Основной тезис считался, однако, со времен Александра III совершенно неприемлемым, и самая возможность постановки вопроса об учреждении нундиатуры в Петербурге в 1898 г. симптоматична. Нет сомнения, что

«дерзкая» сама по себе инициатива эта находилась в связи и с отмеченными Извольским впервые в 1894 г. «смутными планами» или «мечтами» Льва XIII о сближении церквей католической и православной, — планами, возродившимися, как известно, в наше время. Сочетание этого грандиозного плана с «новой» дипломатической ориентацией в уме Льва XIII показывало, на каких прочных и широких основаниях зиждилось его франко-русскофильская политика, заостренная в этой части своей уже не только против Германии и Италии, но непосредственно против Австро-Венгрии, в духе близких ему, еще в начале его царствования, идей известного австро-славянского епископа Штрессмайера.

С точки зрения внешней политики, вся «моральная сила величайшего веса», представляемая св. престолом, должна была служить возвышению «силы и политического престижа России» и *завоеванию «симпатий католического населения» всех стран*. Значение этого момента выразительно подчеркнуто указанием на особенную ценность этой помощи при разделении Европы на два враждебных лагеря и на старания держав, враждебных Франции и России, заручиться этой помощью в свою собственную пользу.

Но самое интересное в этой части записки то, что папская дипломатия предлагается в помощь для реализации того плана континентальной антибританской коалиции, который родился в момент проявления англо-германского антагонизма, обострения англо-французских противоречий в Северной Африке на основе фактической изоляции Англии и серьезных затруднений ее в Южной Африке. Естественно, возникла мысль (как и с какими результатами, об этом см. вторую часть этой работы) «остановить прекрасное мгновение» и полностью исчерпать возможности впервые представившегося случая сбросить ярмо британского мирового господства. Достаточно было этой мысли зародиться — в теснейшем кругу и в сокровеннейшей тайне, — чтобы ватиканская дипломатия оказалась тут как тут с предложением своих услуг, с раздуванием пожара из новой искры, высеченной дипломатическим огнивом за кулисами империалистической политики. При помощи св. престола «было бы легче, *если это нужно*, — говорит автор или авторы записки, — скрепить узы между Петербургом, Парижем и Берлином против *Англии*»...

Эта услуга в тот момент от Ватикана не потребовалась. И он направил предложения свои по иным руслам, в поисках иных путей превращения европейского вооруженного мира во всеобщую войну.

* * *

Выводы, к которым мы приходим:

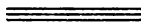
1) франко-русская антанта развивалась в союз одновременно и в связи с первыми попытками образования англо-французской антанты без содействия и участия Ватикана, ориентировавшегося в своей политике до 1888 г. на Германию;

2) превращение франко-русской антанты в финансовый и военно-политический союз происходило также без помощи и посредничества Ватикана, а, наоборот, французская дипломатия принесла Александру III «в приданое» сближение Ватикана с Россией;

3) с весны 1888 г. *Ватикан входит третьим членом в русско-фран-*

цусскую антанту, накануне оформления ее в союз, меняя курс своей политики, участвуя в политике начальной фазы окружения Германии и ориентируясь, ввиду европейской войны, на антигерманскую коалицию в целях, главным образом, восстановления папской светской власти;

4) ценой, которую заплатил Ватикан за сближение с Россией при посредстве и содействии Франции, был союз папского престола с русским самодержавием против национально-польского движения в русской Польше, обеспечивавший выгодную для русского правительства политическую обстановку во всех частях Польши во время ожидавшейся войны против Германии.

II. ВАТИКАН И АНГЛИЯ В ЭПОХУ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Девятнадцатый век — век английской гегемонии — заканчивался при самых неблагоприятных для будущего британской мировой империи предзнаменованиях.

Англо-французский дипломатический конфликт из-за Судана (Фашода) ударил по больному месту (египетский вопрос) в англо-французских отношениях. Результатом фашодского инцидента было не только умаление престижа Франции, но и ухудшение положения самой Англии в Европе. Показательным в этом смысле было обращение испанского правительства к правительствам Франции, Германии и России¹ в апреле 1899 г. с планом франко-русско-германского соглашения о защите неприкосновенности испанских территорий в Европе и в Африке² против английских воцелений. В то же время германская дипломатия считала (в мае 1899 г.) международное положение Англии столь неблагоприятным, что не допускала решимости у английского правительства довести дело до войны с бурскими республиками³. Наконец, аналогичная оценка европейского положения вместе с положительными поощрениями из Берлина, Парижа и других столиц внушили трансваальскому правительству смелость занять твердую позицию в конфликте с Англией и не отступить перед вооруженной борьбой с могущественнейшей державой мира.

В июне принц Эдуард (в следующем году — король) упрекал еще Чемберлена (министра колоний) в слабости и нерешительности, и только в середине октября начались военные действия. Неудачи англичан, неожиданные победы бурских «мужиков» над блистательными войсками королевцы Великобритании наносили удар за ударом престижу британского могущества. «Злорадное ликование во всех почти странах Европы при известиях о первых поражениях англичан показало, что Англию ненави-

¹ Можно ли поставить наряду с этим и обращение к Австро-Венгрии, или же австрийская дипломатия имела до известной степени авторские права в отношении этой инициативы, — для решения этого вопроса нет достаточных данных; есть, однако, серьезное основание думать, что за испанской инициативой непосредственно, но вряд ли как *causa finalis*, стояли австрийские внушения.

² Испанское правительство — по заявлению премьер-министра Сильвелы германскому послу — располагало будто бы точными сведениями об английских планах захвата Цеуты, Канарских островов, бухты Виго и даже всей сев.-зап. провинции Галиции.

³ См. отзыв германского посла в Лондоне и заключение в том же смысле статс-секретаря по иностранным делам, Булова, в телеграмме Булова Вильгельму II от 10 мая 1899 г. «*Die grosse Politik der Europäischen Kabinette*», XV № 4356.

дела больше, чем она когда-либо предполагала»¹. «Известия о неудачах, понесенных английскими войсками в борьбе с бурами, — писал во «все-подданнейшей записке» в январе 1900 г. русский министр иностранных дел, гр. М. Н. Муравьев, — вызвали повсюду чувство нравственного (!) удовлетворения, чтобы не сказать — удовольствия»². И, говоря словами английского историка, близкого к британскому Foreign Office,

«прежде, чем закончились первые три месяца войны, опасности изолированности дали себя чувствовать так же остро, как неожиданное испытание, которому подвергнул наши войска маленький бургский «вооруженный народ»³.

Какую же позицию заняла дипломатия Ватикана в отношении к Англии, с которой еще десяток лет до этого момента она стремилась связаться «прочными» дружественными узами?

Как в отношениях между папской курией и Германией или Россией основную роль играл польский вопрос, придававший в Берлине и в Петербурге чрезвычайную важность дружественным связям с Ватиканом, — так во взаимоотношениях между Англией и Ватиканом основную роль играли вопросы ирландский и с конца 80-х годов мальтийский.

«Необходимость для Англии вступать в сношения с Ватиканом по этим (касающимся о. Мальты) вопросам вызывается тем широким, почти безграничным действием, которое было признано великобританским правительством за папской властью и каноническим правом на острове Мальте при первоначальном присоединении последнего к королевству», писал Извольский из Рима 18/30 июня 1890 г. министру инodel Н. К. Гирсу⁴.

Важнейший пункт настоящего соглашения, очевидно, тот, в силу которого папа, не отказываясь, в принципе, от принадлежащего ему права непосредственного назначения епископов Мальты и Гоццда, соглашается отныне вступать (подобно тому, как это делается с нами) в предварительные конфиденциальные сношения с великобританским правительством касательно выбора кандидатов. Политическое значение имеет также и обязательство, принятое курией ввести в мальтийские семинарии обучение английскому языку. Остальные два пункта касаются второстепенных вопросов о браках и погребении.

«Содержание обнародованной ныне переписки окончательно опровергает сильно волновавший Францию слух, будто сэру Л. Симмонсу было также поручено добиться от Ватикана передачи мальтийскому епископу духовной юрисдикции над некоторыми странами Африки. Парижский кабинет, весьма ревниво относящийся ко всему, что могло бы умалить исторические права Франции, и побуждаемый неутомимым алжирским примасом, кардиналом Лавижерн, внимательно следит за этой стороной дела. Посол республики, граф Лефевр, получил от папы прямое уверение, что с Англией не заключено никакого условия касательно Африки; тем не менее, можно предположить, что сэр Симмонс не ограничился в своих

¹ H. W. Steed, Through thirty years, vol. I, 154.

² «Красный архив», XVII, 5.

³ The Cambridge history of British Foreign International Situation by V. Chirol, vol. III, 268.

⁴ Деп. Извольского № 5. Соглашение, о котором говорит далее Извольский, было заключено сэром Л. Симмонсом, специально уполномоченным великобританским правительством и Ватиканом незадолго перед этим.

разговорах в Риме предметами, изложенными в его официальных донесениях, и, по имеющимся у меня сведениям, между ним и кардиналом Рамполла происходили частные и доверительные беседы по африканским и, вообще, колониальным делам.

«Надежда Льва XIII, что миссия сэра Л. Симмонса приведет к установлению между ним и Англией постоянных дипломатических сношений, покуда еще не осуществилась. Для дальнейших переговоров по различным второстепенным делам, касающимся острова Мальты, здесь вскоре ожидается мальтийский чиновник, но уже с более скромным наименованием. В итоге, английское правительство, польстившее самолюбию Льва XIII назначением к нему, хотя и временным, чрезвычайного посланника и полномочного министра, приобрело довольно существенные выгоды; правда, что, со своей стороны, как это явствует из прилагаемой переписки, оно сводит до минимума гарантии, повсеместно требуемые советской властью против ультрамонтанства».

В конце 1889 и в начале 1890 г. Ватикан, действительно, оказал английскому правительству услуги, аналогичные тем, которые он оказывал в это время русскому правительству: он торжественно осудил средства борьбы, применявшиеся ирландской национальной партией (в особенности «бойкот») и — по сообщению Извольского — «положил конец клерикально-сепаратистским интригам на о. Мальте, заставив епископа Бугаджиара угодным Англии лицом». «Переговоры, давшие эти результаты, велись сначала через герцога Норфолка и «мальтийца» графа Стрикленда, а затем, для завершения их, послана была в Рим чрезвычайная миссия Л. Симмонса, назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром при папском дворе. Как сообщал Извольский 23 окт. (4 ноября) 1889 г. (тел. № 14), кардинал статс-секретарь (Рамполла) заявил ему о «своей уверенности», что это назначение приобретет постоянный характер и что оговорка маркиза Сольсбери зависит будто бы от сильного неудовольствия и даже сопротивления итальянского правительства». «В Ватикане, — отмечал при этом Извольский, — царствует по этому поводу величайшая радость». Тем не менее, ожидания и надежды Ватикана оказались напрасными.

Обращаясь к интересующему нас моменту англо-бурской войны, мы прежде всего должны констатировать, что ватиканская пресса в начале ноября 1899 г. переменила двусмысленный тон на определенно враждебный Англии, присоединившись к единодушному «про-бурскому» хору всей континентальной прессы. «*Osservatore Romano*», официальный орган Ватикана, напоминал 6 ноября, что «хваленое итальянское *Risorgimento*», основанное на уничтожении светского суверенитета папы, было, главным образом, делом Англии, т. е. Пальмерстона, при содействии Гладстона, которые совершили этот подвиг в полном согласии с протестантизмом и англиканским идеалом... «Но, — грозно заключал ватиканский официоз, — приближаются крупные события¹, которые покажут, что посягательства на свободу церкви и папы никогда не остаются безнаказанными». Газета

¹ Уверенность в этом высказал и Вильгельм II в пометке на донесении своего посла из Мадрида от 5 октября 1899 г. в том месте, где передавалось заявление гр. Муравьева испанскому премьеру, что южно-африканская война может повлечь за собою «различные последствия для всеобщей политики».

иезуитов — «Voce de la Verità» — доказывала, что так как Италия сильна только поддержкой Англии, то крушение могущества последней, вследствие решительных побед над нею буров, приведет к крушению безбожной Италии и восстановлению в Риме папской власти. Смущение, вызванное этой кампанией ватиканской прессы среди английских католиков, было столь велико, что «светский глава» этих католиков, герцог Норфолькский, нашел себя вынужденным выйти из состава кабинета Сольсбери с тем, чтобы записаться офицером в экспедиционную английскую армию.

Следует отдать справедливость царскому министру-резиденту при папском престоле, Н. Чарыкову, который за год до этих событий, — тотчас же после Фашоды, — предвидел возможность крутого поворота ватиканской политики в отношении Англии.

Римская курия, писал он в личном письме Муравьеву 8/20 декабря 1893 г., поклоняется успеху. Бесдеремонность С. Штатов в отношении Испании приводит ее в негодование; кардинал Рамполла еще сегодня говорил вновь со мною об этом. Но американские победы повлекли за собою сближение между Белым Домом и Ватиканом и признание последним католического «американизма». Националистские вожеления императора Вильгельма противоречат папскому учению. Но император могуществен и смел, и центр заодно с ним: Ватикан заставляет молчать тех, кто хотел бы защищать его вчерашние взгляды, и ухаживает за прусской миссией. Франция отступила в Фашоде, смирилась в Иерусалиме, мирится с итальянским правительством: святой престол отказывается от догмы французского протектората¹, охладевает к послам республики и откладывает до мая консисторию или пытается обусловить возведение в кардиналы о. Шарметтона² огромной уступкой со стороны России.

Тем не менее, эти колебания имеют свои пределы. Римская курия преклоняется перед германскими и англо-саксонскими успехами, но в то же время они ее пугают. Во-первых, потому, что успехи эти угрожают полным подавлением латинской расы, в которой папство черпает главные свои ресурсы. И затем — потому, что безраздельное господство протестантских и либеральных держав чревато опасностями для принципов католицизма и власти. Вот почему Лев XIII и его статс-секретарь ищут противовеса этому господству и считают, что нашли его в содружестве народов латинских и славянских³.

Во времена Извольского ватиканская дипломатия, как мы видели, считала европейскую войну неизбежной и стремилась принять в подготовке ее деятельное участие. Но и Чарыкову в июле 1898 г. кардинал статс-секретарь (Рамполла) говорил о том, что предвидит «страшную борьбу рас», «борьбу между славянской и германской расами». При этом он указывал на полное подчинение католической Австрии протестантской Германии, — опасность, объединяющую против себя «славянскую расу» с «латинской расой». Эту же мысль Рамполла излагал, естественно, французскому послу при Ватикане, Монбелю, который сообщил об этом Чарыкову с пояснением, что св. престол готов примкнуть к Франции, даже к Италии и — без всяких колебаний — к России, если эти державы

¹ Над католиками на Востоке.

² Французского кандидата.

³ МИД. Saint-Siège, 1898.

вступят в борьбу с Германией, ибо главную опасность для себя римская курия видит, мол, в протестантизме, следовательно — в Германии¹.

В течение двенадцати лет Лев XIII и Рамполла направляли ватиканскую дипломатическую деятельность по линии «окружения Германии». Считается и по сей день, что они не отступали от этой линии до конца жизни Льва XIII (1903 г.) и до ухода с политической арены его статс-секретаря. Величайшая осторожность в отношении Ватикана, с которой публикуются архивные документы за пределами Советского союза², оставляет нетронутым это убеждение.

Между тем, всеобщий «дипломатический бунт», вызванный в 1899 г. южно-африканскими неудачами Англии, произвел столь же быструю, как и радикальную перемену в ориентации ватиканской дипломатии.

В 1893 г. ватиканский официоз (упомянутый выше «*Osservatore Romano*»), по внушению Рамполлы, объявлял франко-русский союз созданием папской дипломатии.

В ноябре (7/19) 1898 г. тот же орган, под впечатлением фашодского поражения Франции, доказывал несостоятельность франко-русского союза и бесполезность его для Франции, а иезуитская «*Voce de la Verità*» восхваляла религиозность и благочестие Вильгельма II и называла ненавистное до Фашоды Ватикану путешествие Вильгельма в Палестину «триумфом христианства» и даже «*un immenso beneficio ai Cattolici*».

В ноябре 1899 г. обе эти газеты выступали против Англии, в защиту южно-африканских протестантских республик, с таким усердием, что английские католики «доверительно» обратили, через кардинала Vaughan «серьезное внимание кардинала Рамполлы на неудобство подобной открытой неприязни». Несмотря на это ватиканская печать продолжала «враждебную Англии кампанию, высказывая уверенность, что нынешняя война вызовет такие международные осложнения, которые умалят могущество этого государства»³.

В качестве такого «международного осложнения» европейская пресса предсказывала, обсуждала и пропагандировала вмешательство европейских держав в пользу буров, которое уже в начале октября английская дипломатия считала вполне реальной опасностью⁴. В конце же октября британский посол в Париже Э. Монсон получил предупреждение о прямо враждебных намерениях Франции и России. Пребывание русского министра иностранных дел (Муравьева) в Париже подало повод к предпо-

¹ Доверительное письмо Чарыкова Муравьеву от 7/19 июля 1898 г. МИД. Saint-Siège, 1898.

² Германское правительство, публикуя во время войны документы бельгийского мин. ин. дел, исключило из этой публикации едва ли не самую драгоценную для истории часть этого архива — донесения бельгийского посланника при Ватикане, наиболее близкого последнему из всех аккредитованных при папском престоле европейских дипломатов. Та же самая операция произведена при опубликовании документов германского министерства ин. дел. О публикациях английско-го и французского правительств нечего и говорить; во французской мы находим в т. I второй серии всего 6 совершенно незначительных документов, касающихся папского престола. См. Documents Diplomatiques Français (1871—1914), 2-e série (1901—1911), № 40, 197, 212, 218, 257, 395.

³ Тел. Чарыкова № 33 от ноября 1899 г. (Saint-Siège, 1899). — Демонстрация герцога Норфолькского и состоялась в январе 1900 г. в качестве протеста против непоколебимой англофобии ватиканской прессы.

⁴ British Documents on the origin of the War (1898—1914), vol. I, № 233.

жениям, что результатом его переговоров с Делькассе будет немедленное враждебное выступление против Англии. В этом смысле информировал Монсона его итальянский коллега, оговаривавшийся, впрочем, что все зависит, конечно, от Германии и что с этой стороны опасаться нечего¹. Однако такого рода дружественные предупреждения сами по себе представляли уже некоторое «умаление» английского могущества. Как показали события, германская дипломатия параллельно поощряла планы «оборонительного» соглашения континентальных держав² и «дружески предупреждала» английское правительство о противоанглийских замыслах и предложениях Муравьева³, представляя, вместе с тем, счет за свой отказ от участия в этих замыслах. Как водится, счет этот предъявлялся неоднократно, был вздут до крайней возможности, и все же английское правительство должно было по нему платить; ближайшим и пренеприятным платежом была совершенно непривычная уступчивость англичан в вопросе о германских судах, занимавшихся подвозом бурам военной контрабанды.

Несмотря на то, что Вильгельм II заявлял права на вечную благодарность Англии ему за то, что он не допустил нападения на нее «двух тигров» — Франции и России, — в середине ноября 1898 г. в Париже происходили неофициальные переговоры между доверенными людьми французского и германского правительств об условиях и способах франко-германского сближения против Англии. Дело дошло до свидания германского агента (журналиста, очень близкого к германскому министерству иностранных дел, имевшего первоначально дело тоже с журналистом-дипломатом и второстепенными персонажами с Quai d'Orsay) с самим министром ин. дел республики, Делькассе. Делькассе «не произнес слова «alliance», но говорил, что оба государства должны вести сообща политику против английского засилия». Почвой для тесного сближения Франции и Германии должна быть колониальная политика. Франция насыщена, даже перенасыщена, колониальными владениями и готова всюду поддерживать колониальные вождедения Германии, в особенности в Китае и во всех пунктах, представляющих опорные базы на морском пути в Восточную Азию. На замечание собеседника, что ни один французский кабинет не

¹ Такая же информация получена была в начале ноября из Брюсселя. См. British Documents, vol. I, № 286, 292. — Об антибританских замыслах Муравьева и несочувствии им французского правительства см. там же, № 294.

² Инструкции Бюлова германскому послу в Мадриде от 27 апреля 1899 г. и от 16 мая 1899 г., «Die grosse Politik», № 4206 и 4209. Инициатива возбуждения переговоров о континентальном блоке формально принадлежала испанскому премьеру, но с самого начала заметно в ней участие австрийской дипломатии; с благословения Берлина испанский премьер вступил в переговоры с французским правительством и с русским. Все это — в апреле—мае 1899 г.; лишь в октябре пускается в ход австрийский документ («Die grosse Politik», XV, № 4213 и «Brit. Doc.», v. I, № 287), компрометировавший перед англичанами в этом деле Муравьева, но по существу опровергаемый депешей Радовица из Мадрида от 5 октября 1899 г. («Die grosse Politik», XV, № 4212). См. также подтверждение австрийской версии Болуховским английскому послу в Вене — «Brit. Doc.», I, № 291, а также запись разговора Бюлова с Муравьевым в Потсдаме, «Die grosse Politik», XIII, № 3548.

³ См. «Brit. Doc.», v. I, № 305, в особенности 311, 317, 313, где воспроизведено заявление Вильгельма послу Англии в Берлине о том, что Англия должна быть благодарна ему, Вильгельму, удержавшему в покое «двух тигров» — Францию и Россию.

решился выступить в парламенте с проектом далеко идущего соглашения с Германией, Делькассе ответил: «Я это сделаю завтра же, если угодно!» На замечание собеседника, что при первой смене кабинета во Франции Германия останется ни с чем, Делькассе возразил, что, во-первых, смены кабинетов во Франции фактически не меняют направления внешней политики и что, во-вторых, Россия может быть привлечена к франко-германскому соглашению в качестве третьей, гарантирующей сделку, участницы соглашения¹. В октябре 1899 г. французские и германские войска и в самом деле братски «сотрудничали» в истреблении туземцев в Африке на границе Того. Делькассе по этому поводу поручил французскому поверенному в делах в Берлине выразить чувства удовлетворения, в ответ на что заместитель германского статс-секретаря по иностранным делам не преминул выразить надежду, что «колонияльное сотрудничество»² и впредь в соответствующих случаях окажется возможным.

В злополучные декабрьские дни — время катастрофических неудач англичан в Ю. Африке, оставшееся в истории Британской империи под наименованием «черной недели» — в Берлине появился человек, едва ли не самый ненавистный тогда правящим кругам английского общества, с принцем Эдуардом во главе, — министр иностранных дел Трансваальской республики, д-р Лейдс, непосредственно связанный с посылкой знаменитой телеграммы Вильгельма II Крюгеру 3 января 1896 г. К величайшему негодованию принца Эдуарда, как вполне достоверно свидетельствует об этом его биограф, С. Ли, — д-р Лейдс был приглашен германским канцлером Гогенлоэ на банкет по случаю дня рождения Вильгельма II (27 января). Английский посол в Берлине не мог, конечно, уклониться от присутствия на этом банкете. Принц Эдуард по этому поводу писал послу, что д-р Лейдс — «самый злостный, опасный и бессовестный из всех наших врагов. Он переезжает с места на место, распространяя ложь и стараясь повредить всем, чем он только может»³. А в благодарственном, но далеко не нежном письме Вильгельму II, в ответ на соображения последнего о наилучших способах ведения войны против буров, принц, выразивши уверенность в благополучном исходе войны, оговорил, что уверенность эта не разделяется на континенте и в особенности «доктором Лейдсом, который, как я слышал, был принят с распростертыми объятиями во всех слоях берлинского общества». Негодование Эдуарда было тем сильнее, что в своих соображениях по поводу южно-африканской войны Вильгельм II не постеснялся приравнять ее к спортивному матчу, в котором англичане могут, не жертвуя своим достоинством, в худшем случае, честно признать себя побежденными противником.

¹ «Die grosse Politik», XIII, № 3558 (Докладная записка А. фон-Хуна о его переговорах в Париже, поданная Бюлову 5 декабря 1898 г.). О предшествовавшем этому запросу германского правительства французскому о возможности сотрудничества между ними (19 июня 1898 г.) см. там же примечание на стр. 252 и «Die grosse Politik», XIV, № 3813 и 3814. Само собой разумеется, к смыслу заявлений Делькассе следует отнести критически — очень осторожно.

² Кавычки подлинника — записи зам. статс-секретаря, «Die grosse Politik», XIII, № 3584.

³ При этом Эдуард «выразил надежду, что посол, вернувшись домой с канцлерского обеда, вымоет карболовым мылом свои руки, оскверненные рукопожатием представителя буров». — *King Edward, VII, A Biography by sir Sidney Lee*, vol. 1, 758—759.

Биограф Эдуарда VII, пользовавшийся архивными документами русского посольства в Лондоне, имел возможность осветить неясную картину, рисуемую опубликованными документами германского министерства чрезвычайно яркими штрихами.

В то время как Вильгельм уверял великобританского посла в Берлине, что Англия не имеет в мире более верного — и имеющего больше прав на благодарность — друга, чем он, и когда Бюлов предостерегал этого посла против русских планов в отношении Персии и Персидского залива, — германский император, во время новогоднего визита своего к русскому послу графу Остен-Сакену, поздравлял его не только с новым годом, но и с пробной мобилизацией на афганской границе. «Император усматривает в ней (цитирует депешу Остен-Сакена С. Ли в английском переводе) подтверждение своего излюбленного мнения, что одна Россия может парализовать мощь Англии и нанести ей, в случае нужды, смертельный удар». Развивая эту тему, император заявил с горячностью, что если бы когда-нибудь наш августейший государь признал необходимым двинуть свои войска против Индии, то он со своей стороны гарантировал бы полное спокойствие в Европе. Он встал бы на стражу наших границ. «Это хорошо знают в Англии, — прибавил его величество: — я никогда не скрывал от них тот факт, что на Дальнем Востоке я не буду на их стороне». Это, сделанное по собственной инициативе, заявление (продолжает русский посол) до такой степени поразило меня, что я спросил императора, желает ли он, чтобы оно передано было мною августейшему нашему государю. «Конечно, — ответил его величество, — императору Николаю достаточно, впрочем, перечитать мои письма за время нашего вмешательства в японо-китайскую войну и экспедиции в Цзяо-Чжоу. Я ему давал неоднократно это заверение»¹.

В циркулярном письме русским послам от 13/25 января 1900 г. Муравьев констатировал «стремление со стороны германского правительства возбудить согласованное действие держав против планов Англии как в отношении Ю. Африки, так и Египта»² и в особенности желание связать нас с этим действием как можно теснее». Осведомленный об этом русским послом в Париже, Нелидовым, Делькассе выразил подозрение, что цель Вильгельма II — скомпрометировать Францию и Россию перед Англией, и таким образом, каков бы ни был дальнейший ход событий, остаться в выигрыше за счет всех своих партнеров. И тем не менее, в середине февраля наметилось нечто, похожее на согласие с русской стороны начать «согласованное действие» против Англии: 15/27 февраля Муравьев поручил русским послам в Париже и в Берлине предложить обоим правительствам, сообщая с Россией, выразить в Лондоне пожелание, чтобы английское правительство положило конец «неравной борьбе между маленькими республиками и могущественной Англией». И Делькассе и Вильгельм II дали сочувственные, но уклончивые ответы; Муравьеву ничего не оставалось, как напомнить Вильгельму II, что отвергнутая им теперь инициатива «совместного действия» принадлежала ему же самому³.

¹ S. Lee, I. c., 763.

² Во втором разговоре с Остен-Сакеном Вильгельм II говорил о том, что Англия собирается перебросить из Египта войска в Ю. Африку, а охрану Египта передать Италии.

³ S. Lee, I. c., 766.

Таков был ход событий с октября 1899 г. по февраль 1900 г., восстанавливаемый теперь по ставшим известными документам дипломатических архивов. Двойная игра не только германского, но и других правительств, делавших все возможное для того, чтобы побудить друг друга выступить против Англии, при сохранении за собою возможности, глядя по обстоятельствам, либо присоединиться к этому выступлению и придать ему силу концентрированного наступления на Британскую империю, либо отречься от него и за приличное вознаграждение со стороны Англии перекинуться на ее сторону,—эта двойная игра велась закрытыми картами и создавала почти паническое настроение в Лондоне и крайнее возбуждение во всех правительственных европейских центрах. Насколько грозной оказалась обстановка, созданная этой игрой, видно по тем уступкам, которые вырваны были у Англии за это время — Соед. Штатами в отношении Панамского канала, Германией в Африке, Францией в Индо-Китае, а также — по смелости, проявленной Россией на Дальнем Востоке. Но пока еще не были подведены эти итоги кризиса 1899—1900 г., — были все основания ожидать еще более катастрофических для Англии «международных осложнений». Как эти ожидания отражались в ватиканских сферах в декабре 1899 г., показывает депеша Чарыкова из Рима, полученная в Петербурге 12 декабря:

№ 42

Рим. 7/19 декабря 1899 г.

Доверительно

М. г., граф Михаил Николаевич,

В почтительнейшем донесении моем от 9/21 ноября за № 33 я имел честь упомянуть о неблагоприятных для Англии предсказаниях, которыми здешние католические круги встретили войну Англии с южно-африканскими республиками.

Эти предсказания подтверждаются событиями последних дней, выяснившими численную недостаточность и боевую несостоятельность английского сухопутного войска.

Здесь пессимисты начинают даже говорить, что Англии придется отказаться от ее Капской колонии, как в прошлом столетии она отказалась от своей колонии в Северной Америке.

Кардинал Рамполла считает положение англичан серьезным, а французский посол весьма озабочен политическими последствиями английских неудач.

Г-н Низар высказывался папскому статс-секретарю и мне в этом смысле.

Он, будучи хорошо знаком с делами французского министерства иностранных дел за последние 15 лет, полагает, что Франция может отнестись только с полным сочувствием к увеличению германских владений в Африке и считает возможным и желательным соглашение между Францией и Германией на этой почве.

Ему известно из достоверных источников, что английские военные силы на западном берегу Африки ничтожны и что, вообще, в распоряжении английского правительства имеется лишь незначительное количество обученного войска.

Кардинал Рамполла и г-н Низар и многие мои коллеги спрашивают в один голос: что будет в Индии?

Нерасположение римской курии к Англии объясняется, как известно, отчасти конфессиональными и отчасти—местными политическими причинами¹. Но можно с уверенностью сказать, что *всякая политическая комбинация, направленная против Англии, будет пользоваться сочувствием и поддержкою курии, клерикальной печати и значительной части католического населения всех европейских и неевропейских государств*².

Примите и проч.

Н. Чарыков

Документ этот свидетельствует, что ватиканская дипломатия стремилась опереться не только на общее настроение «бунта» против английской гегемонии в мире, но и на вполне оформленное сотрудничество с дипломатией французской. Немного более раннего происхождения письмо Чарыкова к Муравьеву показывает, что у папского статс-секретаря был наготове и даже приводился зависящими средствами в исполнение план мобилизации всех латинских государств (не исключая даже Португалии — английской полуколонии!) против Англии, под руководством Франции:

Рим, 23 ноября/5 декабря 1899 г.

М. г., граф Михаил Николаевич,

Недавняя речь г-на Чемберлена обратила на себя внимание в ватиканских кругах. Зная английские нравы, а также ораторские приемы британского министра колоний, здесь не придают речи этой преувеличенного значения:

Тем не менее, как мне сказал сегодня кардинал Рамполла, «il y a quelque chose là-dessous»³, полагая, что угрозы г-на Чемберлена касаются не только Франции, но и всех наций не англосаксонского или тевтонского происхождения. Папский статс-секретарь еще более укрепился в своей давнишней мысли о необходимости всем государствам латинской расы сблизиться и сплотиться, для отпора англо-германским стремлениям к господству и захватам.

Кардинал припомнил по этому поводу, что, будучи еще нунцием в Мадриде, он советовал испанскому правительству заключить союз с южно-американскими республиками. В последнее время статс-секретарь обращал внимание португальского посла на опасность, угрожающую португальским владениям в Африке от англо-германского соглашения.

Сближение означенных республик между собой и их духовное объединение было политической целью состоявшегося минувшей весной собора епископов латинской Америки. Прежде чем разойтись, означенные епископы выразили папе пожелание—«un vœux pour l'union des républiques Sud-américaines»⁴.

Правительство Колумбии заявило о своей готовности созвать с этой

¹ Т. е. общностью политических интересов Англии и Италии при противоречии интересов между папским престолом и королевским итальянским правительством.

² Курсив наш.

³ Что-то под этим кроется.

⁴ Понимание о единении южно-американских республик.

целью конгресс представителей упомянутых республик. Кардинал, однако, считает инициативу Колумбии в данном случае не вполне удобной и могущей вызвать зависть и недоброжелательство других южно-американских правительств, и вопрос о созыве конгресса пока остается открытым. Во главе союза латинских народов должна была бы стать, по мнению кардинала Рамполла,—Франция. «Естественными союзниками латинских народов в предстоящей им борьбе,—продолжал кардинал,—являются народы славянские». Интересы обеих групп народов нигде не сталкиваются, и обеим одинаково угрожает возрастающее могущество и притязательность англо-германцев. В этом отношении русское правительство могло бы оказать нам дружеское содействие, повлияв в Париже в смысле установления, под французским главенством, столь желательного сближения различных латинских государств «Европы и Америки».

Я уже имел случай доносить вашему сиятельству о постепенном созревании, со времени испано-американской войны, сознания солидарности интересов между южно-американскими государствами, имеющими своих представителей в Риме. За истекшие месяцы, как я узнал из вполне достоверного источника, состоялось положительное сближение между Аргентинскою республикою и Бразилией, выразившееся в посещении президента последней новым президентом первой. Между Аргентиной и Чили установлено мирное соглашение о разграничении. Епископы, возвратившиеся с собора, были встречены на родине восторженно, и один из них, бразильский, возбудил особый энтузиазм заявлением, что св. престол признает республиканскую форму правления в Бразилии законной и окончательной. После 15-летнего разрыва восстановлены дипломатические сношения между Аргентиною и папою, которому на днях г-н Кальво, упомянутый в донесении моем от 19/31 января с. г за № 5, вручил верительные грамоты.

Английские шовинистские речи являются весьма своевременным подтверждением указанных опасений и предположений курии.

Совокупность этих обстоятельств дает повод заключить, что мысли о латинско-славянском единении для обороны против англогерманских захватов, не суть лишь плод мимолетных впечатлений кардинала Рамполла, а выражают собой долголетнюю и обоснованную фактически заботу папского правительства. Острая враждебность к Англии, высказанная Ватиканом по поводу теперешней войны, обнаружила с неожиданной яркостью силу здешнего нерасположения к великобританскому правительству.

Смею думать, что нам можно только отнестись симпатично к упомянутым заботам курии.

Проявляющаяся за последнее время рознь между двумя группами народностей Западной Европы и Америки, на которую указывает кардинал Рамполла, для нас не представляет опасности. Напротив, она затрудняет осуществление единственно страшной для нас комбинации, именно враждебной нам коалиции всего Запада. Поэтому, поддерживая, может быть даже в Париже, выраженные куриею стремления, имеющие притом чисто оборонительный характер, мы, казалось бы, действовали бы лишь соответственно нашим общим политическим интересам.

Примите и проч.

Н. Чарыков

Направление дипломатической деятельности папского престола обозначилось таким образом с полной ясностью. Несмотря на печатные и «доверительные» заявления Рамполлы, что враждебные Англии выступления «*Osservatore Romano*», смутившие английских католиков, ни в малейшей степени не выражают взглядов и политику папского «правительства»¹, руководство католической церкви прилагало все усилия к тому, чтобы создать, независимо от Германии, активный противобританский блок, с Францией и Россией во главе. Опасность, нависшую над Англией, римская курия углубляла и расширяла всеми доступными ей средствами. Деша Чарыкова от 18/30 января 1900 г. показывает, что Лев XIII в это время не испытывал ни малейших колебаний в решимости идти по этому новому пути, с прежним оружием (союз с французской республикой и русским царем) в руках. С полной готовностью св. престол оставил в покое Германию, через военное сокрушение которой франко-русским союзом он раньше стремился к достижению своих политических целей, и обрушился на Англию — потому, что Англия очутилась в еще более невыгодном положении, чем было положение Германии в этот момент.

Рим, 18/30 января 1900 г.

М. г., граф Михаил Николаевич,

На прошлой неделе папа начал принимать новогодние поздравления дипломатического корпуса, отложенные с Рождества.

Когда я в свою очередь был принят Львом XIII, его святейшество просил меня представить выражение его неизменной дружбы и уважения его императорскому величеству, а равно и искренние его пожелания по случаю Нового года. Затем папа подробно развил свою любимую идею о русском императоре, как представителе принципа авторитета в светских делах, не входившего никогда в сделку с революцией, и о желательности его сближения с папою, представляющим начало авторитета в духовной области.

Мне показалось, что эти давнишние убеждения Льва XIII получили за последнее время новую силу и подтверждение ввиду неускользающего от св. престола мирового значения кризиса, который ныне переживает Англия.

Кардинал Рамполла выражал мне по этому поводу свое убеждение, что положение Англии стало очень серьезным и что теперешняя война будет иметь последствия не только местные, но и мировые.

Нравственное обаяние Англии, по мнению кардинала, уже теперь уменьшилось, и трудно предвидеть, каким образом ей удастся возратить себе тот вес, которым она пользовалась на всем пространстве земного шара.

¹ 29 февраля/13 марта 1900 г. Чарыков писал Муравьеву, что группа влиятельных английских католиков нашла эти заявления «неудовлетворительными» и собравшись в публичное заседание, под руководством герцога Норфолька, постановила после прочтения конфиденциального письма Рамполлы, что, «преклоняясь перед авторитетом папы в делах веры и нравственности, английские католики не допускают никакого вмешательства церкви в их отношения к политическим интересам своей родины».

Если при этом иметь в виду, что пропорционально уменьшению мирового значения Англии должно будет возрасти положение тех держав, с которыми Англия главным образом соперничала, именно прежде всего Франции и России, то станет вполне понятным, что такой вероятный оборот дела может только поощрять папское правительство следовать неуклонно французской политике Льва XIII и желать поддерживать с Россией самые лучшие отношения.

Здоровье папы превосходно. Он бодро, охотно и без утомления переносит до сих пор усиленные труды, вызываемые юбилейным годом.

Примите и проч.

Н. Чарыков

Опасность, тяготевшая над Англией, существенным образом уменьшилась не столько вследствие побед английских войск над бурами в начале 1900 г., сколько вследствие отвлечения активности ее соперников на Дальний Восток «боксерским восстанием» и международно-империалистической интервенцией в Китае. Еще в начале июля (н. ст.) совещание начальников французского и русского штабов (Деланн и Сахаров) в Петербурге внесло в военно-союзную конвенцию дополнение на случай, если бы Франция и Россия оказались в войне с Англией¹.

Тем не менее, уже к концу февраля было ясно, что непосредственная угроза образования континентального блока против Англии отпала. Об этом писал Чарыков Муравьеву на основании сведений, почерпнутых в Ватикане, в тот самый день, каким датирована попытка Муравьева осуществить или оживить новогодние пожелания Вильгельма II. В этой депеше своей Чарыков, пользуясь сведениями из того же драгоценного источника, дает и ультраматериалистическое объяснение провалу плана антибританской коалиции, оставляя, однако, на первом месте инкриминированное французским послам «двусмысленное поведение германского правительства».

Рим, 15/27 февраля 1900 г.

М. г., граф Михаил Николаевич,

Католическая печать, очень неохотно констатируя военные успехи англичан в Южной Африке, не отказывается еще от надежды, что нынешняя война вызовет гибельные для Великобритании международные осложнения.

Кардинал Рамполла не ожидает, что подобные осложнения наступят во время теперешних военных действий, но все-таки спрашивает: Французский посол при Ватикане убежден теперь, что на материке Европы не образуется коалиции против Англии, и приписывает явление это двусмысленному поведению германского правительства.

Вместе с тем образованию подобной коалиции воспрепятствовало, без

¹ В случае выступления Англии против Франции Россия была обязана сосредоточить на афганской границе 300—350 тыс. бойцов и наступать на Индию; в случае же объявления Англией войны России Франция должна была сосредоточить 100—150 тыс. человек у Ламанша и «угрожать Англии десантом». См. А. Зайончковский, Подготовка России к мировой войне в международном отношении, 90.

сомнения, влияние западно-европейских деловых сфер, заинтересованных, без различия национальностей, в акционерных предприятиях южно-африканских золотых и бриллиантовых копей.

Мне известно стороной, что здешний португальский посол придерживается мнения, будто победа буров была бы более опасна для колонии Делагоа, чем победа англичан, ибо последние, одолев южно-африканские республики, будут надолго отвлечены новой организацией африканского юга от захвата португальской территории, тогда как буры, нуждаясь в хорошем порте, отняли бы у Португалии бухту Делагоа.

Папскому правительству, при всем том, особенно неприятна возрастающая англомания итальянских правительственных и общественных кругов.

Примите и проч.

Н. Чарыков

Среди опубликованных австрийским правительством документов австро-венгерского министерства ин. дел¹ всеобщее внимание обратило на себя донесение австро-венгерского посланника при Ватикане гр. Морица Пальфи от 29 июля 1914 г. Донесение это самым неопровержимым образом свидетельствует, что св. престол восторженно встретил превращение австро-венгерского конфликта в войну, обещавшую распространиться на всю Европу. В разговоре с гр. Пальфи 27 июля кардинал статс-секретарь не обнаружил, по словам Пальфи, ни малейших признаков «кротости или примирительности». Предъявленный Сербии австрийский ультиматум он «одобрил безоговорочно» и выразил при этом надежду, что Австро-Венгрия доведет начатое дело до полного успеха, вместе с сожалением, что Сербия не была «урезана», в достаточной для ее обезвреживания мере, гораздо раньше, когда эта операция протекла бы без всяких осложнений. Как тут же добавляет Пальфи, сам папа «неоднократно в течение последних лет выражал сожаление, что Австро-Венгрия не производит экзекуции над своим опасным дунайским соседом».

«Можно было бы спросить себя, — продолжает Пальфи, — чем объяснить, что католическая церковь в то самое время, когда она руководится благочестивейшим, истинно-апостольскими идеями проникнутым главою, оказывается *столь воинственной?*»². Пальфи пытается перебраться мост между «апостольским настроением и воинственным духом» Ватикана весьма простым ответом: ссылкой на заинтересованность римской курии в процветании католической габсбургской монархии. Если бы он знал, какую двойную игру в дни кризиса 1914 г. вел Ватикан, он признал бы и сам, надо думать, свой «мост» висящим в воздухе, без всяких материальных точек опоры. В действительности ответ на вопрос его еще проще, чем он думал: воинственность св. престола в июльские дни 1914 г., как и в предшествующие годы, объяснялась тем, что из всякой войны (даже из испано-американской) римская курия извлекала для себя ту или иную пользу, а война европейская считалась ею верным

¹ Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914. — Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äusseren.

² Österreich-Ungarns Aussenpolitik, Bd. 8, № 10, 993.

и единственным путем к осуществлению центральной части ее политической программы, к восстановлению папского суверенитета в римской области¹, с того самого момента, когда *эта война стала в центре расчетов и планов европейской дипломатии.*

Моментом этим был кризис 1887 г.; с конца этого года ватиканская дипломатия, убежденная в неминувости и близости европейской войны процессом превращения франко-русской антанты в финансовый и военно-политический союз и столь же твердо убежденная в том, что Германия не выйдет победительницей из войны на два фронта, со всей энергией принимает участие в политике окружения Германии в качестве деятельного члена антигерманской коалиции.

Англо-французский конфликт меняет внешнюю картину соотношения сил обоих лагерей, и ватиканская дипломатия тотчас же отделяется от двойственного союза — даже честь создания которого она себе приписывала раньше.

Южно-африканская война освещает международное положение Европы новым светом: Англии со всех сторон грозят опасности, против нее плетется сеть дипломатических интриг, за ее счет создаются самые смелые предположения и планы, — и ватиканская дипломатия, почувавши вновь запах пороха, с готовностью бросается в эту авантюру, становясь в первые ряды мобилизующихся против британской империи сил.

Таким образом, сочетание благочестия и воинственности — неизменная особенность верховного руководства католической церкви. Всю «нравственную силу» (как говорил Лев XIII) этой церкви оно не только всегда готово предоставить в распоряжение вероятных победителей в намечающейся схватке, но — более того — оно считает эту свою силу мертвым капиталом, если не представляется случая вложить его в «солидное» военное предприятие, обещающее достаточное приращение его.

Вот что заставляет папский престол в эпоху империалистических конфликтов и коалиций разжигать эти конфликты, подстрекать к борьбе одну, а иногда и обе враждующие стороны и всегда занимать одно из первых мест в походе против той стороны, которую он считает более слабой. Пользующиеся услугами ватиканской дипломатии правительства хорошо знают цену и надежность ее дружеского расположения к себе. Общественное мнение, в особенности в той части своей, в которой оно подвержено еще воздействию аппарата ватиканской агитации и пропаганды, должно с такою же ясностью усвоить правильный взгляд на «гуманитарную» и «христолюбивую» деятельность ватиканской дипломатии при каждом появлении ее на международной сцене.

¹ Это нисколько не мешает признанию того факта, что кардиналы германско-фильской и австрофильской ориентации желали успеха Австро-Венгрии в ее сербском предприятии, тогда как кардиналы французской ориентации — не менее благочестивые и не менее воинственные, чем их коллеги противоположного лагеря — повергли к стопам Николая II телеграфные пожелания побед оружия православной России над католической Австро-Венгрией и ее союзником — «*malto pio e religioso*» — германским императором.

III. ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К МИССИИ А. П. ИЗВОЛЬСКОГО ПРИ ВАТИКАНЕ (1887 — 1898)

Публикуемые здесь документы хранятся в Архиве революции и внешней политики (Центрархив), в делах № 87 (1887 г.), 96 (1888 г.), 83—85 (1889—1891 гг.), 79 (1892 г.), 84 (1893—1894 гг.), 165 (1896 г.), под наименованием Rome, Saint-Siège — Секретный архив и Канцелярия министра. Перечень документов см. в оглавлении. За исключением XII, XIV и XXXVI они имеют в подлинниках отметки о прочтении их царем.

I. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ИТАЛИИ БАР. ИКСКУЛЬ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н. ГИРСУ

(Письмо)

Reçue le 15 décembre 1887.

Rome, le 9/21 décembre 1887.

Très confidentielle.

Monsieur le Ministre,

L'un de mes rapports de ce jour rend compte au Ministère Impérial de la grande masse d'envois et de cadeaux qui arrivent au Vatican de toutes les parties du monde.

Sans attacher la moindre importance à un entretien tout confidentiel que j'ai eu à ce sujet avec M. de Monbel, Chargé d'affaires de France auprès du St. Siège, je crois devoir rendre compte à Votre Excellence de certaines insinuations qui m'ont probablement été faites avec l'assentiment sinon à la demande du Vatican.

M. de Monbel est venu me voir dimanche dr. (le 6/18 déc.) et m'a fait part très secrètement d'une conversation intime qu'il avait eu la veille avec le Cardinal Secrétaire d'Etat.

En lui parlant de la mission du Duc de Norfolk et du Prince François Liechtenstein, porteurs l'un des cadeaux de la Reine d'Angleterre et l'autre de ceux de la Famille Impériale d'Autriche, le Cardinal Rampolla aurait dit que le Pape était très peiné de l'abstention de la Russie; qu'une marque de sympathie de la part de l'Empereur, notre Auguste Maître, comblerait les vœux du St. Père et que Sa Sainteté ne renonçait pas encore à tout espoir.

J'ai répondu à mon interlocuteur que j'ignorais complètement les intentions du Gouvernement Impérial, que je n'étais jamais fait mention dans mes rapports ni du jubilé, en question, ni des nouvelles du Vatican, que je n'étais

pas à même de vérifier n'ayant aucune relation avec la Cour Pontificale, et qu'en conséquence, je ne croyais pas devoir prendre l'initiative d'une suggestion quelconque à ce sujet.

Depuis quelques jours il n'est question ici comme ailleurs, que de la prétendue concentration des troupes russes dans les provinces occidentales de l'Empire et des conseils de guerre qui se suivent à Vienne sous la présidence de l'Empereur François Joseph.

L'opinion publique qui s'était montrée assez sceptique à l'égard des pièces falsifiées dont le secret a été divulgué par la Gazette de Cologne a été vivement émue par la nouvelle d'une conflagration possible de l'Europe et par cette campagne de délations et de perfides accusations que la presse austro-allemande a ouverte en commentant l'article de l'«Invalides».

Je constate avec plaisir qu'au milieu de ce trouble le langage des grands journaux indépendants à Rome est aujourd'hui plus modéré et plus prudent qu'au mois d'octobre. J'aime à espérer que toute cette mise en scène hors de saison de la presse austro-allemande et cette panique, à laquelle on affecte de s'abandonner ne tarderont pas à dégriser. L'opinion publique des visées ambitieuses suscitées par les débuts bruyants de Mr. Crispi.

Je vois déjà les premiers symptômes d'une espèce de réaction dans certains organes. de la presse indépendante, «La Tribuna» et l'«Italie» ont consacré deux longs articles à la situation compliquée du moment. Les deux feuilles démontrent que la paix n'a pas cessé d'être menacée depuis l'invention de la ligue destinée à éviter la guerre.

La «Tribuna» demande si ce sont là les bienfaits promis par la triple alliance et si les hommes d'Etat qui l'ont conclue se sont véritablement bercés de l'espoir d'en imposer à la fois à la Russie et à la France. Le journal se refuse à les croire aveuglés à ce point et il en conclut que les Puissances, en stipulant les conditions de leur alliance ont dû nécessairement prévoir la possibilité d'une conflagration et en discuter les chances, ce qui veut dire que la Ligue de la paix a été faite en vue de la guerre. Cette feuille hostile au Ministère termine son analyse en disant que tout homme impartial comprendra la gravité des engagements contractés qui oblige l'Italie que nul n'a menacée à défendre les intérêts de l'Autriche-Hongrie qui ne sont pas les siens.

Quant à l'«Italie» elle reconnaît qu'un état qui ne peut pas assurer sa sécurité par les mêmes procédés que ses voisins, est le maître de choisir ceux qui sont plus à sa portée. «Dans aucun cas, — dit cette feuille, — le procédé Russe n'est plus menaçant que le procédé allemand ou autrichien qui consiste à tout préparer pour pouvoir envahir le territoire de l'ennemi au lendemain de la déclaration de guerre».

Veuillez agréer, etc.

Ixkullcs

ПЕРЕВОД

Получено 15 декабря 1887 г.

Рим, 9/21 декабря 1887 г.

Весьма доверительно.

Г. министр,

Одно из моих сегодняшних донесений сообщает императорскому министерству о большой массе приветствий и подарков, посылаемых Ватикану со всех концов мира.

Не придавая ни малейшей важности весьма доверительной беседе, которая по этому поводу была у меня с г. де Монбель, поверенным в делах Франции при св. престоле, считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству о некоторых намеках, сделанных им мне, вероятно, с согласия, если не по просьбе Ватикана.

Г. де Монбель посетил меня минувшим воскресеньем (6/18 дек.) и осведомил меня весьма секретно об интимном разговоре, который он накануне имел с кардиналом статс-секретарем.

Говоря с ним о миссии герцога Норфолка и князя Франца Лихтенштейна, прибывших один с подарками от английской королевы, другой — от австрийской императорской семьи, кардинал Рамполла сказал, что папа очень огорчен безучастием России; что знак симпатии со стороны нашего августейшего государя императора увенчал бы пожелания св. отца и что его святейшество не потерял еще надежды на это.

Я ответил своему собеседнику, что нахожусь в полном неведении относительно намерений императорского правительства, что я ни разу не упоминал в своих донесениях ни о нынешнем юбилее, ни о ватиканских новостях, которые я не в состоянии проверять, не имея никаких сношений с первосвященническим двором, и что, вследствие этого, я не считаю уместным брать на себя инициативу какого-либо предложения по этому поводу.

В последние дни здесь, как и везде, не говорят ни о чем другом, кроме происходящей будто бы концентрации русских войск в западных губерниях империи и о военных совещаниях, происходящих в Вене под председательством императора Франца Иосифа.

Общественное мнение, отнесшееся с достаточным скептицизмом к фальсифицированным документам, тайна которых была разоблачена «Кельнской газетой», сильно встревожилось вестью о возможности европейской войны, а также кампанией наветов и лживых обвинений, которую австро-германская пресса повела, комментируя статью в «Инвалиде».

Я с удовольствием отмечаю, что среди этой суматохи язык больших независимых римских газет теперь более умерен и более благоразумен, чем был в октябре. Хочу надеяться, что вся эта неуместная комедия, разыгрываемая австро-германской прессой, и эта деланная паника не замедлят отрезвить общественное мнение в отношении честолюбивых вождов, возбужденных шумными выступлениями г. Криспи.

Я уже замечаю первые признаки известной реакции в некоторых органах независимой печати. «Трибуна» и «Италия» посвятили две большие статьи сложной ситуации данного момента. Обе газеты доказывают, что мир находится под угрозой постоянно, со времени создания лиги, изобретенной для предотвращения войны.

«Трибуна» спрашивает, это ли блага, обещанные тройственным союзом, и действительно ли государственные деятели, заключившие его, убаюкивали себя надеждой водить за нос одновременно «Россию и Францию». Газета отказывается считать их ослепленными до такой степени и делает вывод, что державы, определяя условия своего союза, несомненно должны были предусмотреть возможность войны и обсуждать свои шансы, а это означает, что лига мира, при заключении своем, имела в виду войну. Эта враждебная кабинету газета заключает свой анализ заявлением, что каждый беспристрастный человек поймет серьезность обяза-

тельств, взятых на себя Италией, которой никто не угрожал,—защищать интересы Австро-Венгрии, не являющиеся интересами Италии.

Что касается «Италии», то она признает, что государство, не могущее¹ оградить свою безопасность средствами, применяемыми его соседями, вольно выбирать способы, более подходящие для него. «Ни в каком случае,—говорит эта газета,—русский способ действий не является более угрожающим, чем способ действий германский или австрийский, состоящий в том, чтобы подготовить все для вторжения на неприятельскую территорию на следующий день после объявления войны».

Примите и проч.

Искуль

II. ЛЕВ XIII АЛЕКСАНДРУ III

(Письмо)

MAJESTÉ,

Le gracieux télégramme, par lequel il a plu à Votre Majesté de Nous transmettre ses compliments et ses félicitations à l'occasion de Notre jubilé sacerdotal¹ Nous a été particulièrement agréable. Aussi, après avoir immédiatement fait parvenir, par la même voie, à Votre Majesté l'expression de Notre reconnaissance, désirons-Nous aujourd'hui la lui exprimer encore plus manifestement par la présente. De même que par l'acte susdit Votre Majesté a voulu Nous donner une preuve de ses sentiments d'amitié, que Nous accueillons toujours favorablement, ainsi Nous plaît-il de lui attester de nouveau la haute estime et les dispositions amicales, que depuis longtemps Nous professons Nous-même envers Votre auguste Personne, ainsi que Nous l'avons témoigné aux Grands Ducs Vladimir, Sergius et Paul, avec lesquels il Nous plaît à rappeler d'avoir eu des entretiens familiers en Notre résidence du Vatican.

Ce qui Nous invite à Nous ouvrir ainsi une nouvelle fois à Votre Majesté et à lui faire part du constant désir et projet que Nous nourrissons de favoriser partout *l'ordre et la paix, et de prêter tout Notre concours pour procurer le bonheur des peuples et des Gouvernements*, c'est de voir le principe d'autorité universellement combattu, et la société de plus en plus travaillée et minée par des doctrines séductrices et perverses. Que si les conditions religieuses où se trouvent, pour le présent, les sujets catholiques de Votre Majesté, Nous préoccupent beaucoup à cause des obstacles *qu'on oppose au libre exercice de leur religion*, les bienveillantes dispositions dont Votre Majesté veut bien Nous dire qu'elle est animée sur ce point, ouvrent Notre coeur à l'espérance de voir, selon Nos vœux, une amélioration s'accomplir dans ses vastes domaines, quant à la situation de l'Eglise catholique. Nous attendons ce jour, pour Notre part, avec anxiété, mais aussi avec la plus grande confiance en la magnanimité de Votre Majesté, dont la haute intelligence aura compris sans peine combien, de part et d'autre, il serait

¹ Телеграмма Александра III политически бессодержательна.

avantageux de rétablir les anciennes et amicales relations. qui existaient autrefois entre la Russie et le Saint Siège, et qui Nous unissent et lient à plusieurs autres Etats.

Sur ce, Nous prions Votre Majesté, d'agréer les vœux ardents que Nous faisons monter vers le Très-Haut, pour qu'il daigne conserver longuement et couvrir d'une spéciale protection Votre auguste Personne, ainsi que toute la Famille Impériale, et la fasse prospérer de plus en plus avec les peuples soumis à son sceptre puissant.

Du Vatican, le 28 janvier 1888.

Leo XIII

ПЕРЕВОД.

Ваше величество,

Милостивая телеграмма, которой в. в. соблаговолили передать нам свои приветствия и поздравления по случаю нашего священнического юбилея, доставила нам особенное удовольствие. Поэтому, выразивши тотчас же тем же способом в. в. нашу благодарность, мы желаем теперь высказать ее еще более полно настоящим письмом. Как в. в. угодно было упомянутым актом выказать дружественные чувства к нам, так и нам желательно еще раз засвидетельствовать глубокое уважение и дружественное отношение, которые с давних пор мы питаем к вашей августейшей особе, что и было нами выражено великим князьям Владимиру, Сергею и Павлу, с коими мы имели в нашей ватиканской резиденции дружеские беседы, оставившие у нас приятные воспоминания.

Побуждает нас еще раз обратиться к в. в. с изъявлением неизменного желания и предначертания нашего покровительствовать всюду порядку и миру и оказывать всякое содействие наше для обеспечения благоденствия народов и правительств то, что мы видим, как повсеместно ведется борьба против принципа власти и как общество все более и более проникается и подрывается соблазнительными и греховными учениями. И если религиозное состояние, в котором в настоящее время находятся католические подданные в. в., весьма озадачивает нас по причине препятствий, полагаемых свободному исповеданию их религии, то благожелательные виды, которыми в. в., по собственному заявлению нам, одушевлено в этом направлении, подают сердцу нашему надежду узреть, во исполнение наших заветных пожеланий, улучшение положения католической церкви в обширных владениях в. в. Мы надеемся, со своей стороны, на скорейшее осуществление этого, но в то же время с полнейшим доверием к великодушию в. в., чей высокий разум без труда поймет, насколько для обеих сторон было бы выгодно восстановить старинные дружественные отношения, некогда существовавшие между Россией и св. престолом и соединяющие и связующие нас ныне с некоторыми другими государствами.

В заключение мы просим в. в. принять горячие пожелания наши... (и т. д.).

Ватикан, 28 января 1888 г

Лев XIII

Le 9 Mars 1888.

*Projet de dépêche à Mr. Iswolsky*¹

(à Rome)

Sa Majesté l'Empereur ayant à répondre à une lettre du Pape Léon XIII a décidé que, vu l'absence d'un Représentant régulier auprès du Vatican, cette lettre serait acheminée à sa destination par un Messenger spécial, chargé de la remettre entre les mains de *Sa Sainteté*.

C'est sur Vous qu'est tombé le choix pour remplir cette mission.

Le Cardinal Secrétaire d'Etat en est prévenu. La lettre ci-jointe que je lui adresse Vous servira d'introduction auprès de Son Eminence qui est priée de Vous faciliter les moyens de Vous acquitter de Votre tâche.

Mais ainsi que Vous le savez, Votre mission ne se borne pas là.

La lettre du Pape à *l'Empereur* avait trait à des questions très délicates. Dans *Sa* réponse, notre *Auguste Maître* fait pressentir à *Sa Sainteté* que Vous êtes au courant de *Ses* vues sur ces questions et que Vous seriez à même d'écouter et de fournir, au besoin, les explications qui seraient jugées nécessaires. La lettre ci-jointe que m'adresse Mr. le Ministre de l'Intérieur est destinée à Vous servir d'instruction et de guide en vue des entretiens que Vous pourriez avoir avec le Pape et le Cardinal Secrétaire d'Etat.

C'est là la partie essentielle et difficile de la tâche qui Vous est confiée. Il importe que Vous en compreniez bien le but et la portée.

Pour le St. Siège Romain le but final de ces ouvertures est d'arriver au rétablissement des relations diplomatiques régulières que le Pape a extrêmement à coeur.

Pour nous, le but est de nous servir de ce moyen pour obtenir avant tout des garanties certaines et positives des intentions du St. Siège et de la conduite du clergé catholique Romain.

D'après cela il se peut que la Curie Romaine, avec la finesse qui la caractérise, affecte de Vous considérer comme un négociateur venu pour faire des propositions.

Vous éviterez ce piège en Vous bornant à des assurances générales sur les vues élevées de notre *Auguste Maître*, sur *Sa* sollicitude pour le bien être de tous *Ses* sujets à quelque confession qu'ils appartiennent, sur le désir particulier de *Sa Majesté* que, dans notre époque si troublée, l'Eglise et l'Etat se prêtent un mutuel concours pour la consolidation de l'ordre moral et social parmi les populations, et enfin sur l'espoir de *Sa Majesté* que les sentiments éclairés du Pape Le portent à s'associer à ces vues.

Il est probable que la Curie Romaine abordera alors le chapitre de ses prétendus griefs. Vous trouverez dans la lettre de Mr. le Comte Tolstoï les arguments nécessaires pour y répondre et pour exposer en même temps ce que nous attendons du St. Siège.

Vous le ferez avec calme et modération, plutôt comme simple conversation ou échange d'idées.

Vous éviterez toute allusion à la question du rétablissement des relations diplomatiques.

¹ Навѣрху слева рукой Александра III: «Читал».

Si cette question est abordée par Vos interlocuteurs, Vous ferez entendre que Vous n'êtes pas chargé de traiter ce sujet, mais que Vous n'ignorez pas que le Cabinet *Impérial* n'y aurait aucune objection s'il obtenait, par des garanties certaines, la conviction que le rétablissement des relations régulières servirait utilement la cause de l'ordre, de la paix et de la concorde qui sont dans les vues de notre *Auguste Maître*.

Finalement Vous vous bornerez à déclarer que Vous rendrez compte de ces entretiens au Cabinet *Impérial* en évitant avec soin tout ce qui pourrait engager ou préjuger ses déterminations.

La tâche qui Vous est dévolue peut aboutir à des résultats importants. Elle exigera de Votre part beaucoup de prudence et de savoir faire, car Vous aurez devant Vous des négociateurs très habiles et plus adroits que sincères.

Votre tact Vous aidera, je l'espère, à Vous acquitter de cette mission délicate.

Recevez etc...

Копия

ПЕРЕВОД.

9 марта 1888 г.

Проект депеши г. Извольскому

(в Рим)

Его и. в., имея в виду ответить на письмо папы Льва XIII, решил, вследствие отсутствия официального представителя при Ватикане, направить ответное письмо по назначению через посредство особого посланца, обязанного вручить его в руки его святейшества.

Исполнителем этого поручения избраны вы.

Кардинал статс-секретарь предуведомлен об этом. Прилагаемое при сем письмо мое к нему послужит вам рекомендацией к его высокопреосвященству, к которому я обращаюсь с просьбой облегчить вам выполнение вашей задачи.

Но, как вы знаете, миссия ваша этим не ограничивается.

Письмо папы к императору касалось очень щекотливых вопросов. В своем ответе наш августейший государь дает понять его святейшеству, что вы осведомлены о его взглядах по этим вопросам и что вы можете выслушать и, в случае необходимости, дать объяснения, которые найдете нужными. Прилагаемое письмо, адресованное мне министром внутр. дел, предназначено служить вам инструкцией и руководством при разговорах, которые у вас могут быть с папой и с кардиналом статс-секретарем.

В этом существе и трудность доверенной вам задачи. Вам надлежит хорошо понять ее цель и значение.

Для св. престола конечной целью начинающихся переговоров представляется достижение восстановления правильных дипломатических сношений, которые папа ценит чрезвычайно высоко.

Для нас целью является воспользоваться этим средством, чтобы получить прежде всего все надежные и положительные гарантии в отношении намерений св. престола и поведения римско-католического духовенства.

В соответствии с этим возможно, что римская курия, со свойственной ей ловкостью, попытается поставить дело так, как будто вы прибыли с целью сделать ей известные предложения.

Вы избежите этой ловушки, ограничиваясь общими заверениями о возвышенных взглядах нашего *августейшего государя*, пекущегося о благе всех своих подданных, к какому бы исповеданию они ни принадлежали, об особенном желании е. в., чтобы в нашу, столь тревожную, эпоху церковь и государство оказывали друг другу помощь в утверждении нравственного и социального порядка среди народов и, наконец, о надежде е. в., что просвещенные чувства папы поведут последнего к принятию этих взглядов.

Возможно, что римская курия вслед за этим перейдет к изложению своих мнимых обид. В письме гр. Толстого вы найдете нужные аргументы в ответ на это и для изъяснения, вместе с тем, чего мы ждем от св. престола.

Вы сделаете это со спокойствием и сдержанностью, в духе простой беседы или обмена мнений.

Вы будете избегать каких бы то ни было намеков на восстановление дипломатических сношений.

Если этот вопрос будет затронут вашими собеседниками, вы дадите покать, что не имеете поручения обсуждать его, но что вам не безызвестно, что императорский кабинет не имел бы против этого никаких возражений, если бы он получил, при помощи определенных гарантий, уверенность в том, что восстановление правильных сношений оказало бы пользу делу порядка, мира и согласия, о которых печется наш августейший государь.

В заключение вы ограничитесь заявлением, что вы дадите отчет об этих беседах императорскому кабинету, тщательно избегая всего, что могло бы связать или предвосхитить его решения.

Дело, которое на вас возложено, может привести к важным результатам. Оно потребует от вас большой осторожности и деловитости, так как перед вами будут дипломаты чрезвычайно искусные и более ловкие, чем искренние.

Ваш такт поможет вам, я надеюсь, справиться с этим трудным поручением.

Примите и проч.

IV. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

№ 1.

Получено 3 апреля 1888 г.

Рим. 19/31 марта 1888 г.

Пометка Александра III:

«Дайте прочесть гр. Толстому»¹.

М. г., Николай Карлович,

Тотчас по прибытии в Рим я уведомил статс-секретаря кардинала Рамполла о моем приезде и в тот же день вечером лично заявил ему о возложенном на меня поручении и передал ему рекомендательное письмо в. в-пр-ства.

¹ Мин. вн. дел.

Кардинал принял меня самым любезным образом и сказал мне, что папа, предупрежденный венским нунцием, ожидал меня с нетерпением. Тем не менее, так как мой приезд совпадал с последними днями католической страстной недели, в течение которых в Ватикане обыкновенно прекращаются всякие приемы, он полагал, что аудиенция будет назначена мне лишь после пасхи, т. е. дней через пять или шесть. Несмотря на это, через день я получил уведомление, что его святейшество примет меня в пятницу утром. Поспешность эта и отступление от принятого обычая были, конечно, здесь замечены и истолкованы, как доказательство радости, вызванной в Ватикане прибытием посланца русского императора.

Лев XIII принял меня с изъявлением живейшего удовольствия и, несмотря на видимую слабость и утомление от длинных церемоний страстной недели, удержал меня у себя более часа. Приняв из моих рук письмо государя императора, его святейшество обратился ко мне с речью, продолжавшеюся, за весьма немногими перерывами, все время аудиенции. Как в. в-пр-ству известно из личного опыта, папа говорит очень медленно, с длинными отступлениями и историческими ссылками. Начав с личных воспоминаний о сношениях курии с императорским правительством со времени царствования императора Александра I, он выразил мне живейшую радость, доставленную ему нынешним обменом писем с е. в., и тотчас же заговорил о надежде, что ничто не помешает впредь установлению правильных, т. е. дипломатических отношений между ним и русским двором. За этим последовало изложение целей и задач, преследуемых римским престолом, не только как высшего духовного учреждения римско-католической церкви, но и как могучего двигателя современной политической и общественной жизни¹. Перечислив все акты со времени принятия им первосвященнического сана, направленные к поддержанию начал порядка и мира и к обузданию разрушительных стремлений, он пришел к тому выводу, что и в пределах русской империи союз правительства с римским престолом может лишь облегчить первому достижение высших государственных целей. Прервав свою речь, чтобы распечатать полученный от меня пакет, папа вслух прочел письмо государя императора, сопровождая чтение восклицаниями и оттеняя выражения, особенно ему приятные.

Не буду утомлять в. в-пр-ство подробным воспроизведением речи Льва XIII, вероятно, мало огличавшейся от того, что говорилось им прежде при подобных случаях, и ограничусь лишь указанием на некоторые особенно выдающиеся ее черты.

Начав с выражения надежды, что дружеские объяснения между курией и нашим правительством приведут к установлению официального представительства, папа постоянно возвращался к этой мысли, доказывая необходимость подобного представительства различными примерами и подробными указаниями на случай, когда благодаря присутствию дипломатического агента удавалось разъяснить и устраивать самые щекотливые вопросы. При этом папа настойчиво запрашивал меня, намерено ли наше правительство аккредитовать при нем официального представителя и уполномочен ли я вести об этом предмете переговоры. На каждое настояние

¹ Так в подлиннике.

в этом смысле я отвечал, строго сообразуясь с полученными мною инструкциями, что я не имею подобного полномочия, что мне известно, что императорское правительство в принципе не имело бы никаких возражений против осуществления желания папы, но что прежде необходимо, чтобы существовала уверенность, что вполне правильные и дружеские отношения между нами и курией возможны на деле; к этому я прибавлял, что я был бы весьма счастлив, если бы объяснения, в которые мне дозволено вступить с кардиналом статс-секретарем, могли способствовать тому, чтобы у нас явилась эта уверенность.

Остановившись на том месте письма государя императора, где говорится о прискорбном увлечении римско-католического духовенства политическими стремлениями, папа с жаром заявил, что его неизменное правило—внушать как иерархии, так и пастве *повиновение законной власти* и что он готов доказать на деле, что влияние его на епископов *всегда сообразно с интересами русской государственной власти*. На это я позволил себе в самых почтительных выражениях указать на то, что восстановление в 1883 г. католической иерархии в России имело до сих пор ближайшим последствием усугубление противоправительственной деятельности духовенства. Поэтому, прибавил я, мне доставит особенное удовольствие передать о возвышенных намерениях его святейшества императорскому правительству, которое, без сомнения, высоко оценит все, что будет сделано для осуществления оных.

Из остальных мест речи Льва XIII отмечу еще лишь следующие: возражая против обвинения в *поддержании польских происков*, папа вдался в подробный рассказ о принятии им в 1884 г. униатской депутации, причем он доказывал, что факт этот был раздут польскими газетами и что его образ действия с этим деле был вполне безупречен. Хотя доказательства эти были не очень убедительны и не совсем соответствовали фактам, известным мне из переписки по этому вопросу, я счел, что возражать было бы бесполезно и несообразно с уважением к сану говорившего, и потому ничего не ответил.

В другом месте, очертив в обычных выражениях бедствия, причиненные папскому престолу захватом Рима, Лев XIII с гордостью указал на то, что тем не менее мировое значение папы не только не падает, но постоянно возрастает. «Вы увидите, сказал он, выставку богатств, присланных сюда со всех концов света, от государей, как от последнего земледельца, и Вы убедитесь, что престол мой имеет громадную нравственную силу. Почему бы государству, как Россия, *стремящемуся к поддержанию охранительных начал и желающему прочного и справедливого мира в Европе, не иметь этой силы своею союзницею?*»

Замечу еще, что во все время разговора папа видимо старался избегать резких ультрамонтанских суждений и всякий раз, когда ему приходилось касаться вопросов, по которым существует основное противоречие между римскою церковью и государственною властью, прибегал к самым туманным и неопределенным фразам.

Исключая вышеуказанных мною возражений, показавшихся мне необходимыми, я старался все время облекать мои ответы в самые общие выражения и не выходить из рамок, указанных мне как самим содержанием письма е. в., так и данною мне в. в.-пр-ством инструкцию. После аудиенции я посетил еще раз кардинала статс-секретаря и помощника

его, монсиньора Моченни, с которым я условился насчет наших будущих сношений и свиданий.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

У. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Рим, 28 марта 9 апреля 1888 г.

Получено 3 апреля 1888 г.

№ 2.

Пометка Александра III:

«Тоже»¹.

М. г., Николай Карлович,

До сих пор между кардиналом Рамполла и мною происходил лишь обмен вежливостей и общих мыслей и не был еще затронут ни один из частных вопросов, предусмотренных моими инструкциями. При этом я приложил особенное старание, чтобы как можно яснее определить свойство и пределы возложенного на меня поручения. Это было тем более необходимо, что кардинал при каждом свидании старался, по примеру папы, свести разговор на вопрос об официальном представительстве. Рассыпаясь в уверениях о вполне благоприятных для нас намерениях Ватикана, он несколько раз и очень определенно выражал мысль, высказанную мне в более общих чертах Львом XIII, что, вступив в добрые с нами отношения, римская курия явится нашим союзником для достижения наших международных целей в Европе и, в особенности, на Балканском полуострове². Кардинал нашел даже нужным войти в различные подробности касательно событий в Болгарии и заявить мне о ложности приписываемого Ватикану расположения и принцу Кобургскому. Ко всем этим изъяснениям, очевидно рассчитанным на то, чтобы произвести на меня известного рода впечатление, я отнесся крайне сдержанно и без всякого проявления особенного интереса.

Чтобы дать в. в. пр-ству возможно полное понятие об условиях, при которых мне предстоит приступить к выполнению моей задачи, считаю долгом отметить еще два обстоятельства, заслуживающие внимания.

При первых же моих шагах в Риме я убедился, что французский посол при Ватикане стремится быть как можно более причастным к нашим сношениям с курией. Граф Лефевр приписывает себе и своему правительству почин настоящего дела. От него я слышал приблизительно то же, что и от кардинала Рамполла, с весьма конфиденциальным указанием на то, что австрийское правительство будто бы действует на папу в смысле противном всякому с нами соглашению. Не отталкивая предупредительности и любезности французского посольства излишнею холодностью, я, однако, стараюсь не подавать повода думать, что особенно близок к графу Лефевру, и что он принимает какое-либо участие в наших переговорах с Ватиканом.

¹ Т. е. очевидно, — дать прочесть м-ру вн. дел.

² На полях рукою Александра III: «Я желал бы знать какими путями?»

Второе обстоятельство более серьезного свойства: известие о моей аудиенции у папы и о возможности согласия между Россией и курией сильно взволновало польские сферы Ватикана и римского общества. К ним присоединилась антиклерикальная итальянская печать, заговорившая в самом враждебном тоне о целях, будто бы преследуемых в настоящем случае нашим правительством. Почти все газеты поместили заведомо ложное известие, очевидно, идущее из польского источника, что мне поручено заключить с курией «конкордат», основанием которого явится замена польского языка русским в католических церквях всей русской Польши. Вместе с тем, здесь возвещают скорое прибытие в числе других паломничеств, которыми должны заключиться торжества папского юбилея, депутатов от австрийских и германских поляков с адресами и протестами против предполагаемого соглашения. Официозные органы Ватикана ответили в весьма сдержанных выражениях на вышесказанные нападки, указав на неверность сообщенных сведений, но не входя покуда в подробности о действительных желаниях нашего правительства. Я не имел еще ни времени, ни возможности вполне выяснить размеры и значение этой агитации, но ясно, что мы опять имеем дело с энергической польской интригой, возникающей здесь каждый раз, когда идет речь об улучшении наших отношений к Ватикану. Кардинал Рамполла не скрыл от меня, что эти происки действительно существуют в сильной степени. Я счел неуместным выказывать ему по этому поводу излишние опасения: в Ватикане, конечно, понимают, что римской курии предстоит на первых же порах дать нам доказательство своих благих намерений, заняв по отношению к польской агитации безупречное положение, и что я буду внимательно следить за всеми ее действиями в этом смысле.

С глубоким почтением и т. д.

А. Извольский

VI. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Рим, 11/23 апреля 1888 г.

Получено 17 апреля 1888 г.

№ 3

Пометка Александра III:

«Передать графу Толстому»

М. г., Николай Карлович,

Со времени моих первых донесений у меня было несколько разговоров с кардиналом Рамполла.

Вначале статс-секретарь избегал приступать к каким бы то ни было частным вопросам, говорил лишь о желании курии быть с нами в дружеских отношениях и постоянно возвращался к необходимости учреждения официального представительства. Вместе с тем, он как будто ожидал от меня каких-нибудь требований или предложений.

Строго сообразуясь со смыслом моих инструкций, я, с своей стороны, держался выжидательного положения.

Несколько дней тому назад, встретив меня за обедом у французского

посла, кардинал попросил меня быть у него на следующий день вечером. Этот раз он прямо приступил к делу, обратившись ко мне с вопросом, признает ли императорское правительство силу и обязательность состоявшегося в 1883 г. соглашения, подписанного кардиналом Якобини и г. Бутеневым.

Я отвечал, что мне не поручено делать каких-либо заявлений об обязательствах русского правительства и лишь дозволено выслушивать желания курии по различным текущим вопросам и облегчать их разъяснения. Тем не менее, прибавил я, мне в достаточной степени известен взгляд правительства на этот предмет. Отдельные пункты, по которым последовало в 1883 г. соглашение, касались разрешения некоторых, стоявших тогда на очереди, вопросов. По одним из них, как например замещение вакантных кафедр и снабжение некоторых епископов духовными властями (sic) на управление соседними епархиями, тогда же последовало исполнение. По другим императорское правительство не преминуло, сообразно сделанным им заявлениям, приступить с должною постепенностью и в указанных наперед пределах к выполнению предначертанных мероприятий. При этом я заявил о готовности доставить кардиналу, если бы он того пожелал, по этим вопросам более подробные сведения, которые без сомнения, убедят его в справедливости моих слов.

Кардинал Рамполла принял мое заявление с выражением живейшего удовольствия и тотчас же принялся за перечисление пунктов, по которым он желал бы вступить с нами в обмен мыслей.

Я заявил о готовности выслушать его, предварив его однако, что я принимаю вообще его желания лишь «ad referendum».

Вот перечень вопросов, затронутых кардиналом в последовавшем затем разговоре:

- 1) Замещение вакантных епископских кафедр в Плоцке и Люблине.
- 2) Положение Виленской епархии и необходимость окончательно решить участь епископа Гриневецкого.
- 3) Желание курии, чтобы был назначен суффраган в Могилевскую епархию, а также и в Виленскую, как только вопрос об епископе Гриневецком будет окончательно решен¹.
- 4) Положение вопроса об исключительных постановлениях, касающихся римско-католического духовенства. Курия желала бы узнать все, что сделано императорским правительством во исполнение соглашения 1883 г., относящегося до этого предмета.

5) Вопрос об Артвинской епархии и присоединении Карсской и Батумской областей к Тираспольской римско-католической епархии.

Для большего удобства и ясности я позволю себе представить в. в-пр-ству с следующим срочным отправлением особое донесение по каждому из вышесказанных вопросов. В приводимом мною разговоре кардинал Рамполла только беглым образом наметил их, не вступая покуда в подробности о точке зрения и желаниях курии; на этой неделе мы должны заняться точным их выяснением. Отмечу здесь лишь общее впечатление, произведенное на меня этим первым приступом к практическому обсуждению существующих между нами и Римом дел. Из самого перечня пунктов, затронутых кардиналом, явствует, что в Ватикане решили изменить так

¹ Этот пункт отчеркнут на полях.

тику, выразившуюся предъявлением в прошлом году нашему поверенному в делах в Вене нунцием Галимберти длинного обвинительного акта против действия нашего правительства по самым разнообразным предметам. Ныне, как кажется, здесь ищут хотя бы небольшого числа таких вопросов, по которым не невозможно, конечно, после неизбежных пререканий, достигнуть соглашения, и избегают затрагивать, до поры до времени, вопросы наиболее щекотливые. Это наводит на мысль, что для курии в настоящую минуту важно не столько разрешить существующие между нами серьезные затруднения, сколько выступить перед итальянским правительством и перед Европою с новым хотя бы и кажущимся, дипломатическим успехом. Осмеливаюсь выразить скромное мнение, что подобная постановка дела может оказаться для нас до известной степени выгодною. Действительно, для вполне правильного и удовлетворительного даже с нашей точки зрения, разрешения некоторых из вопросов, которые ныне затронуты, мы в некоторой мере нуждаемся в курии. В стороне же покуда оставляются такие вопросы, где особенно страдают интересы Рима. Конечно, это первое впечатление необходимо тщательно проверить и обсудить, но так как по смыслу моих инструкций я должен лишь ожидать заявлений курии и отнюдь не брать на себя почина, я старательно избегаю всего, что могло бы расширить круг затронутых вопросов и, без особого на предписание, не буду касаться никаких других предметов, кроме тех, о которых со мною заговаривает кардинал.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

ВН. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Получено 17 апреля 1888 г.

Рим, 11/23 апреля 1888 г.

№ 4.

Доверительно

Пометка Александра III:

«Весьма характеристичны эти польские приски и как осторожно ведет себя папа в настоящую минуту, чтобы не испортить наши отношения с курией».

М. г., Николай Карлович,

В донесении моем от 28 марта '9 апреля сего года, за № 2, я, между прочим, упомянул о существующих здесь в сильной степени польских происках, имеющих целью во чтобы то ни стало помешать всякому согласию между императорским правительством и римскою курией.

Считаю долгом сообщить в. в-пр-ству более полные сведения по этому предмету.

Как только стало известно, что между государем императором и папою последовал обмен вежливостей по случаю юбилея его святейшества, были приняты все меры, чтобы возбудить среди поляков, особенно австрийских, движение с целью подействовать на Ватикан и помешать вся-

кому дальнейшему его сближению с Россией. Тогда же был пущен слух, обошедший с тех пор все газеты, что императорское правительство будто бы решило введение русского языка в церкви Царства Польского. Март и апрель месяцы настоящего года были назначены Ватиканом для приема многочисленных паломничеств, в том числе и галицийского, во главе которого стали многие представители австрийско-польской аристократии с намерением воспользоваться этим случаем, чтобы успешнее действовать в вышесказанном смысле. Когда я приехал в Рим, здесь проживала уже с некоторого времени целая их группа с князем Адамом Сапегою во главе. Имея большие связи в здешнем высшем клерикальном мире, эти лица, еще до прибытия галицийского паломничества, всеми путями добивались коллективной аудиенции. В Ватикане, однако, действовали с крайней осторожностью. Аудиенции назначались лишь отдельным лицам и под условием, что не будет представлено никаких протестов, касающихся отношений папы с Россией. Адрес, врученный галицийскими поляками князю Сапеге, напечатанный впоследствии в одной краковской газете и препровожденный при сем в переводе, принят не был. К 11 апреля в Рим прибыло многочисленное австрийское паломничество, из которого были выделены в особые группы депутации хорватская с епископом Штросмайером и галицийская, обнимавшая национальности польскую, русскую и армянскую. Во главе галицийской группы находились рядом с упомянутыми представителями польской аристократии архиепископы трех обрядов — латинского, греко-русинского и армянского и епископы краковский, тарновский и пржемысльский. Кроме того в числе паломников находился и проживающий в Австрии бывший архиепископ варшавский Фелинский. Депутации были приняты отдельно, причем галицийской аудиенции предшествовали секретные переговоры с польскими вожаками. Курия потребовала, чтобы ей был предварительно сообщен проект латинского адреса паломничества, и вычеркнула из него все сомнительные выражения. В ответной речи папы, произнесенной также на латинском языке, выделяются лишь два места: уверение в неизменной благосклонности св. отца к польской нации, которая потому должна с полным доверием относиться ко всему, что он предпринимает на пользу церкви, и обращенное к русинам и армянам указание на отеческую заботливость главы католической церкви о всех сынах, какому бы национальному обряду они ни следовали.

Осторожный и сдержанный образ действия Льва XIII возбуждает крайнее неудовольствие поляков, организовавших здесь нечто вроде постоянной агентуры с целью следить за сношениями курии с русским правительством. Агентура эта располагает, с одной стороны, крупными влияниями в Ватикане, а с другой, имеет как будто бы связи с итальянским правительством и, несомненно, с антиклерикальной прессою. Все без исключения здешние либеральные газеты как правительственные, так и оппозиционные, воспроизвели заведомо ложный слух об изгнании польского языка из церквей Русской Польши и ежедневно помещают яростные нападки на Льва XIII, который обвиняется в стремлении из честолюбивых целей сближаться с иностранными правительствами в ущерб религиозным интересам народов.

Кардинал Рамполла несколько раз заговаривал со мною о польских происках, указывая на безупречный образ действия римской курии и на вполне удовлетворительное положение, занятое официозною ватиканскою

печатью. По поводу распространяемых здесь ложных слухов о требованиях русского правительства он заявил мне, что, если мы этого желаем, он готов напечатать подробное их опровержение и что это не было сделано до сих пор единственно из нежелания разглашать наших сношений с курией. Имея в виду, что нападки итальянских газет направлены еще более против папы, чем против нас, и не ожидая от газетной полемики никакой серьезной пользы, я принял это предложение лишь к сведению на случай, если бы в. в-пр-ство нашли удобным, чтобы я им воспользовался. Вообще в моих разговорах с статс-секретарем я стараюсь как можно хладнокровнее относиться к описанным мною интригам, пронкам и газетным слухам. Тактика кардинала естественно состоит в том, чтобы преувеличивать заслуги курии перед нами в подобных вопросах, в сущности, не представляющих практического значения, и требовать за это от нас большого снисхождения. Тем не менее я обещал ему довести до сведения императорского правительства все вышеизложенные факты, сообщенные им с полною откровенностью и действительно подтвердившиеся при проверке их различными средствами, имеющимися в моем распоряжении.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

УПІ. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Рим 25 апреля/7 мая 1888 г.

Получено 1 мая 1888 г.

№ 9.

М. г., Николай Карлович,

При последнем нашем свидании кардинал Рамполла, повторяя свои уверения в дружеских намерениях и чувствах курии, по собственному почину и безо всякого к тому повода с моей стороны затронул вопрос о несостоявшейся в 1884 г. посылке инструкций римско-католическим епископам в российских пределах. «Его святейшество, сказал он, искренно желает, чтобы иерархия действовала сообразно с видами государства и не увлекалась никакими политическими тенденциями и, если императорское правительство выразит желание, чтобы епископам были преподаны в этом смысле наставления, св. отец с радостью это исполнит».

Я ограничился тем, что выразил кардиналу удовольствие, с которым я передам императорскому правительству это предложение, но воздержался покуда от дальнейших объяснений по этому предмету, дабы не возбудить в нем предположения, что мы придаем особое значение этому делу. Посылка энциклики и инструкций составляла предмет последних переговоров г. Бутенева с курией в 1884 г. и можно предположить, что возбуждая снова этот проект, здесь думают о находившемся с ним в то время в непосредственной связи вопросе об учреждении нашего официального представительства при Ватикане.

Как только я получу указание от в. в-пр-ства, в какой мере и на каких условиях императорское правительство желало бы осуществления предлагаемой меры, приложу все старания, чтобы выяснить истинные наме-

рения курии и удостовериться, возникнут ли снова затруднения, вследствие которых мысль эта была оставлена в 1884 г.

Позволю себе сделать по поводу настоящего вопроса общее замечание, что Лев XIII особенно склонен к посланиям и энцикликам и что курия всегда стремится извлечь из подобного рода дел известную для себя выгоду. Примером служит, между прочим, только что состоявшееся послание к ирландским епископам. Каждый подобный акт получает немедленно самую широкую огласку и обращается в средство для увеличения политического значения и блеска римского престола.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

ИХ. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ,

(Депеша)

Получено 1 мая 1888 г.

Рим, 25 апреля/7 мая 1888 г.

№ 10.

М. г., Николай Карлович,

Донесения мои за № 5, 6, 7, 8 и 9 исчерпывают весь ряд вопросов, возбужденных кардиналом Рамполла, и, как мною было уже замечено, есть основания предполагать, что план курии состоит в том, чтобы постараться прийти к соглашению по этим немногим предметам, оставляя пока в стороне другие, еще более затруднительные.

Следующее обстоятельство убеждает меня в справедливости моего заключения:

В. в-пр-ству известно, что ложные известия, распространенные печатью о наших переговорах с курией, приписывали императорскому правительству намерение сделать из употребления русского языка в богослужении общую меру для всех римско-католических церквей в России. Объясняясь со мною об этих слухах, кардинал должен был затронуть вопрос о дополнительных молитвах на русском языке, введенных в некоторых приходах Минской губ. Но, сделав это, так сказать, мимоходом, он поспешил заявить, что вопрос этот, хотя бы в такой ограниченной форме, по мнению курии, не может быть с пользою возбужден в настоящее время. Перечисляя вскоре после этого предметы, по которым папа желал бы вступить в объяснения с императорским правительством, он воздержался от всякого упоминания о Минской губ. и печальном положении большинства приходов, в которых вышесказанная мера сделана обязательно.

Так как мне не поручено брать на себя почина, а лишь дозволено выслушивать заявления курии, я ограничился по этому вопросу общими замечаниями, причем я, однако, не преминул вкратце разъяснить кардиналу взгляд нашего правительства на это дело и указать на вероятные последствия нынешнего положения дела. С тех пор статс-секретарь не возвращался к этому вопросу, который таким образом остался не включенным в число тех, по которым курия просит в настоящее время объяснений.

Предполагая, тем не менее, что вопрос об употреблении русского языка в дополнительном богослужении, в той или другой форме, будет

рано или поздно возбужден, я намерен воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы подробным образом исследовать, как он представляется римской курии и какие существуют способы для его успешного разрешения. Подобное исследование представляет тем больший интерес, что, с точки зрения Рима, это дело находится в близкой связи с общим планом церковной политики, измышленным в последние годы Львом XIII и который во многом уклоняется от прежних традиций.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

Х. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

Reçue le 1 Avril 1888.

Rome, le 25 Avril/7 Mai 1888.

1 *annexe*¹.

Monsieur le Ministre,

Mes dépêches de ce jour donnent, dans leur ensemble, une idée aussi précise que possible de la position que j'occupe en ce moment vis-à-vis du Saint-Siège. J'ose espérer que ma manière d'agir obtiendra l'approbation de Votre Excellence et que l'extrême lenteur et la prudence peut-être exagérée avec lesquelles je crois devoir procéder ne mériteront aucun reproche. Au début de mes relations avec le Cardinal Secrétaire d'Etat, j'avais surtout à craindre d'être entraîné sur un terrain interdit par mes instructions, — celui de l'établissement d'une représentation officielle. Mon extrême réserve ayant coupé court à toute tentative dans ce sens, je crois pouvoir, jusqu'à un certain point, discerner le plan auquel s'est actuellement arrêté le Saint-Siège. Mon arrivée à Rome a coïncidé avec une phase très curieuse de la politique pontificale. Après les symptômes significatifs d'un désir de conciliation avec le Royaume Italien qui se sont fait jour à pareille époque l'année dernière, pendant les derniers mois du Ministère de feu Mr. Depretis, on assiste actuellement à une recrudescence des doléances et des revendications temporelles du Saint Père. Chaque fois que le Pape porte la parole aux pèlerins étrangers ou italiens, — et les occasions de ce genre se succèdent en grand nombre, — il ne manque pas d'introduire dans son allocution des récriminations acerbes contre l'Italie. Les fêtes du jubilé et l'exposition du Vatican qui ont réussi au delà de toute attente et qui offrent réellement un spectacle imposant, ont eu sans doute leur part d'influence sur l'attitude du Pape et l'ont rendu plus intransigeant vis-à-vis du Pouvoir Royal. Dans ce jeu de bascule dont les causes sont, d'ailleurs, très compliquées et le plus souvent obscures, une recrudescence de ce genre a toujours pour corollaire des tentatives de rapprochement et de négociations avec les Gouvernements étrangers, destinées à rehausser le prestige international du S-t Siège et à le rendre plus fort aux yeux des Hommes d'Etat Italiens. Deçu dans l'espoir, éveillé en lui par l'annonce d'une lettre de Sa Majesté l'Empereur, d'obtenir un succès diplomatique immédiat du côté de la Russie, la Curie voudrait, il

¹ Приложением служит «Cirulaire de la Congrégation de la Sainte Inquisition aux Evêques Irlandais, en date du 20 avril 1888», заключающая осуждение применения выработанного «лигой» плана борьбы (особенно бойкота) фермеров против лэндлордов.

me semble, trouver néanmoins un terrain quelconque pour donner à l'Europe le spectacle d'une entente avec le Gouvernement Impérial. On me répète à tout instant et on me fait dire par de tierces personnes qu'on désire ardemment que nos pourparlers aboutissent et qu'on est animé des intentions les plus conciliantes. En même temps on n'aborde qu'un nombre très restreint de questions, en choisissant les plus faciles et en évitant avec soin les sujets plus ardu et plus irritants. Je me suis permis, dans un de mes rapports d'émettre l'hypothèse que la manière d'agir du S-t Siège pourrait éventuellement tourner à notre profit, car nous aurions un réel intérêt à régler d'accord avec Rome quelques-uns des points touchés par le Cardinal. Tout en n'ayant pour le moment aucune donnée me permettant de prédire jusqu'où iront les concessions du Vatican relativement à ces points, il me semble, néanmoins, que les termes actuels ne constituent, pour ainsi dire, qu'une entrée en matière et seraient susceptibles de modifications tant dans la forme que dans le fond. De toute façon, en répondant au Cardinal, je me suis surtout attaché à ne rien préjuger, à n'éveiller aucune espérance et à nous réserver toute la liberté d'action voulue. Le Gouvernement Impérial jugera s'il est opportun de me munir d'instructions me permettant de poursuivre les pourparlers sur ce terrain, ou bien s'il est désirable d'introduire d'autres sujets dans la discussion¹.

Ce qui vient de se passer ici par rapport aux affaires Irlandaises, ne manque pas d'intérêt par analogie. Le Pape avait longtemps hésité à se prononcer contre la «National League», et la mission de Mgr Persico, chargé d'étudier la question sur les lieux semblait devoir rester stérile. Le bref de la Congrégation du S-t Office (ci-joint en coupure), condamnant le «boycottage» et le «plan de campagne», n'en a eu que plus de retentissement. Vu les côtés délicats de la question et la peur que l'on a au Vatican de s'aliéner le clergé Irlandais, on dit et on imprime que le bref en question est une manifestation spontanée provoquée par le rapport de Mgr Persico. On a soin aussi d'en atténuer la portée en expliquant que la condamnation ne porte pas sur le but politique de la ligue Irlandaise, mais seulement sur les modes de procédés spécifiés dans le bref et contraires à la morale et à la charité chrétienne. Mais malgré les dénégations du Vatican et des Ministres Anglais, il paraît que l'acte actuel est bien réellement dû aux voyages du Duc de Norfolk, venu à deux reprises à Rome, une fois avec le cadeau de la Reine à l'occasion du jubilé, et bientôt après en simple voyageur, sous prétexte de voir son parent malade, le Cardinal Howard. Tout en me répétant la version officielle de la spontanéité du récent bref, le Cardinal Rampolla m'a avoué que le Duc de Norfolk a traité avec lui, confidentiellement et à titre d'ami personnel de Lord Salisbury, plusieurs questions importantes. J'ai aussi recueilli la confidence, évidemment calculée, que le S-t Siège projette d'autres mesures encore qui faciliteront l'action du Gouvernement Anglais en Irlande, comme, par exemple, un grand Synode National qui sera convoqué sur l'initiative de la Curie à Dublin ou à Armagh, siège du Primat. On parle aussi de mutations prochaines dans le personnel de l'Episcopat Irlandais.

L'extrême lenteur à laquelle je suis astreint me permet de m'appliquer à m'orienter sur le terrain excessivement difficile du Vatican. Mais ici encore, je suis tenu à une grande circonspection. A ce sujet je crois devoir revenir

¹ Последние две строки отчеркнуты на полях.

encore une fois sur mes rapports avec l'Ambassade de France. Le C-te Lefèvre de Béhaine qui recherche les occasions de me voir et de me parler, m'a fait récemment l'offre explicite de me servir d'intermédiaire auprès du S-t Siège chaque fois et dans toutes les questions où l'on se trouverait de part et d'autre dans une situation embarrassante. Sans me dire qu'il en était officiellement chargé, il m'a laissé entendre d'une manière non équivoque que ce n'est pas sans l'assentiment de son Gouvernement qu'il me faisait ces ouvertures. Je sais avec certitude qu'il a tenu le même langage et fait les mêmes offres au Cardinal Secrétaire d'Etat. Ne m'ayant pas vu pendant quelque temps, il m'a fait répéter ses propositions, il y a deux jours, par son Conseiller, Mr. de Monbel, qui est très versé dans les affaires et qui se donne aussi beaucoup de peine pour m'être agréable. J'ai répondu en remerciant chaleureusement l'Ambassadeur, mais en affectant de ne voir dans sa démarche qu'un acte de bienveillance personnelle à mon égard. Je serai très reconnaissant à Votre Excellence de vouloir bien me tracer la ligne de conduite que j'ai à suivre dans cette circonstance délicate et de m'indiquer dans quelle mesure je puis profiter des offres du C-te Lefèvre de Béhaine. Je dois ajouter que le moment peut venir où un intermédiaire bien intentionné entre le Cardinal Rampolla et moi serait très précieux et qu'autant que je puis juger jusqu'à présent, l'aide de l'Ambassade de France est la seule sur laquelle il me soit possible de compter ici¹.

J'ai l'honneur... etc.

A. Iswolsky

ПЕРЕВОД

Получено 8 мая 1888 г.

Рим, 25 апреля/7 мая 1888 г.

Г. министр,

Мои сегодняшние депеши, взятые вместе, дают насколько возможно точное представление о положении, которое я занимаю в данный момент в отношении св. престола. Смеею надеяться, что мой образ действий получит одобрение в. в-пр-ства, и что чрезвычайная медлительность и преувеличенная, быть может, осторожность, с которыми я считаю долгом действовать, не заслужат осуждения. В начале моих сношений с кардиналом статс-секретарем мне приходилось особливо опасаться вовлечения меня в область, запрещенную данной мне инструкцией — относящуюся к вопросу об учреждении официального представительства. После того, как крайняя моя осторожность положила конец всяким попыткам в этом направлении, я могу, мне кажется, до известной степени определить план, которого придерживается теперь св. престол.

Приезд мой в Рим совпал с весьма интересной фазой папской политики. Вслед за характерными признаками стремления к примирению с итальянской королевской властью, обнаружившимися весной прошлого года, в последние месяцы министерства покойного г. Депретиса, — ныне наблюдается новое усиление протестов и светских притязаний св. отца. Каждый раз, когда папа держит речь к иностранным или итальянским паломникам, — а случаи этого рода повторяются многократно, — он не забывает включить в свое поучение горькие обвинения по адресу Италии.

¹ Последние три строки отчеркнуты на полях.

Юбилейные торжества и ватиканская выставка, успех которых превзошел все ожидания и которые действительно представляют внушительное зрелище, частью повлияли, без сомнения, на позицию папы и сделали его более непримиримым в отношении королевской власти. В этом колебании весов, причины которого, впрочем, весьма сложны и чаще всего темны, новому усилению такого рода всегда соответствуют попытки сближения и переговоров с иностранными правительствами, имеющие целью поднять международный престиж св. престола и сделать его более сильным в глазах итальянских государственных деятелей. Разочаровавшись в надежде, пробужденной у нее известием о письме его имп. вел-ства на достижение немедленного дипломатического успеха в отношении России, курия хотела бы, мне кажется, все же найти какую-нибудь почву для того, чтобы продемонстрировать перед Европой согласие между нею и императорским правительством. Мне повторяют ежедневно и передают через третьих лиц, что здесь страстно желают положительного завершения наших переговоров и что здесь воодушевлены самыми примирительными настроениями. В то же время здесь затрагивают весьма немногие вопросы, выбирая наиболее легкие и заботливо избегая более острые и более спорные. В одном из своих донесений я позволил себе высказать предположение, что образ действий св. престола может, при известных условиях, оказаться выгодным для нас, так как для нас было бы практически полезно урегулировать в согласии с Римом некоторые из вопросов, затронутых кардиналом. Хотя у меня и нет пока данных, позволяющих предсказать, как далеко пойдут уступки Ватикана в этих вопросах, однако же мне кажется, что выставленные условия представляют, так сказать, лишь приступ к делу и могут подвергнуться изменениям как в отношении формы, так и содержания. Как бы то ни было, отвечая кардиналу, я в особенности стремился ничего не предвосхищать, не возбуждать никаких надежд и оставить за нами в полном объеме желательную свободу действий. Императорское правительство решит, своевременно ли снабдить меня инструкциями, которые позволили бы мне продолжать переговоры в этом направлении, или же признает желательным ввести в сферу обсуждения другие предметы.

То, что произошло здесь, в связи с ирландскими делами, не лишено интереса в смысле аналогии. Папа долго колебался высказаться против «национальной лиги», и миссия монсиньора Персико, посланного изучить вопрос на месте, казалось, останется бесплодной. Послание конгрегации инквизиции (прилагаемое в вырезке при сем), осуждающее «бойкотирование» и «план кампании», произвело тем больший эффект. В виду щекотливых сторон этого вопроса и боязни Ватикана оттолкнуть от себя ирландское духовенство, здесь говорят устно и в печати, что упомянутое послание — самостоятельное выступление, вызванное докладом монс-ра Персико. Здесь стараются также ослабить его значение толкованием, что осуждение не распространяется на политическую цель ирландской лиги, а лишь на способы действий, перечисленные в послании и противные морали и христианскому милосердию. Но несмотря на опровержения Ватикана и английских министров, акт этот, повидимому, в действительности вызван путешествиями герцога Норфолькского, дважды приезжавшего в Рим: первый раз с подарками королевы по случаю юбилея, и вскоре после того — в качестве простого путешественника, под предлогом посе-

щения своего больного родственника, кардинала Гоуарда. Продолжая повторять мне официальную версию о самостоятельном происхождении недавнего послания, кардинал Рамполла признался мне, что герцог Норфолькский обсуждал с ним, доверительно и в качестве личного друга лорда Сольсбери, некоторые важные вопросы. Мне было также сделано — очевидно, с расчетом — признание, что св. престол проектирует еще и другие меры, которые облегчат деятельность английского правительства в Ирландии, как, напр., великий «национальный синод», который будет создан по инициативе курии, в Дублине или в *Armagh* — резиденции примаса. Говорят также о предстоящих изменениях в личном составе ирландского епископата.

Чрезвычайная медлительность, к которой я вынужден, позволяет мне внимательно изучить необычайно трудную обстановку Ватикана. Но и тут я вынужден соблюдать большую осторожность. По этому поводу считаю долгом вернуться еще раз к моим отношениям с французским посольством. Граф Лефевр де Бегэн, изыскивающий поводы видеть меня и говорить со мною, сделал мне недавно прямое предложение служить для смен посредником при св. престоле всегда и во всех вопросах, когда та или другая сторона окажется в затруднительном положении. Не говоря мне, что это ему поручено официально, он дал мне недвусмысленным образом понять, что он делает мне это предложение не без ведома своего правительства. Я знаю положительно, что он говорил то же самое и сделал такое же предложение кардиналу статс-секретарю. Не встречая меня в продолжение некоторого времени, он возобновил свои предложения мне, два дня назад, через своего советника, г. де Монбель, который очень сведущ в делах и который также очень старается мне угодить. Я ответил сердечной благодарностью послу, но сделавши вид, что не вижу в обращении его ко мне ничего, кроме личного его благорасположения ко мне. Я буду очень признателен, если в в-пр-ство соблаговолите указать мне линию поведения, которой я должен держаться в этом щекотливом пункте, и в какой мере могу я пользоваться предложениями графа Лефевра де Бегэн. Я должен прибавить, что может наступить момент, когда благонамеренный посредник между кардиналом Рамполлой и мною был бы очень кстати и что, насколько я могу судить до сих пор, помощь французского посольства — единственная, на которую я могу здесь рассчитывать.

Имею честь пребывать с глубочайшим уважением... и т. д.

А. Извольский

ХІ. Н. ГИРС А. ИЗВОЛЬСКОМУ

К подписи г. министра 4 мая 1888 г.

М. г. Александр Петрович.

В ответ на донесения ваши от 25 апреля/7 мая поспешаю препроводить вам у сего для руководства отзыв г-на министра вн. дел по всем вопросам, возбужденным в ваших донесениях¹.

¹ Упомянутого отзыва м-ра вн. дел, имеющего, впрочем, административное значение, в деле нет; этот же документ печатается нами ради второго абзаца, заключающего политическую директиву.

К сему считаю долгом присовокупить, что если вы найдете нужным пользоваться предложенными вам услугами французского посла, то прибегать к оным вам следует лишь в редких и крайних случаях и с должной осторожностью.

Примите, м. г., и проч.

ХІІ. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ.

Rome le 19/31 Juillet 1888.

Très confidentielle et personnelle.

Monsieur le Ministre,

La bienveillance que Votre Excellence a toujours daigné me témoigner m'enhardit à joindre à mon expédition de ce jour quelques lignes d'un caractère tout-à-fait personnel et confidentiel.

Votre Excellence aura sans doute relevé dans ceux de mes rapports qui touchent à la question d'Artwin l'insistance avec laquelle le S-t. Siège revient sur le caractère obligatoire, selon lui, de l'Art. 9 de l'arrangement de Vienne de 1880. Cet Article établit, en effet, d'une manière malheureusement trop explicite que le Diocèse d'Artwin, annexé à la Russie après la dernière guerre, sera conservé, que les Arméno-Catholiques appartenant depuis le concordat de 1847 à la juridiction de l'Evêque de Tiraspol, lui seront soumis, et prévoit même l'éventualité de l'établissement d'un second diocèse Arméno-Catholique au Caucase. A l'époque des négociations de Mess-rs. Mossolow et Boutenew, le Gouv-t Impérial avait déjà décidé, à la suite d'un mémoire présenté par Mr. le C-te Loris-Mélikow, de rétracter sous un prétexte plausible, la promesse, donnée par Mr. d'Oubrill à Vienne, et je crois savoir que Mr. Boutenew reçut à ce sujet des instructions très précises. La question d'Artwin ne fut cependant guère touchée au cours de ses négociations, et i n'eut même pas l'occasion de faire pressentir au S-t. Siège le changement qui s'était opéré dans nos intentions. Depuis lors est survenu l'éloignement de l'Evêque Zaccharian (récemment décédé), la suppression du diocèse d'Artwin et la soumission, par un décret Impérial des Arméno-Catholiques des districts de Kars et de Batoum à la juridiction de l'Evêque de Tiraspol. Mes instructions prévoient le cas où le St. Siège souleverait cette question et j'ai l'ordre de tâcher d'obtenir l'assentiment canonique du Pape à l'ordre de choses établi de fait par notre Gouvernement. Le Cardinal Rampolla n'a pas manqué de se mettre sur le terrain de l'arrangement de Vienne et m'a placé dans une situation embarrassante dont j'ai cru devoir référer au Ministère. La réponse que j'ai reçue à ce sujet est très laconique; elle consiste en une phrase de la lettre adressée à Votre Excellence par Mr le Ministre de l'Intérieur en date du 4 Mai dr, phrase ainsi conçue: «Ссылка кардинала Рамполла на то, что учреждение (ce terme est impropre puisqu'il s'agit de conservation et non d'érection) Артвинской епархии было условлено в 1870 г. между нашим послом и нунцием в Вене, не может иметь значения при обсуждении этого вопроса, так как происходившими тогда переговорами были только намечены пункты имевшего состояться между нашим правительством и Куриєю соглашения в Риме; хотя постановка этих пунктов была утверждена в минувшее царствование, тем не менее

правительство считает себя свободным от каких-либо по этому вопросу обязательств, так как состоявшееся после этого соглашение в Риме не коснулось этого предмета». Je n'ai pas manqué de faire usage de cet argument, mais j'avoue que je me suis trouvé dans une infériorité marquée et quelque peu humiliante vis-à-vis de la logique très serrée du Cardinal qui me citait des textes très explicites. J'ai vainement cherché des indications dans les archives laissées par Mr. Boutenew, qui aura probablement reçu des instructions verbales à ce sujet. Je me décide donc à prier Votre Excellence de vouloir bien me donner d'une manière confidentielle des indications aussi précises que faire se peut sur la thèse que j'ai à soutenir et sur la meilleure manière d'écarter les prétentions du St. Siège. Il s'agit ici d'un instrument signé par un Ambassadeur de Sa Majesté et j'ose exprimer l'humble opinion qu'il est dans notre intérêt d'opposer aux Arguments du St. Siège une version plus soigneusement élaborée que celle à laquelle se borne le Ministère de l'Intérieur, moins directement responsable vis-à-vis de l'étranger que notre ressort.

Une autre question très délicate que je prends la liberté de soumettre à Votre Excellence est celle de mes rapports avec le Ministre d'Allemagne auprès du St. Siège. Le «Cardinal Schloezer», comme on l'appelle ici en manière de plaisanterie, exerce une influence prépondérante sur le Vatican et sur l'esprit du Pape. Tandis que j'ai fort à faire pour me soustraire à l'officiosité bien intentionnée, mais bruyante et gênante du C-te Lefèvre de Béhaine, malgré tous mes efforts je n'ai jamais pu faire sortir le Ministre Allemand d'une réserve glaciale et, détail que je n'ai pas voulu mentionner jusqu'ici, le Cardinal Rampolla, dans un moment d'effusion, m'a avoué que Mr. de Schloezer n'était guère sympathique à ma mission. Quoiqu'on attribue à Mr. de Schloezer des sentiments privés anti-russes, mais la discipline des diplomates allemands est telle que son attitude ne peut guère être considérée comme lui étant purement personnelle. Ce serait pour moi un bien grand appoint, si en revenant de son congé, Mr. de Schloezer rapportait des sentiments un peu moins hostiles à la réussite de ma mission qui offre sans cela tant de difficultés.

Si le courrier qui est en retard et n'arrive que demain matin, ne m'apporte rien de nature à nécessiter ma présence à Rome pendant les 14 jours qui me séparent de la prochaine expédition Ministérielle, j'oserai profiter de l'assentiment tacite de Votre Excellence pour aller reprendre, pendant ce court intervalle, à St Moritz dans les Grisons, un peu de forces et de santé qui sont mises à une bien dure épreuve par le sirocco permanent d'ici.

J'ai pris la liberté de faire parvenir à Votre Excellence, par l'obligeante entremise de Mr. Rosetti, la médaille commémorative du Jubilé Pontifical. Cette médaille a été distribuée avant mon arrivée ici, mais j'ai pu me la procurer grâce à l'empressement que l'on met au Vatican à être agréable au messager de Votre Excellence.

J'ai l'honneur... etc.

A. Iswolsky

ПЕРЕВОД

Весьма доверительно и лично.

Рим, 19/31 июля 1888 г.

Г. министр,

Благосклонность, которую в. в-пр-ство всегда извоили мне оказывать, дает мне смелость присовокупить к сегодняшней моей экспедиции несколько строк совершенно личного и доверительного характера.

В. в-пр-ство, без сомнения, обратили внимание в донесениях моих, касающихся артвинского вопроса, на настойчивость, с которой св. престол возвращается к обязательной силе, с его точки зрения, ст. 9 венского соглашения 1880 г. Статья эта устанавливает действительно слишком, к несчастью, недвусмысленным образом, что армянская епархия, присоединенная к России в результате последней войны, будет сохранена, что армяно-католики, состоящие по конкордату 1847 г. под юрисдикцией тираспольского епископа, будут подчинены ему, и предусматривает даже возможность учреждения второй армяно-католической епархии на Кавказе. В эпоху переговоров гг. Мосолова и Бутенева имп. правительство уже решило, в результате доклада, представленного гр. Лорис-Меликовым, отказаться под благовидным предлогом от обещания, данного в Вене г-ом Убри, и, насколько я знаю, г. Бутенев получил по этому вопросу весьма определенное предписание. Тем не менее, артвинский вопрос не был затронут во время веденных им переговоров, и ему даже не представилось случая сделать предупреждение св. престолу о перемене, происшедшей в наших предположениях. После того состоялось увольнение епископа Захарьяна (недавно умершего), упразднение артвинской епархии и подчинение императорским указом армяно-католиков Карсского и Батумского округов юрисдикции тираспольского епископа. Данные мне инструкции предусматривают, что св. престол может поднять этот вопрос, и на этот случай мне приказано стараться получить каноническое одобрение папы того положения вещей, которое фактически установлено нашим правительством. Кардинал Рамполла не преминул стать на почву венского соглашения и поставил меня в затруднительное положение, о котором я почел долгом осведомить министерство. Ответ, полученный мною по этому поводу, весьма лаконичен, он состоит из одной фразы в письме, адресованном в. в-пр-ству г. министром вн. дел, от 4 минувшего мая, — фразы, гласящей следующее: «Ссылка кардинала Рамполла на то, что учреждение (термин этот не точен, так как дело идет о сохранении, а не о создании) артвинской епархии было условлено в 1870 г.»¹

Я не преминул пустить в ход этот аргумент, но сознаюсь, что оказался в явно невыгодном и даже несколько унижительном положении, встретившись с подавляющей логикой кардинала, цитировавшего не оставлявшие места для споров тексты. Напрасно я искал указаний в архивах, оставленных Бутеневым, который получил, вероятно, по этому вопросу устные инструкции. Решаюсь поэтому просить в. пр-ство соблаговолить дать мне конфиденциальным образом насколько возможно определенные указания относительно тезиса, который я должен защищать, и наилучшего способа отклонить претензии св. престола. Дело идет о документе, подписанном послом е. в., и я осмеливаюсь высказать скромное мое мнение, что в наших интересах противопоставить аргументам св. престола тщательнее обработанную версию, чем та, которой ограничивается министр вн. дел, не столь непосредственно ответственный перед границей, как наше ведомство.

Другой, очень щекотливый вопрос, который я позволяю себе повергнуть на усмотрение в. в-пр-ства, это вопрос об отношениях моих с по-

¹ Продолжение цитаты на русском языке см. во французском тексте этого письма Извольского.

сланником Германии при св. престоле. «Кардинал Шлецер», как его в шутку называют здесь, пользуется преобладающим влиянием на Ватикан и на образ мыслей папы. В то время как мне стоит больших трудов уклоняться от благонамеренной, но шумной и стеснительной услужливости гр. Лефевра де Бегэн, я никогда не мог, несмотря на все мои усилия, заставить германского посланника выйти из состояния ледяной недоверчивости, и — подробность, которой я не хотел упоминать до сих пор — кардинал Рамполла в момент сердечного излияния открыл мне, что г. фон Шлецер не относится ни в малейшей степени сочувственно к моей миссии. Хотя г. фон Шлецеру и приписываются личные руссофобские чувства, но дисциплинированность германских дипломатов такова, что поведение его нельзя рассматривать как чисто персональный вопрос о нем. Для меня было бы весьма существенным пополнением моих ресурсов, если бы г. фон Шлецер вернулся из своего отпуска с немного менее враждебным отношением к благоприятному исходу моей миссии, которая и без того представляет столько трудностей.

(Остальная часть письма не представляет политического интереса и потому нами опускается в русском переводе).

ХІІІ. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Получено 4 сентября 1888 г.

Рим, 21 августа/2 сентября 1888 г.

№ 22.

М. г., Николай Карлович,

Со времени моей первой аудиенции, при приезде в Рим, я не имел, в течение почти шести месяцев, случая видеться с папою. Между тем кардинал статс-секретарь несколько раз передавал мне от имени его святейшества различные пожелания и выражения личного ко мне расположения. К тому же кардинал при каждом случае предупреждал меня, что, если я пожелаю видеть папу, я могу быть уверен, что буду немедленно принят его святейшеством. Поставленный в необходимость, вследствие грустных семейных обстоятельств¹ отправиться с благосклонного разрешения в. в-пр-ства на короткое время в Петербург, я счел долгом перед отъездом испросить у папы частную аудиенцию, которая была мне назначена на следующий же вечер. Прием, оказанный мне его святейшеством, отличался большою любезностью. После нескольких слов, относившихся лично до меня, Лев XIII, по своему обыкновению, импровизировал пространную политическую речь. Основною мыслью этой речи было доказать «необходимость солидарности и единения между великими консервативными державами, особенно России и св. престолом, неуспынно работающим для поддержания нравственного и политического порядка в Европе». Коснувшись польского вопроса, папа с жаром заявил, что его авторитет будет всегда употребляем на то, чтобы *внушать католикам Польши повиновение законам и верность их государю*. Не входя в подробности касательно вопросов, служащих предметом моих переговоров с статс-се-

¹ Его отец скончался на-днях в Царском Селе. (Примечание, сделанное рукой Н. Гирса.)

кретарем, папа выразил надежду, что переговоры эти приведут к установлению взаимного доверия. «Но,—прибавил он,—я бы желал более определенного выражения дружеских чувств русского императора. Вы знаете, какому гонению подвергается св. престол со стороны «сектантского» правительства, утвердившегося в Риме. Между тем в Италии св. престол является единственным препятствием наступающим разрушительным началам. В этой борьбе мне нужна помощь консервативных держав, и я придаю большую цену нравственной поддержке со стороны России». Хотя папа и держался все время общих выражений, но, говоря о нравственной поддержке со стороны России, он, очевидно, имел в виду *заветное свое желание иметь при своем дворе официального русского представителя*. В заключение Лев XIII сказал мне, что в скором времени он даст повод державам высказать свои чувства по отношению к св. престолу — им будет издана новая энциклика по вопросу о прекращении торга невольниками в Центральной Африке, в которой будет содержаться воззвание к гуманным чувствам цивилизованных правительств. При этом его святейшество дал мне понять, что он очень желал бы, чтобы императорское правительство воспользовалось этим случаем, чтобы высказать ему свое *расположение*¹ и формально присоединиться к его человеколюбивому плану.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XIV. ЗАМЕТКА О РЕЗУЛЬТАТАХ МИССИИ ИЗВОЛЬСКОГО¹

NOTICE.

Durant son séjour à Pétersbourg Mr. Iswolsky a exposé la situation qu'il a laissée à son départ de Rome et celle qu'il compte trouver à son retour.

Au moment où il a quitté Rome, le St Siège avait consenti en principe à la nomination d'un nouveau titulaire à Wilna, mais en même temps il demandait la nomination de titulaires aux Evêchés de Plotzk et de Lublin, Mr. Iswolsky a réussi à écarter toute corrélation entre ces deux questions et il a réussi à bien constater que l'éloignement de l'Evêque de Wilna ne dépendrait pas de la nomination des Evêques demandés au sujet de laquelle le Cabt Impl conservait la liberté de ses décisions. Le St Siège a seulement fait entendre que le Pape ne pourrait pas déplacer Mgr Grinewetzky avant qu'on ne se fut entendu sur le choix de son successeur.

Ici, Mr. Iswolsky a trouvé le M^tère de l'Intérieur disposé à désigner pour l'Evêché de Wilna un Prélat qui semble devoir rencontrer l'assentiment du St. Siège romain.

En outre Mr. le Ministre de l'Intérieur a consenti à déférer au désir du St Siège quant à la désignation de Titulaire pour les Evêchés de Plock et de Lublin, et les candidats qu'il propose semblent également ne pas devoir trouver d'opposition à Rome.

Cette importante concession, qui tient fortement à coeur au Pape et sur laquelle Mr. Iswolsky s'était abstenu de toute promesse, semble lui assu-

¹ Слова, набранные курсивом, подчеркнуты в подлиннике.

² На подлиннике пометка: «Прочитано его величеству на докладе во вторник 1-го ноября 1888 г.»

rer une situation favorable à son retour et il espère en profiter dans l'intérêt de la négociation dont il est chargé.

Parmi les questions qu'il a à traiter, une des plus épineuses est celle de la restauration de l'Evêché Arménien Catholique d'Artwin. Le St. Siège y insiste en s'appuyant sur la promesse formelle contenue dans le protocole de Vienne, — promesse qui jusqu'à présent a été plutôt éludée que démentie par le Cabt imp-l. Mr. Iswolsky pense que cette insistance du St. Siège se rattache au récent succès qu'il a obtenu à Constple par la réconciliation des deux fractions des Arméniens Catholiques. C'est certainement un motif de plus pour nous de ne pas nous prêter aux vues du St. Siège romain. Mr. Iswolsky se propose de motiver le refus du Cab-t Imp-l sur ce que le protocole de Vienne ne constituait pas un engagement formel, mais un simple exposé pouvant servir de base à une entente ultérieure, — et que dans un pays nouvellement annexé et où l'administration n'est pas encore suffisamment établie, une pareille mesure ne pourrait pas être prise sans inconvénients, d'autant plus que le nombre des arméniens Catholiques dans le district d'Artvin est trop restreint pour la rendre nécessaire.

Toutefois Mr. Iswolsky prévoit de grandes difficultés à faire admettre ces raisons par le St. Siège romain.

Quant à l'autorisation de la langue Russe dans les paroisses de l'Evêché de Minsk, Mr. Iswolsky croit que tout ce qu'on pourrait obtenir de la Curie romaine, c'est qu'elle ferme les yeux sur le status quo actuel et le laisse subsister tacitement. Il ne désespère pas de l'y amener, mais il ne croit pas possible d'obtenir une déclaration formelle et publique que la Curie juge anticononique.

Enfin quant à la question essentielle qui tient le plus à coeur à Léon XIII — le rétablissement des relations diplomatiques, Mr. Iswolsky se demande si le moment actuel, vu la tension entre le St. Siège et l'Italie et vu la déception éprouvée par le Pape lors de son entrevue avec l'Empereur Guillaume ne serait pas favorable pour obtenir à Léon XIII ce témoignage de respect, d'autant plus que dans le cas où il nous donnerait par la suite de graves sujets de mécontentement, la menace de rappeler notre représentant resterait toujours un moyen de pression très efficace.

ПЕРЕВОД

ОБЗОР

Во время своего пребывания в Петербурге г. Извольский изложил, в каком положении он оставил дела при отъезде из Рима и в каком он рассчитывает найти их по возвращении своем.

В момент, когда он покинул Рим, св. престол согласился в принципе на назначение нового блюстителя епископской кафедры в Вильно, но в то же время он добивался назначений на епископские кафедры Плоцка и Люблина. Г. Извольскому удалось устранить какую-либо связь между этими двумя вопросами, и он сумел твердо установить, что увольнение виленского епископа не обусловлено назначением просимых епископов, в отношении коего имп. кабинет сохраняет свободу решений. Св. престол лишь дал понять, что папа не мог бы сместить высокопреосвященного Гриневецкого¹ прежде, чем состоится соглашение о выборе его преемника.

¹ Виленский епископ.

Здесь г. Извольский встретил со стороны министерства вн. дел готовность назначить на епископскую кафедру в Вильно прелата, который, повидимому, получит одобрение св. римского престола.

Кроме того, г. министр вн. дел согласился пойти навстречу желанию св. престола в отношении назначения блюстителя епископских кафедр Плоцка и Люблина, и кандидаты, которых он имеет в виду, повидимому, также не встретят противодействия в Риме.

Эта важная уступка, которая очень желательна папе и в отношении которой г. Извольский воздержался от какого-либо обещания, обеспечит, повидимому, ему благоприятное положение при его возвращении, и он надеется извлечь из нее пользу в интересах порученных ему переговоров.

Среди вопросов, которые ему придется проводить, один из самых острых, это—вопрос о восстановлении армянского армянско-католического епископства. Св. престол на нем настаивает, опираясь на формальное обещание, заключающееся в венском протоколе,—обещание, которое до сих пор скорее обходилось, чем опровергалось имп. кабинетом. Г. Извольский думает, что эта настойчивость св. престола находится в связи с недавним успехом, который достигнут им в Константинополе при помощи примирения двух фракций армянско-католиков. Это, конечно, лишний мотив для нас для того, чтобы не идти навстречу видам св. римского престола. Г. Извольский предполагает мотивировать отказ имп. кабинета тем, что венский протокол представлял не формальное обязательство, а простое изложение, могущее служить основой для позднейшего соглашения, а также тем, что в области, недавно присоединенной, с недостаточной еще утвердившейся администрацией, подобная мера неизбежно повлекла бы за собою нежелательные последствия, тем более, что число армянско-католиков в Армянском округе слишком незначительно, чтобы сделать эту меру необходимой.

Однако, г. Извольский предвидит, что принятие этой точки зрения св. римским престолом встретит большие затруднения.

Что касается допущения русского языка в приходах минской епархии, то г. Извольский считает, что все, чего можно добиться от римской курии, это—чтобы она закрыла глаза на фактическое положение вещей и молча допустила дальнейшее его существование. Он не теряет надежды добиться этого, но не верит в возможность получить формальное и гласное заявление, которое курия считает антиканоническим.

Наконец, что касается существенного и наиболее интересующего Льва XIII вопроса о восстановлении дипломатических сношений, г. Извольский ставит вопрос, не является ли настоящий момент, в виду напряженности отношений между св. престолом и Италией и разочарования, испытанного папой в результате свидания его с императором Вильгельмом, подходящим для того, чтобы дать Льву XIII это доказательство уважения к нему,—тем более, что в случае, если бы он впоследствии подал нам серьезные поводы для недовольства им, угроза отозвать нашего представителя всегда оставалась бы средством весьма действительного давления.

Le 13 Novembre 1888.

Rome, le 8/20 Novembre 1888.

Monsieur le Ministre,

Je prends la liberté de joindre à mes rapports de ce jour quelques mots sur les impressions générales que j'ai recueillies à mon retour ici après six semaines d'absence.

Le séjour de l'Empereur Guillaume II fait encore les frais de toutes les discussions et de toutes les polémiques. Je ne fatiguerai pas Votre Excellence par le récit détaillé des incidents qui ont marqué la visite de l'Empereur au Pape. Il suffit de dire que la presse a rapporté les faits d'une manière assez exacte. Contrairement aux dénégations postérieures, il est certain que, malgré le soin qu'on avait mis à régler d'avance tous les détails de l'entrevue, il y a eu en effet une série de maladroites commises de part et d'autre, maladroites qui ont eu d'autant plus de retentissement que, de la part des Allemands, on ne s'est pas imposé la moindre discrétion. Le soir même de l'entrevue, on savait à la Cour et en ville les plaintes du Pape, la réponse de l'Empereur, l'incident se rapportant à l'arrivée du Prince Henri de Prusse, enfin le changement apporté au dernier moment à l'itinéraire du retour. Le lendemain le public apprenait les toasts qui ont si vivement ému Léon XIII et la substance du colloque entre le Pape et le C-te Herbert Bismarck. Le Pontife, lequel malgré sa grande intelligence, vit dans une atmosphère factice et nourrit plus d'une idée erronée sur l'état actuel de l'Europe, doit ressentir sans doute une grande désillusion. Néanmoins, au lendemain de ces événements, tous les efforts du Vatican tendent à assurer que la Cour Allemande n'a rien fait de désagréable pour le Pape ni de préjudiciable à son prestige. Tout au plus admet-on d'avoir à se plaindre de la brusquerie de C-te Herbert Bismarck. Mais on n'en renchérit que davantage sur la position anormale faite au Pontife à Rome, position dont on fait découler tous les malentendus et tous les froissements. C'est dans ce sens que le Pape s'est exprimé récemment dans une allocution adressée à des pèlerins napolitains. De son côté, le Gouvernement Allemand a eu soin d'atténuer la portée de l'incident par le langage de ses journaux autorisés. D'après ce qui me revient, l'effet immédiat de ce qui s'est passé se fera surtout sentir dans une action plus forte du S-t Siège sur le parti catholique Allemand qui vient de remporter, à la grande joie du Pape, un succès électoral et que le Vatican tiendra à montrer aussi discipliné que par le passé. D'autre part il est certain qu'aujourd'hui, moins que jamais, il peut être question d'un apaisement dans la lutte entre le Pape et l'Italie.

On ne manque pas de prédire à la suite des récents événements une évolution dans les hautes combinaisons politiques auxquelles est constamment porté l'esprit du Pape, et la presse attribue au Vatican le désir de rechercher un rapprochement avec les Puissances qui sont restées en dehors de la «ligue de la paix». Mon retour à Rome a naturellement donné lieu à de nombreux commentaires dans ce sens. Cette agitation m'oblige à une grande réserve et à une circonspection de tous les moments, car le personnel supérieur de Vatican a un goût prononcé pour la grande politique. Le communiqué officiel du Gouvernement Impérial qui a été signalé par le télégraphe,

est venu on ne peut plus à propos réduire mon rôle à ses véritables proportions et me faciliter une attitude correcte.

Sans vouloir déduire de la situation actuelle des conséquences prématurées et trop optimistes au point de vue des intérêts spéciaux, qui me sont confiés, je crois pouvoir dire que les circonstances sont peut-être plus favorables aujourd'hui à la solution des questions pendantes qu'elles ne l'étaient il y a quelques mois, et je compte en profiter dans la mesure du possible. Une action trop hâtive de ma part me paraîtrait cependant peu prudente, car elle pourrait faire croire que je me laisse entraîner dans les combinaisons dont j'ai parlé plus haut. Je puis constater pour le moment un redoublement d'amabilité à mon égard au Vatican; on y tient plus que jamais à la présence d'un agent russe, même sans caractère officiel, et on se montre très soucieux d'éviter tout ce qui pourrait occasionner son départ. Au cours de mon audience, le Pape est naturellement revenu sur la question qui lui tient le plus à coeur, celle de la représentation officielle, et je n'ai pas manqué de lui faire ma réponse habituelle, c. à. d. que cette question ne pourra être utilement abordée que le jour où le S-t Siège aura démontré par des faits sa volonté d'écarter les causes de malentendus et de divergences qui continuent à subsister. A ce point de vue je me suis permis d'attirer tout spécialement l'attention de Sa Sainteté sur la nécessité pour les nouveaux Evêques qu'il est question de nommer d'adopter une attitude loyale et correcte vis-à-vis du Gouvernement Impérial, car c'est précisément l'inconduite de l'un de ceux qui avaient été créés en 1883 qui a déterminé notre dernière rupture avec le S-t Siège.

Le Baron Meyendorff a rapporté à Votre Excellence les détails du séjour à Rome de Madame la Grande Duchesse Catherine. Son Altesse Impériale m'ayant fait connaître son désir que j'annonce sa visite au Pape, je me suis empressé de m'acquitter de Ses ordres par l'entremise du Cardinal Secrétaire d'Etat. Madame la Grande Duchesse, accompagnée de Sa fille et de Sa suite, dont, sur son désir, je faisais également partie, a été reçue par le Saint Père Samedi, le 5/17 Novembre.

L'Autriche-Hongrie vient de remplacer son ambassadeur auprès du S-t Siège, le C-te Paar, par le C-te Revertera. Le nouveau titulaire passe pour être ultra-Catholique et clérical; on cite de lui des discours énergiques en faveur du Pape dans la Chambre des Seigneurs d'Autriche. Les journaux du parti italien ont très mal accueilli sa nomination et en ont fait l'objet d'une vive polémique avec la presse du Vatican. Le C-te Revertera est marié à une C-sse Boutourline, russe de naissance et restée orthodoxe; il a été pendant longtemps hors de la carrière et ce sont des revers de fortune qui l'ont déterminé, paraît-il, à rentrer dans la diplomatie.

J'ai l'honneur... etc.

A. Iswolsky

ПЕРЕВОД

13 ноября 1888.

Рим, 8/20 ноября 1888.

Г. министр,

Позволяю себе присоединить к моим сегодняшним донесениям несколько слов по поводу общих впечатлений, которые я получил по своем возвращении после шестинедельного отсутствия.

Пребывание императора Вильгельма II служит еще предметом нескончаемых обсуждений и полемики. Я не буду утомлять в. в-пр. подробным рассказом об инцидентах, которые ознаменовали визит императора папе. Достаточно сказать, что пресса передала факты довольно точно. Вопреки позднейшим опровержениям известно, что, несмотря на старание заранее определить все детали свидания, в действительности произошел ряд неловкостей, совершенных той и другой стороной, неловкостей, имевших тем больший отголосок, что со стороны немцев не было проявлено ни малейшей сдержанности. Даже в самый вечер свидания уже знали при дворе и в городе о сетованиях папы, об ответе императора, об инциденте, связанном с прибытием принца Генриха Прусского, об изменении, наконец, маршрута возвращения в последний момент. На следующий день публика узнала о тостах, которые столь глубоко взволновали Льва XIII, и о сущности разговора между папой и гр. Гербертом Бисмарком. Папа, который, несмотря на свой широкий ум живет в искусственной атмосфере и имеет некоторые превратные представления относительно настоящего положения Европы, несомненно должен был почувствовать большое разочарование. Тем не менее на другой день после этих событий все усилия Ватикана были направлены к тому, чтобы создать убеждение, что германский двор не сделал ничего неприличного для папы или умаляющего его престиж. Самое большое, что признавалось основанием для жалоб, это — резкость гр. Герберта Бисмарка. Но тем усерднее подчеркивается аномальность положения, создавшегося для папы в Риме, положения, на которое указывают как на источник всех недоразумений и всех трений. Именно в этом смысле выразился недавно папа в своем обращении к неаполитанским паломникам. С своей стороны германское правительство позаботилось ослабить значение инцидента при помощи своих официальных газет. По дошедшим до меня сведениям непосредственное следствие того, что произошло, будет в особенности сказываться в более сильном воздействии св. престола на германскую католическую партию, которая только что одержала, к великой радости папы, успех на выборах и которую Ватикан постарается показать столь же дисциплинированной, как и в прошлом. С другой стороны, бесспорно, что в настоящее время менее чем когда-либо может идти речь об ослаблении борьбы между папой и Италией.

Нет недостатка в предсказаниях о предстоящей, вследствие последних событий, перемене в высоких политических комбинациях, к которым неизменно тяготеет ум Льва XIII, и пресса приписывает Ватикану стремление искать сближение с державами, которые остаются вне «лиги мира». Мое возвращение в Рим естественно дало основание для многочисленных комментариев в этом смысле. Это возбуждение обязывает меня ежеминутно к большой осторожности и осмотрительности, так как высшая иерархия Ватикана обладает ясно выраженным вкусом к большой политике. Официальное сообщение императорского правительства, которое было передано по телеграфу, как нельзя более кстати свело мою роль к ее действительным размерам и облегчило мне задачу занять надлежащую позицию. Не желая делать из настоящего положения скоропелых и слишком оптимистических выводов с точки зрения специальных интересов, которые мне доверены, я считаю возможным сказать, что в данный момент обстоятельства, может быть, более благоприятны для

разрешения очередных вопросов, чем то было несколько месяцев тому назад, и я рассчитываю воспользоваться, насколько возможно, этим. Слишком поспешное выступление с моей стороны казалось бы мне однако мало благоразумным, так как оно заставило бы думать, что я даю себя вовлечь в комбинации, о которых я говорил выше. В данный момент я могу констатировать удвоение любезности в Ватикане по отношению ко мне. Больше чем когда-либо там дорожат присутствием русского агента, даже не имеющим официального характера, и выказывают усиленное стремление избегать всего того, что могло бы вызвать его отъезд. Во время моей аудиенции папа естественно вернулся к вопросу, который он ближе всего принимает к сердцу, — об официальном представительстве, — и я не преминул дать ему мой обычный ответ, т. е., что этот вопрос может быть полезным образом поставлен только в тот день, когда св. престол покажет фактами свое желание устранить причины недоразумений и разногласий, которые продолжают существовать. С этой точки зрения я позволил себе привлечь особое внимание его святейшества на необходимость для новых епископов, о назначении которых идет речь, принять лояльную и корректную позицию по отношению к императорскому правительству, так как именно некорректность одного из тех, которые были назначены в 1883 г., обусловила наш последний разрыв со св. престолом.

Барон Мейендорф донес в. в-пр-ству о подробностях пребывания в Риме в. к. Екатерины. Так как е. и. в. сообщила мне о своем желании, чтобы я предупредил о ее визите к папе, я поспешил выполнить ее приказание через посредничество кардинала статс-секретаря. В. княгиня в сопровождении своей дочери и свиты, в которую согласно ее желанию был включен также и я, была принята св. отцом в субботу 5/17 ноября.

Австро-Венгрия только что заменила своего посла при св. престоле графа Паара графом Ревертера. Вновь назначенный посол слывет за ультра-католика и клерикала; указывают на его энергичные речи в австрийской палате господ в пользу папы. Газеты итальянской партии очень плохо приняли это назначение и сделали из него предмет оживленной полемики с ватиканской прессой.

Гр. Ревертера женат на графине Бутурлиной, русской по происхождению и оставшейся православной; в течение долгого времени он был вне дипломатической карьеры, и повидимому превратности судьбы заставили его вернуться к дипломатической деятельности.

Честь имею и т. д.

А. Извольский

XVI. Н. ГИРС А. ИЗВОЛЬСКОМУ

Le 17 Novembre 1888.

(Письмо)

Copie

Projet de lettre Particuliere à Mr. Iswolsky¹

(à Rome)

Votre lettre du 8/20 Novembre a été lue par Sa Majesté l'Empereur.

Les impressions que Vous avez recueillies à Votre retour confirment ce que nous savions sur les dispositions du Pape à la suite de la visite de l'Empereur Guillaume.

¹ Наверху с левой стороны пометка Александра III: «Читал».

Nous devons sans doute en tirer parti pour nos propres intérêts. Mais je ne puis que Vous approuver de ne point Vous laisser entraîner par les ressentiments de la Curie Romaine.

Nous poursuivons un but sérieux et pratique et non une démonstration politique.

Le langage que Vous avez tenu au Pape est parfaitement correct. Vous saurez certainement Vous maintenir dans cette juste mesure.

Vous trouverez ci-près la lettre responsive de notre *Auguste Maître* au Pape Léon XIII. Vous êtes chargé de la remettre entre les mains de Sa Sainteté.

Recevez... etc.

Копия

ПЕРЕВОД

17 ноября 1888.

Проект особо доверительного письма Извольскому

(в Рим)

Ваше письмо от 8/20 ноября было прочитано его величеством. Впечатления, полученные вами после вашего возвращения, подтверждают то, что мы знаем относительно настроений папы в результате визита императора Вильгельма.

Несомненно, мы должны воспользоваться ими в наших интересах. Но я могу лишь одобрить, что вы не увлекаетесь мстительными порывами римской курии.

Мы преследуем серьезную и практическую цель, а не политическую демонстрацию.

Язык, которым вы говорили с папой, совершенно правилен. Вы сумеете, конечно, держаться и впредь в этих верных пределах.

Вы найдете прилагаемое здесь соответствующее письмо нашего августейшего монарха к папе Льву XIII.

Вы уполномочены вручить его его святейшеству.

Примите и пр.

XVII. ПРОЕКТ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА III ЛЬВУ XIII

(Без даты.)

Projet de lettre de Sa Majesté l'Empereur à Sa Sainteté le Pape Léon XIII

J'ai reçu avec une vive satisfaction la lettre de Votre Sainteté et suis heureux de voir que les sentiments qu'Elle M'exprime répondent à ceux dont Je suis animé envers Sa personne. Je partage entièrement Votre opinion sur la nécessité de raffermir partout l'ordre et la paix (en défendant le principe d'autorité contre les doctrines subversives¹). Je crois fermement que l'Eglise et l'Etat devraient s'unir dans ce but, afin que leur autorité respective se

¹ Слова, заключенные в скобки, в подлиннике зачеркнуты.

prête un mutuel concours. Le Culte Catholique Romain jouit dans Mes Etats de toute la liberté compatible avec les lois de l'Empire. J'ai fait tout ce qui dépendait de Moi pour satisfaire aux besoins religieux de Mes sujets, appartenant à cette communion en favorisant le rétablissement de la hiérarchie ecclésiastique. Je serais prêt à développer ces bons germes, si tous les membres du Clergé Catholique Romain se montraient pénétrés des vues élevées de Votre Sainteté et ne se laissaient parfois inspirer par des considérations politiques *de nature à saper l'autorité de l'Etat*¹. Je compte d'ailleurs sur l'esprit éclairé de Votre Sainteté pour prévenir des pareils écarts². C'est avec une vive satisfaction que Je verrais se rétablir les relations amicales qui existaient entre Mon Gouvernement et le Saint-Siège si ces relations peuvent contribuer au but qui autant qu'à Votre Sainteté Me tient à coeur³.

M. que je charge de Vous porter cette lettre, est au courant de Mes vues et pourra s'en expliquer avec le Cardinal Secrétaire d'Etat.

Je prie Votre Sainteté de recevoir... etc.

ПЕРЕВОД

Проект письма е. в. императора его святейшеству папе Льву XIII

С глубоким удовлетворением я получил письмо вашего святейшества и счастлив видеть, что чувства, выраженные мне вами, отвечают тем, которые я испытываю по отношению к вашему святейшеству. Я вполне разделяю ваше мнение относительно необходимости повсюду укреплять порядок и мир (защищая принцип власти против разрушительных учений)⁴. Я твердо верю, что церковь и государство должны объединиться для этой цели с тем, чтобы присущий им авторитет был использован для взаимной поддержки.

Римско-католическое исповедание пользуется в моем государстве полной свободой, совместимой с законами империи. Я делал все, что зависело от меня, чтобы удовлетворить религиозные потребности моих подданных, принадлежащих к этому исповеданию, покровительствуя восстановлению духовной иерархии. Я готов был возвращать далее эти добрые семена, если бы все члены римско-католического духовенства оказались проникнутыми возвышенными взглядами вашего святейшества и не позволяли себе руководиться иногда политическими соображениями, клонящимися к подрыву правительственной власти⁵. Я рассчитываю, однако, на просвещенный образ мыслей вашего святейшества для предупреждения

¹ В предшествовавшей редакции этого проекта последние слова (напечатанные курсивом) надписаны над следующей зачеркнутой фразой: «qui, s'abritant sous le manteau de la religion, sapent l'autorité de l'Etat sur laquelle doit également s'appuyer l'autorité de l'Eglise».

² В предшествовавшей редакции за этим следовала зачеркнутая фраза «Elle peut être assurée de tout mon concours pour atteindre ce résultat aussi essentiel pour le bien de l'Eglise que pour celui de l'Etat».

³ В предшествовавшей редакции фраза эта заканчивалась словами: «C'est-à-dire au bonheur des peuples et des gouvernements».

⁴ Слова, заключенные в скобки, в подлиннике зачеркнуты.

⁵ В предшествовавшей редакции вместо слов «клоняющимися» и т. д. написано «которые, укрываясь под покровом религии, подрывают правительственную власть, на которую должна также опираться власть церкви».

подобных заблуждений¹. Я с глубоким удовлетворением увидел бы восстановленными дружественные отношения, которые существовали между моим правительством и св. престолом, если эти отношения могут привести к цели, кототорая так же, как вашему святейшеству, близка сердцу моему².

Г. , которому я поручаю передать вам это письмо, осведомлен о моих взглядах и сможет объясниться по поводу них с кардиналом статс-секретарем.

Прошу ваше святейшество принять и т. д.

ХVIII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

Получено 11 декабря 1888.

(Депеша)

Рим, 6/18 декабря 1888 г.

№ 28.

М. г. Николай Карлович,

В полученных мною при командировке в Рим инструкциях, между прочим, значилось, что одним из доказательств уступчивости со стороны папы может быть посылка им в установленном порядке, от своего или его статс-секретаря имени, инструкций к нашим епископам с указанием им на необходимость отрешиться от всяких уклонений в своей деятельности в сторону политических тенденций. Этим общим указанием мне предоставлялось воспользоваться при удобном случае.

С самого начала моих переговоров я не терял из виду этого вопроса и старался найти благоприятную минуту для его возбуждения. Но мне необходимо было действовать с крайнею осторожностью, ибо дело это было поставлено в 1884 г. совершенно особенным образом, а именно, оно было непосредственно связано с переговорами об учреждении нашего официального представительства при Ватикане. Для меня являлась трудность затронуть этот вопрос, не подавая повода возвращаться к прежней его постановке, и получить, если можно так выразиться, *даром* то, что предлагалось нам Ватиканом взамен важной для него уступки с нашей стороны. К тому же в. в-пр-ству без сомнения памятно затруднения, встреченные в этом деле г-ном Бутеневым. Речь шла в то время о двояком наставлении епископам,—в виде официального послания папы и одновременной с оным секретной инструкции статс-секретаря. Переговоры прекратились вследствие невозможности добиться согласия курии на предварительное сообщение нам текста этих документов и на препровождение их путем, единственно признаваемым нами законным, т. е. через посредство нашего правительства.

Настоящие мои переговоры о замещении вакантных кафедр дали мне возможность, нисколько не обязывая правительства и, так сказать, от моего личного имени, возвратиться к оставленной в 1884 г. мысли, и удостовериться, до какой степени можно рассчитывать, что ныне курия отнесется сговорчивее к нашим требованиям относительно условий, при

¹ В предшествовавшей редакции за этим следовала зачеркнутая фраза: «Ваше с-во можете быть уверены во всевозможном содействии моем к достижению этого результата, столь же важного для блага церкви, как и для блага государства».

² В предшествующей редакции фраза эта заканчивалась словами: «т. е. благу народов и правительств».

которых мысль эта может быть осуществлена. Как статс-секретарь, так и сам Лев XIII, неоднократно заявляли мне о своем желании, чтобы деятельность наших епископов вполне отвечала ожиданиям правительства. Принимая эти заявления к сведению, я отвечал, что при всем известной дисциплине католического духовенства от самой курии зависит, чтобы епископы держались желаемого направления, и напомнил при этом неудавшуюся попытку 1884 г. побудить папу принять должные меры в этом смысле. В моих беседах с кардиналом я неоднократно возвращался к этому вопросу, причем я всегда придавал моим словам частный характер, ни к чему меня не обязывающий. Тем не менее мне удалось мало по-малу привести статс-секретаря к тому, что он вполне определенно высказался, что именно курия готова была бы ныне сделать в желательном направлении.

По мнению кардинала, предполагаемое вскоре замещение трех кафедр в Вильне, Люблине и Плоцке могло бы послужить поводом преподать новым епископам *наставление*, касательно их будущей деятельности и отношения их к светской власти. Наставления эти могли бы быть облечены в форму писем от имени статс-секретаря. Кардинал готов *обсудить вместе со мною содержание этих писем и сообщить мне предварительно их текст*. Наконец, что касается до способа их доставления по принадлежности, то кардинал предлагает *вручить мне их вместе с буллами о преконизации новых епископов*. От нас, затем, будет зависеть препроводить их епископам в том или другом порядке и с *большою или меньшею огласкою*¹.

Не имея определенных инструкций касательно настоящего вопроса и действуя, так сказать, на свой собственный страх, я мог лишь выяснить мысли кардинала и не выставил с своей стороны никаких требований или желаний, кроме основного принципа, касающегося способа передачи. Если императорское министерство внутренних дел признает удобным воспользоваться предложениями кардинала, мне необходимо иметь точные указания, следует ли стремиться их расширить и, вообще, чего именно желательно достичь. Если же будет решено оставить это дело без последствий, вопрос мною так поставлен, что я без всякого затруднения могу более к нему не возвращаться.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XIX. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ.

Reçue le 25 Décembre 1888.

(Письмо)

Rome, le 19/31 Décembre 1888

Monsieur le Ministre,

Le pape a marqué la fin de l'année jubilaire par une manifestation orale affirmant une fois de plus le caractère intransigeant de sa politique des derniers temps vis-à-vis de l'Italie; la veille de Noël il a adressé au Sacré-Colège une allocution contenant, à côté de la revendication habituelle de ses droits, des plaintes amères contre le Gouv-t du Roi Humbert et l'énumération des différents actes du Pouvoir qui portent atteinte, selon lui, à son in-

¹ Слова, набранные курсивом, подчеркнуты в подлиннике карандашом.

dépendance et à la liberté de son Ministère. Par contre, l'Encyclique publiée à la même occasion ne contient que très peu d'allusions politiques et a un caractère exclusivement moral et religieux.

Dans l'après midi d'hier le Pape, pour la 3-ème fois depuis son élévation au Pontificat, est descendu à S-t. Pierre pour y célébrer un Te-Deum solennel pour la clôture de son jubilé. La Basilique était fermée, et on n'y admettait que les personnes munies de billets spéciaux, dont il a été distribué plus de 40 mille. L'enthousiasme de la foule à l'apparition du Pape, porté sur la «Sedia gestatoria» a été très grand et a pris la forme, inusitée jusqu'à cette année, d'acclamations et d'applaudissements. Les cris de «vive le Pape-Roi», ont été cependant moins fréquents qu'à l'occasion de la 1-ère messe jubilaire, il y a douze mois, quand l'assistance était surtout composée de pèlerins catholiques étrangers. La presse libérale de Rome a soin de relever que l'ordre qui a régné dans la Basilique est la meilleure preuve de l'indépendance spirituelle du Pape, et que l'attitude sympathique de la foule d'hier contraste avec l'hostilité que témoignait jadis au Pontife-Roi la population soumise à Son pouvoir temporel. Ayant reçu une invitation du Cardinal Secrétaire d'Etat à assister à la cérémonie dans la tribune diplomatique, je n'ai pas vu d'inconvénient à m'y rendre, d'autant plus que je devais y être en compagnie de plusieurs diplomates étrangers non accrédités près du S-t Siège et se trouvant à Rome de passage.

Aujourd'hui, selon la coutume établie, j'ai été reçu par le Pape en audience particulière pour lui présenter mes félicitations à l'occasion des fêtes de Noël et du nouvel an. Malgré ses grandes fatigues des derniers jours, le S-t Père m'a retenu plus d'une demi-heure. Après m'avoir exprimé les vœux qu'il formait pour la prospérité de Sa Majesté l'Empereur et de Son Auguste Famille, Léon XIII m'a longuement entretenu de ses désirs et de ses espérances, se servant des termes habituels au sujet de l'influence salutaire qu'il est décidé à exercer sur les sujets catholiques de Sa Majesté et de la nécessité d'unir, dans ces temps troublés, les forces conservatrices du monde. En me parlant, comme toujours, de son impatience de voir s'établir des relations diplomatiques régulières entre le Gouv-t Impérial et le S-t. Siège, le Pape, très en verve ce jour là, m'a exposé avec un abandon que je n'avais nullement cherché à provoquer, son appréciation sur la situation actuelle de l'Europe. J'ai pu conclure de ses paroles que son humeur contre l'Allemagne et contre la triple alliance est loin d'être dissipée. D'autre part, il ne croit pas à la prolongation indéfinie de l'état actuel de paix armée et prévoit à brève échéance des perturbations sérieuses. Il voudrait que le jour de la crise trouvât la Russie et le St. Siège unis par une entente sincère qui nous assurerait, à son avis, des avantages sérieux au point de vue de la sécurité de nos confins, et donnerait à la Papauté l'appui moral de la seule Puissance destinée, selon lui, à jouer le rôle d'arbitre de la paix et de la guerre ¹. Je me suis borné, comme de raison, à écouter ce discours sans rien y répondre; je crois devoir en rendre compte à Votre Excellence, car il confirme ce que j'ai déjà eu l'honneur de rapporter au sujet de l'état d'esprit dans lequel se trouve le S-t Père.

J'ai l'honneur... etc.

A. Iswolsky

¹ Последние две фразы подчеркнуты, и на полях рукою Александра III написано: «В чем это соглашение? Желательно, по-моему, знать, в чем дело».

Получено 25 декабря 1888 г.

Рим, 19/31 декабря 1888 г.

Г. министр,

Папа отметил окончание юбилейного года ораторским выступлением, еще раз подтверждающим независимый характер его политики за последнее время по отношению к Италии; в канун рождества он обратился к коллегии кардиналов с речью, содержащей, помимо обычного указания на свои права, горькие жалобы на правительство короля Гумберта и перечисление различных правительственных актов, которые, по его мнению, посягают на его независимость и на свободу его служения. Наоборот, энциклика, опубликованная по тому же случаю, содержит только очень немного политических замечаний и имеет характер исключительно нравственный и религиозный.

Вчера после полудня папа, в третий раз со времени своего вступления в понтификат, посетил собор св. Петра для совершения заключительного юбилейного богослужения. Собор был закрыт и допускались только лица, снабженные специальными билетами, которых было распространено более сорока тысяч. Энтузиазм толпы при появлении папы, несомненно на «*sedia gestatoria*», был громаден и принял форму, не практиковавшуюся до этого года, громких приветствий и аплодисментов. Крики «да здравствует папа-король!» раздавались, однако, реже, чем во время первой юбилейной мессы двенадцать месяцев тому назад, когда среди присутствующих было особенно много иностранных католических паломников. Римская либеральная печать не упустила отметить, что порядок, царивший в соборе, является лучшим доказательством независимости духовной власти папы и что проявления симпатии со стороны вчерашней публики контрастируют с враждебностью, которую некогда проявляло в отношении папы-короля население, подчиненное его светской власти. Получив от кардинала статс-секретаря приглашение присутствовать в дипломатической ложе на этой церемонии, я не нашел неудобным явиться туда тем более, что я должен был находиться там в обществе нескольких иностранных дипломатов, не аккредитованных при св. престоле и находящихся в Риме проездом.

Сегодня, согласно установленному обычаю, я был принят папой в особой аудиенции, чтобы принести ему мои поздравления по случаю праздников рождества и нового года. Несмотря на утомительность последних дней, св. отец задержал меня свыше получаса. Выразив пожелание благополучия государю императору и его августейшей семье, Лев XIII пространно изложил свои стремления и надежды, пользуясь обычными своими выражениями по поводу благотворного воздействия, которое он решил оказывать на католических подданных его величества, и необходимости объединить в наши смутные времена консервативные силы мира. Говоря, как всегда, о своем нетерпении увидеть установленными правильными дипломатическими отношениями между императорским правительством и св. престолом, папа, бывший в этот день в большом ударе, с откровенностью, которую я совершенно не стремился вызвать, изложил мне свою оценку нынешнего положения Европы. Из его слов я мог заключить, что его раздражение против Германии и против тройствен-

ного союза далеко не рассеялось. С другой стороны, он не верит в неопределенное продолжение нынешнего состояния вооруженного мира и предвидит в близком будущем серьезные потрясения. Он хотел бы, чтобы день кризиса встретил Россию и св. престол объединенными искренним согласием, которое, по его мнению, обеспечит нам серьезные выгоды с точки зрения охраны наших границ и даст папству моральную поддержку единственной державы, предназначенной, по его мнению, играть роль арбитра в вопросе о мире и о войне. Я ограничился, как полагается, тем, что выслушал эту речь, ничего не ответив на нее; считаю долгом сообщить об этом в в-пр-ству, так как это подтверждает то, о чем я уже имел честь докладывать относительно образа мыслей, которого держится св. отец.

Имею честь быть и т. д.

А. Извольский

XX. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

1 ПРИЛОЖЕНИЕ

Получено 19 февраля 1889 г.

Рим, 14/26 февраля 1889 г.

№ 3

М. г. Николай Карлович,

В четверг, 14 февраля н. ст., в Ватикане состоялась торжественная Консистория, в которой папа пожаловал шляпу трем новым кардиналам, а именно Катанскому архиепископу монс-ру Дусмет, ассессору инквизиции монс-ру д'Аннибале и Мажордому, монс-ру Макки. В тот же день было преконизовано несколько епископов как итальянских, так и иностранных.

Публичной церемонии предшествовала так наз. секретная консистория, в которой папа по своему обычаю произнес латинскую речь, посвященную различным религиозным и политическим вопросам дня. Речь эта, появившаяся затем в печати и прилагаемая при сем в французском переводе, упоминает между прочим и о происходящих между нами и Ватиканом переговорах. Объяснив чисто религиозными побуждениями свое постоянное стремление к развитию своих отношений к иностранным правительствам, папа сказал, что ныне он усиливается [sic] восстановить правильные сношения с могущественнейшею российской империей и что он не сомневается в успехе, согласном с общим желанием. «В этом деле,—сказал он далее,—мы с особенным старанием и одинаковою благосклонностью посвятили наши заботы и мысли католическим интересам среди поляков и ныне уже намечено несколько епископов, что весьма важно для порядка в управлении епархиями. Нам было бы чрезвычайно приятно объявить о них сегодня в вашем высоком присутствии, но окончание этого дела требует еще некоторого времени». Слова эти должны служить ответом на беспрестанно появляющиеся в печати, особенно польской, обвинения папы в том, что, вступая в переговоры с Россией, он будто бы имеет в виду исключительно политические цели и приносит в жертву своему честолюбию религиозные интересы польской народности.

¹ Приложение: Allocution, prononcée par N. E. S. P. le Pape Léon XIII. dans le consistoire du 11 février 1889.

Наибольшая часть речи посвящена вопросу о сохранении европейского мира. Папа объявляет, что по самой природе своего сана он является первым поборником этого мира, и что все действия римского престола направлены к его сохранению. Эта главнейшая часть речи объясняется разнообразными побуждениями. С одной стороны, здесь, как и всегда, сказывается желание Льва XIII приписывать себе видную роль в ходе политических событий. Вместе с тем папа ограждает себя от обычного со стороны либеральной Италии упрека, что он желает усложнений и войны в надежде на возвращение себе утраченной советской власти. Наконец, заявляя о своих мирных наклонностях, Лев XIII удовлетворяет все с большою силою сказывающемуся протесту итальянского населения против чрезмерных военных расходов и стремится обратить в свою пользу движение, эксплуатируемое ныне лишь крайними революционными и республиканскими партиями. (Недавнее собрание друзей мира в Милане).

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXI. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

Reçue le 19 Février 1889.

Rome, le 14/26 Février 1889.

Monsieur le Ministre,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre en date du 25 Janvier par laquelle Votre Excellence veut bien me charger d'approfondir la pensée exprimée par le Pape au cours de ma dernière audience et de mettre à même le Gouvernement impérial d'en apprécier la valeur pratique.

Il s'agit de l'idée que se fait Léon XIII de la situation actuelle de l'Europe et de l'entente qu'il souhaiterait voir s'établir entre le St. Siège et la Russie en vue des événements dont il prévoit le développement à brève échéance.

Mon séjour de bientôt un an à Rome et une étude attentive des idées qui ont cours au Vatican me permettent de donner à Votre Excellence dès aujourd'hui quelques explications, avant même d'avoir eu de nouveaux entretiens sur ces sujets soit avec le Pape, soit avec son Secrétaire d'Etat, entretiens que je crois prudent d'éviter le plus possible.

Le Pape actuel est par excellence diplomate et homme politique; depuis onze ans — tous ses efforts tendent à deux buts: rendre à la Papauté son ancien prestige international et son influence sur la marche des événements Européens; lui faire reprendre sa place historique en Italie, sans rien céder de ses prétentions au Pouvoir temporel.

Une série de succès a couronné son action à l'égard des Puissances Européennes, notamment à l'égard de l'Allemagne qui a établi des relations diplomatiques avec le St. Siège, a adouci sa législation à l'endroit du Catholicisme, et a procuré au Pape la satisfaction de jouer le rôle d'arbitre dans une question d'intérêt international. L'éclat extérieur communiqué au St. Siège par la politique de Léon XIII est indéniable et a trouvé son expression l'hiver passé dans les fêtes du jubilé.

A l'égard de l'Italie Léon XIII se trouve au contraire dans une position qui devient de plus difficile. Après une période où l'on espérait encore pour

voir trouver un terrain de conciliation, période close par la disparition de Mr. Depretis. nous assistons actuellement à une lutte opiniâtre entre le régime de Mr. Crispi et les tendances toujours plus intransigeantes du Vatican.

Or l'Italie ayant été admise sans réserves dans le système de l'alliance Austro-Allemande, le Pape se trouve péniblement désorienté. La récente visite de l'Empereur Guillaume II à Rome lui a démontré d'une façon évidente qu'en cas de complications il n'avait rien à espérer des Puissances du Centre qui se trouveraient immanquablement du côté de l'Italie. De là la tendance de Léon XIII que j'ai cru devoir signaler dans mes rapports, d'étendre autant que possible le cercle de ses relations politiques — et de rechercher une plus grande intimité avec les Puissances restées en dehors des accords conclus.

A tort ou à raison, Léon XIII croit que des complications Européennes sont à prévoir à brève échéance. Quelle qu'en soit la nature, il assigne au St. Siège un rôle important dans leur développement, rôle moral assurément, mais dont l'effet se fera, à ce qu'il croit, puissamment sentir. A l'égard de l'Italie, incomplètement unifiée, apauvrie par des impôts excessifs et une crise économique aigüe, mécontente et travaillée par les partis extrêmes du républicanisme et du cléricalisme, son attitude aura une importance que les hommes politiques d'ici ne cherchent pas à nier. A l'extérieur, l'action du Pape qui continue à commander à des millions de consciences, pourra porter sur un grand nombre de questions; celle du Centre Allemand peut servir d'exemple. Mais lorsque Léon XIII fait valoir à nos yeux le prix de son amitié en temps de troubles Européens, c'est surtout la question polonaise qu'il a en vue, question dans laquelle son autorité morale peut, selon lui, exercer une influence très appréciable.

Telles sont, Monsieur le Ministre, selon mon humble opinion les tendances du Pape prises dans le moment actuel et esquissées à grands traits. Quant à la valeur pratique et réelle de l'accord qu'il voudrait voir s'établir entre la Russie et le St. Siège, elle est un peu plus difficile à définir. Léon XIII est doué d'une trop grande intelligence pour croire à la possibilité d'une entente vraie et durable sur les innombrables questions religieuses qui nous divisent et dont la plupart est insoluble par leur nature même. D'autre part il ne peut guère fonder sur la Russie d'espérances sérieuses pour la restauration de son pouvoir temporel. Mais son instinct politique lui fait deviner dans l'Empire Russe le facteur principal des futurs arrangements, «l'arbitre de la guerre et de la paix», selon son expression, et il voudrait qu'au moment de la crise il existât au moins entre lui et nous des relations assez amicales et assez régulières pour permettre d'échanger des idées et se concerter sur les points qui se trouveraient être d'un intérêt commun. A ce point de vue il attache une importance majeure à l'existence de rapports diplomatiques avec notre Gouvernement. Ce ne serait là sans doute qu'un accord apparent et superficiel, mais il pourrait avoir assez de valeur aux yeux de Léon XIII pour le pousser à adopter d'une manière permanente une attitude correcte à notre égard et conforme à nos intérêts. Le seul espoir d'y aboutir lui fait renoncer actuellement à l'ancien système de plaintes et de récriminations et le détermine à se plier à certaines de nos exigences, comme celle relative au mode de ses rapports avec l'épiscopat catholique de l'Empire, et à résister dans une mesure appréciable aux intrigues incessantes du parti polonisant du Vatican.

J'ai l'honneur d'être... etc.

A. Iswolsky

Получено 19 февраля 1889 г.

Рим, 14/26 февраля 1889 г.

Г. министр,

Я имел честь получить письмо от 25 января, в котором в. в-ство поручили мне разъяснить мысль, выраженную папой во время моей последней аудиенции, и дать тем самым возможность императорскому правительству определить практическую ценность этой мысли.

Дело идет о представлении, которое составил себе Лев XIII относительно нынешнего положения Европы, и о соглашениях, которое он желал бы видеть установленным между св. престолом и Россией ввиду событий, наступление которых он предвидит в близком будущем.

Мое почти годовое пребывание в Риме и внимательное изучение идей, которые высказываются в Ватикане, позволяют мне дать в. в-ству уже теперь некоторые объяснения и без новых собеседований по этим вопросам с папой или с его статс-секретарем, — собеседований, которые я считаю благоразумным по возможности избегать.

Нынешний папа по преимуществу дипломат и политик; в течение одиннадцати лет все его труды направлены к двум целям: вернуть папству его былой международный престиж и его влияние на ход европейских событий; добиться возвращения своего исторического места в Италии, ничего не уступая из своих претензий на светскую власть.

Ряд успехов увенчал его работу по отношению к европейским державам, особенно в отношении Германии, которая установила дипломатические отношения с св. престолом, смягчила свое законодательство в отношении католицизма и доставила папе удовлетворение предоставлением ему возможности сыграть роль арбитра в одном вопросе международного значения. Внешний блеск, сообщенный св. престолу политикой Льва XIII, бесспорен и нашел свое выражение прошлой зимой в юбилейных празднествах.

В отношении Италии Лев XIII находится, напротив, в положении, которое становится все более трудным. После периода, когда еще была надежда найти почву для примирения, периода, закончившегося исчезновением г. Депретиса, мы присутствуем теперь при упорной борьбе между режимом г. Криспи и тенденцией все большей неуступчивости со стороны Ватикана.

А так как Италия безоговорочно принята в систему австро-германского союза, то папа находится в тягостном положении. Последний визит в Рим Вильгельма II с очевидностью показал ему, что в случае осложнений он отнюдь не может рассчитывать на центральные державы, которые безусловно окажутся на стороне Италии. Отсюда стремление Льва XIII, о чем я считал своим долгом указывать в своих донесениях, насколько возможно расширить круг своих политических отношений и снискать большую близость у держав, остающихся вне заключенных соглашений.

С основанием или нет, но Лев XIII считает, что нужно предвидеть в ближайшем будущем европейские осложнения. Каков бы ни был их характер, он предназначает св. престолу важную роль в их течении, — конечно, роль моральную, но влияние которой, как он думает, будет чрезвычайно велико. Что касается Италии, не вполне объединенной, обедневшей вследствие чрезмерных налогов и острого экономического кризиса,

недовольной и раздражаемой крайними партиями республиканизма и клерикализма, то для нее его позиция будет иметь значение, которое не стараются отрицать здешние политики. В других странах выступления папы, который продолжает руководить миллионами верующих, могут влиять на решение большого количества вопросов; примером может служить германская партия центра. Но когда Лев XIII хочет представить нам ценность своей дружбы во время европейских осложнений, он имеет в виду в особенности польский вопрос, вопрос, в котором его духовная власть может, по его мнению, оказать весьма ценное воздействие.

Таковы, г. министр, по моему скромному разумению, стремления папы в настоящий момент и в общих чертах. Что касается практической и реальной ценности соглашения, которое он желал бы видеть установленным между Россией и св. престолом, то определить ее несколько труднее. Лев XIII наделен слишком большим умом, чтобы верить в возможность действительного и длительного соглашения по бесчисленным религиозным вопросам, которые разделяют нас, и большинство которых неразрешимо по самой их природе. С другой стороны, он никак не может возлагать на Россию серьезных надежд в вопросе о восстановлении его светской власти. Но его политический инстинкт заставляет его угадывать в российской империи главный фактор будущих соглашений, «арбитра войны и мира», согласно его выражению, и ему хотелось бы, чтобы к моменту кризиса существовали по крайней мере между ним и нами отношения достаточно дружественные и достаточно правильные, чтобы была возможность обмениваться мыслями и притти к соглашению по вопросам, которые могли бы представить общий интерес. С этой точки зрения он придает особо важное значение существованию дипломатических связей с нашим правительством. Это явилось бы несомненно соглашением внешним и поверхностным, но оно могло бы иметь достаточно ценности в глазах Льва XIII для того, чтобы побудить его принять по отношению к нам прочную корректную позицию, соответствующую нашим интересам. Даже только надежда достигнуть этого побудила бы его отказаться в настоящее время от прежней системы жалоб и обвинений и уступить некоторым нашим требованиям, как например, относительно порядка его сношений с католическими епископами империи, и действительным образом сопротивляться непрекращающимся интригам полонофильской партии Ватикана.

Имею честь быть и т. д.

А. Извольский

XXII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

2 ПРИЛОЖЕНИЯ¹.

Получено 28 мая 1889 г.

Рим, 22 мая 1889 г.

№ 7

М. г. Николай Карлович,

На прошлой неделе в Ватикане состоялась торжественная консистория, в которой папа назначил семь новых кардиналов и нескольких епископов. Из новопожалованных «князей церкви», двое — итальянцы (монс.

¹ Содержание излагается в тексте.

Аполлони и де-Руджиеро), трое — французы (архиепископы парижский, лионский и бордосский), один — австро-чех (архиепископ пражский граф Шенборн) и один бельгиец (архиепископ Малинский). В числе их нет ни одной особенно выдающейся личности, и назначения эти ничем чувствительно не отразятся на составе и физиономии св. коллегии.

По существующему обычаю папа произнес в первом так наз. секретном заседании консистории латинскую речь, препровождаемую при сем в подлинном тексте и французском переводе. Речь эта почти целиком посвящена обычному протесту против захвата Рима и жалобам на притеснения со стороны итальянского правительства. В ней также указывается на ряд католических съездов, состоявшихся в Вене, Малин, Мадриде и Опорто и являющихся новейшею формою политико-религиозной деятельности римской курии. Отношения папы к Италии становятся все более и более натянутыми. Лев XIII с каждым годом более склоняется в сторону крайней непримиримой партии и с некоторых пор энергически подавляет всякие попытки итальянской иерархии найти почву для соглашения с правительством. Этому соответствует со стороны Италии усиление антиклерикальной политики г-на Криспи и ряд законодательных и административных мер, направленных против курии. В консисториальной речи, между прочим, делается намек на долженствующую произойти в Риме грандиозную антиклерикальную демонстрацию по поводу открытия памятника Джордано Бруно, сожженному в XVI в. инквизициею за ересь. Празднество это организуется с ведома и под покровительством правительства и подаст, вероятно, повод к уличному шуму и оскорбительным для папы демонстрациям, а, затем, без сомнения к новым протестам и жалобам со стороны курии.

Вопреки своему обыкновению Лев XIII на этот раз не сказал ни слова о внешних делах, составляющих однако всегдашний предмет его консисториальных речей. Причина этого, как мне положительно известно, заключается в положении его переговоров с нами. После надежды, столь определенно выраженной в прошлой январской консистории, вскоре прийти к соглашению о назначении русских епископов, и зная его пылкость и впечатлительность, я имел основание опасаться, что он выразит сожаление о встретившихся препятствиях в форме, могущей еще более затруднить разрешение вопроса. Поэтому я принял все меры, чтобы внушить ему, через посредство кардинала Рамполла и некоторых других, имеющих к нему ближайший доступ лиц, необходимость быть крайне осторожным, дабы не повредить дальнейшим нашим отношениям. Чтобы избежать не ловкости умолчания об одной из внешних своих забот, Лев XIII ограничился одним внутренним вопросом и не упомянул ни о затруднениях с баварским правительством, ни о других политических делах. Особенно стоило, вероятно, его самолюбию обойти молчанием последние два его успеха в области внешней политики: беспрепятственное со стороны австрийского правительства заявление венским католическим съездом протеста против захвата Рима Италией, состоящей однако в союзных отношениях к Австро-Венгрии, и такое же заявление, сделанное партией центра в германском рейхстаге по случаю сочувственной демонстрации королю Гумберту и итальянским палатам. Осмотрительность папы по отношению к нашим делам, без сомнения, находится в прямой связи с тяжелым впечатлением, произведенным на него только что состоявшеюся

поездкою короля Италии в Берлин и демонстративными доказательствами прочности союза, гарантирующего права последнего на Рим и сохранение нынешнего порядка вещей.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXIII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Копия

1 ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Получено 27 июня 1889 г.

№ 8.

Рим, 23 июня/5 июля 1889 г.

М. г. Николай Карлович,

Папа Лев XIII не ограничился одним дипломатическим протестом против оскорбления, усмотренного им в торжественном открытии в Риме памятника философу-еретику Джордано Бруно. В воскресенье, 30 июня, он созвал чрезвычайную секретную консисторию и обратился к кардиналам с препровождаемою при сем, в переводе, аллокуциею, которая затем торжественной форме протеста папы не прибегали с конца XVI в., когда Сикст V уничтожил прежний политический характер консисторий и учредил существующие поныне конгрегации. В этом необычайном факте сказывается крайнее раздражение Ватикана. Отношения папы к квириналу в настоящую минуту достигли высшей, со времени захвата Рима, степени натянутости. По вполне достоверным сведениям в последнее время в Ватикане серьезно обсуждался вопрос о могущей представиться со дня на день необходимости для папы покинуть Рим. Как сам Лев XIII, так и стагс-секретарь его настроены весьма пессимистически. По их мнению, итальянское правительство доказало, что оно не желает или не может обеспечить истинную свободу и достоинство верховного главы католичества, и вышесказанная необходимость может наступить при первом новом оскорблении. Оставление папою Рима явится еще более настоятельным в случае европейской войны с участием Италии, которая при первом самостоятельном шаге курии, не задумается объявить последнюю внутренним врагом государства и нарушить последние гарантии ее независимого существования. Я уже имел случай указывать на то, что Лев XIII, живущий в замкнутой и искусственной атмосфере и особенно преданный высшим политическим комбинациям, твердо убежден в неминуемости близких международных замешательств, и что убеждение это руководит всеми его действиями и решениями. Настроение это, как я мог убедиться, еще более развилось за последние месяцы, и кардинал Рамполла не стесняется говорить, что по имеющимся у него данным кризис наступит не позже будущего ноября. Тревоги Ватикана настолько реальны, что, как мне положительно известно, возможность отъезда папы из Рима обсуждается не только с теоретической, но также и с практической стороны. Архиепископу барселонскому поручено, под рукою и помимо папского нунция в

¹ Упоминаемое в тексте.

Мадриде, узнать, расположено ли испанское правительство дать папе временное убежище на своей территории. Подобного же рода тайные переговоры повидимому ведутся с княжеством Монако. Существует также мысль, поддерживаемая группою итальянских кардиналов, хотя и непримиримых, но противящихся отъезду из Рима, обратиться к европейским державам с требованием объявить и гарантировать нейтралитет территории, занимаемой ватиканскими дворцами. Как ни странным может казаться все вышеизложенное, я вполне могу ручаться, что оно в самом деле служит предметом забот и дипломатической деятельности курии.

Уверенность в близких событиях отражается также и на отношениях Гатикана к нам. Официозным клерикальным органам предписана крайняя сдержанность и осторожность во всех интересующих нас вопросах; ни один из них не упомянул о только что состоявшемся торжестве 50-летнего юбилея воссоединения униатов, чего при обыкновенных обстоятельствах было бы трудно ожидать. Со мною кардинал Рамполла в высшей степени предупредителен и сообщителен и беспрестанно заявляет мне о том, как высоко Лев XIII оценивает «спокойную, независимую и твердую политику России».

Что касается итальянского правительства, то оно не выказывает ни малейшего намерения смягчить свои отношения к Ватикану. Оно указывает на полнейший порядок, при котором совершилось торжество открытия памятника, как на лучшее доказательство безопасности и свободы папы. Оправдывая в парламенте свои действия по отношению к католическим миссиям на Востоке, г. Криспи сделал интересные сообщения о происходивших в 1887 г. попытках сближения между квириналом и Ватиканом и дал ясно понять, что, покуда он будет во главе правления, о подобном сближении, могущем лишь «ограничить свободу действия Италии», не может быть речи. Чтобы усилить произведенное им впечатление, он воспользовался тем, что прения коснулись предпринятой кардиналом Лавижери, под покровительством Льва XIII, кампании против африканского рабства, чтобы бросить Ватикану обвинение в союзе с врагами Италии, приписав при этом алжирскому архиепископу роль политического агента Франции. К настойчивым слухам об отъезде папы из Рима официальная итальянская печать относится спокойно, очевидно не веря их правдоподобности.

А. Извольский

XXIV. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ¹

(Письмо)

Reçue le 23 Juillet 1889.

Rome, le 17/29 Juillet 1889.

Monsieur le Ministre,

Je m'empresse d'exprimer à Votre Excellence ma profonde reconnaissance pour la gracieuse autorisation qu'Elle a bien voulu me donner de faire une courte absence de Rome. Je compte partir incessamment, et je suis obligé d'avouer que je suis bien aise de me soustraire pendant quelque temps aux

¹ На полях отметка о представлении копии этого письма царю; первый абзац, однако, подчеркнут карандашом.

continuelles instances du Cardinal Secrétaire d'Etat dont j'ai beaucoup de peine à contenir l'impatience, je dirai même la mauvaise humeur. Le fait que le plan d'action que je me suis permis de soumettre au P^{re} Cantacussène-Speransky a été approuvé en principe me donne meilleur espoir pour l'avenir, mais il se passera forcément quelques semaines avant que je ne reçoive des instructions en conséquence.

La question du départ du Pape, si brusquement jetée sur le tapis, continue à agiter ici les esprits. J'ai cru devoir signaler au Ministère Impérial ce que les bruits répandus à ce sujet avaient de sérieux. On s'est réellement occupé de cette éventualité dans les Conseils de Léon XIII et le Gouv^t. Italien, malgré l'indifférence qu'il affecte, n'a pas pu ne pas s'en émouvoir. Le Cardinal Rampolla, très prudent et réservé dans ses paroles, m'a dit qu'en cas de guerre Européenne dans laquelle l'Italie serait impliquée, le départ du Pape de Rome deviendrait une nécessité inéluctable¹. «Mais cette nécessité, ajouta-t-il, peut aussi se présenter avant même que la paix ne soit troublée, si le Gouv^t. Italien persévère dans sa politique actuelle vis-à-vis du St. Siège. Le Saint Père se réserve de juger du moment précis où ce pénible devoir s'imposera à sa conscience, mais l'état actuel des choses l'oblige à considérer avec fermeté cette possibilité, pour ne pas dire probabilité. Pour ce qui est du pays où le Pape chercherait un asile, tout semble indiquer l'Espagne, mais on est très réservé sur ce point et je ne sais rien de positif sur les démarches qui auraient été faites, à ce qu'on dit, à ce sujet à Madrid. Le Card. Rampolla m'a dit aussi que Mr. Crispi faisait étroitement surveiller le Vatican, craignant un départ subit et secret, et que dans l'entourage du Pape on admettait la possibilité d'un empêchement matériel de ce côté.

Le Gouv^t. Italien dissimule à grand peine la nervosité que lui cause tout ce bruit. Sa thèse constante a été que la question Romaine est une question intérieure, et il a extrêmement peur de tout ce qui pourrait lui donner un caractère d'actualité internationale. On peut donc supposer qu'il se gardera de pousser le Pape à bout et qu'il tâchera d'éviter une extrémité fâcheuse. La «Riforma» organe attitré de Mr. Crispi a publié une série d'articles tendant à démontrer que le départ du Pape serait surtout désastreux pour le St. Siège qui perdrait par cet appel à l'intervention étrangère toute influence en Italie et une grande partie de son prestige dans le reste du monde. En cas de guerre le Gouv^t. Italien est préparé à voir son adversaire (la France dans l'espèce) jouer la «carte Papaline». Aussi la presse italienne dénonce-t-elle déjà le Gouv^t. Français comme étant l'instigateur des velléités du Pape.

Rome a eu aussi sa semaine de bruits belliqueux. Pendant que Mr. Crispi affirmait sa fidélité vis-à-vis des Puissances alliées en fermant la société irrédentiste «Trieste et le Trentin», le public se laissait sérieusement alarmer par les soi-disantes intrigues attribuées à la France au Vatican et par la baisse subite des valeurs italiennes à la bourse de Paris. L'inquiétude est entretenue aussi par des bruits d'armements surtout dans le département de la marine Italienne.

J'ai l'honneur d'être... etc.

A. Iswolsky

¹ Слова, напечатанные в разрядку, подчеркнуты в подлиннике.

Г. министр,

Спешу выразить в-пр-ству мою глубокую признательность за милостивое разрешение, которое вы сообразовали мне дать на кратковременную отлучку из Рима. Я рассчитываю отправиться незамедлительно и должен признать, что я весьма рад избавиться на некоторое время от непрекращающейся настойчивости кардинала статс-секретаря, нетерпение, могу сказать, даже раздражение которого я с трудом сдерживаю. Тот факт, что план действий, который я позволил себе представить князю Кантакузену-Сперанскому, в принципе одобрен, дает мне надежду на лучшее будущее, но пройдет неизбежно несколько недель раньше, чем я получу соответствующие инструкции.

Вопрос об отъезде папы, столь внезапно возникший, продолжает волновать здесь умы. Я счел долгом осведомить императорское министерство о том, насколько слухи, распространившиеся по этому поводу, имеют за собою основание. Этой возможностью действительно заняты советники Льва XIII, и итальянское правительство, вопреки афишируемой им индифферентности, не могло быть не взволновано ими. Кардинал Рамполла, очень осторожный и скупой на слова, сказал мне, что в случае европейской войны, в которую была бы втянута Италия, отъезд папы из Рима делается *неустрашимой необходимостью*. «Но эта необходимость,—добавил он,—может также представиться даже и раньше чем мир будет нарушен, если итальянское правительство будет продолжать теперешнюю свою политику по отношению к св. престолу. Св. отец оставляет за собой окончательный выбор момента, когда этот тяжкий долг будет продиктован его совестью, но настоящее положение вещей вынуждает его твердо считаться с этой *возможностью*, чтобы не сказать *вероятностью*. Что касается вопроса о стране, в которой папа найдет себе убежище, то все говорит за то, что ею будет Испания; в этом вопросе, однако, соблюдается большая осторожность, и я не знаю ничего положительного относительно представлений, которые, как говорят, будто бы были сделаны по этому поводу в Мадриде. Кардинал Рамполла сказал мне также, что Криспи зорко наблюдает за Ватиканом, опасаясь внезапного и тайного отъезда, и что в кругах, близких к папе, считаются с возможностью физического препятствия с этой стороны.

Итальянское правительство с большим трудом скрывает нервозность, которую причиняют ему эти слухи. Его неизменная точка зрения — что римский вопрос есть внутренний вопрос, и оно чрезвычайно опасается всего, что могло бы придать ему характер международно-актуального вопроса. Можно предполагать даже, что оно воздержится от того, чтобы доводить папу до крайности, и постарается избежать нежелательного обострения вопроса. «La Riforma» — официальный орган Криспи — опубликовал ряд статей, стремящихся показать, что отъезд папы был бы прежде всего гибельным для самого св. престола, который потерял бы, вследствие этого обращения к иностранному вмешательству, всякое влияние в Италии и большую часть своего престола в остальном мире. Итальянское правительство подготовлено к тому, что в случае войны его противник

(имеется в виду Франция) поставит ставку на «Ватиканскую карту». Итальянская печать указывает уже теперь на французское правительство, как на вдохновителя замыслов папы.

Рим также имел свою неделю воинственных слухов. В то время как Криспи подтверждал свою верность союзным державам, закрывая ирредентистское общество, «Триест и Трентино», общественное мнение было серьезно встревожено так наз. интригами, ведущимися будто бы Францией в Ватикане, и внезапным понижением итальянских ценностей на парижской бирже. Беспокойство питалось также слухами о вооружениях, особенно в итальянском морском министерстве.

Имею честь быть и т. д.

А. Извольский

XXV. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

Rome, le 12/24 Mars 1890.

Monsieur le Ministre,

Au cours de notre dernier entretien, le Cardinal Secrétaire d'Etat m'a parlé de l'impression produite sur le Pape par la retraite du Prince de Bismark. — Votre Excellence voudra bien se rappeler que j'ai eu plusieurs fois l'occasion de constater les idées pessimistes de Léon XIII au sujet de la situation Européenne; convaincu de l'imminence d'une crise générale, il est surtout préoccupé d'assurer au St. Siège le moyen de tirer profit des événements attendus. Les récentes élections en Allemagne, si favorables au «centre» Catholique, avaient causé au Pontife la plus vive joie: le St. Siège allait entrer dans une nouvelle ère de compromis et d'arrangements avec le Chancelier, plus que jamais obligé de compter avec le parti de Mr. Windhorst. On semblait y préluder du côté de l'Allemagne, par des politesses à l'adresse du Vatican à l'occasion de la réunion de la Conférence ouvrière. Mr. de Schlözer était déjà chargé télégraphiquement d'inviter le Pape à envoyer un représentant à cette Conférence, lorsqu'on apprit à Berlin, par une voie détournée que cette invitation serait déclinée, le St. Siège ne voulant pas se rencontrer officiellement avec l'Italie. La démarche prescrite au Ministre Prussien fut suspendue, mais il y eut échange de lettres courtoises entre l'Empereur Guillaume et le Pape, et l'Evêque de Breslau Mgr. Kopp, auquel on avait d'abord pensé pour représenter la Curie Romaine, fut désigné par le Gouv't. Allemand lui-même pour prendre part aux travaux de la Conférence. La retraite du Pape de Bismark est venue subitement renverser les calculs de Léon XIII. «Le Pontife», m'a dit le Cardinal Rampolla, «non seulement déplore cette retraite au point de vue des intérêts immédiats du St. Siège, mais il la considère aussi comme une très grave menace pour la paix Européenne; il a la conviction, basée sur des renseignements soigneusement recueillis et contrôlés, qu'il s'agit beaucoup moins de dissensions entre l'Empereur et le Chancelier au sujet de questions de politique intérieure, que de la lutte, datant déjà de loin, entre le parti pacifique et celui de la guerre. La victoire étant restée au second, les complications les plus sérieuses sont à craindre à très brève échéance. Le Pape en est tellement persuadé, qu'il n'hésite pas à attribuer au voyage du Général de Waldersée en

Italie un but militaire nettement déterminé. Bref, la situation Européenne se présente en ce moment à l'esprit du Pape comme étant excessivement tendue et périlleuse».

Je me rends parfaitement compte que le vieux Pontife vit dans une atmosphère trop factice et est trop porté à faire de la diplomatie dans le vide pour qu'il soit nécessaire d'attribuer beaucoup d'importance à ses opinions sur les événements courants; néanmoins les alarmes de Léon XIII m'ont paru assez curieuses pour me décider à les porter à la connaissance de Votre Excellence. Quelle que soit leur valeur, elles semblent être sincères; elles peuvent avoir aussi une certaine portée pratique au point de vue de nos affaires avec le Pape, toujours plus disposé à une attitude conciliante envers nous lorsqu'il se croit à la veille de complications internationales.

J'ai l'honneur etc.

A. Iswolsky

ПЕРЕВОД

Рим, 12/24 марта 1890 г.

Г. министр,

Во время нашей последней беседы кардинал государственный секретарь говорил о впечатлении, произведенном на папу отставкой князя Бисмарка. В. в.-пр-ство благоволит вспомнить, что я несколько раз имел случай отмечать пессимистические суждения Льва XIII относительно европейского положения: уверенный в неминувости всеобщего кризиса, он стремится главным образом обеспечить св. престолу возможность извлечь выгоду из ожидаемых событий. Последние выборы в Германии, столь благоприятные для католического «центра», доставили ему живейшую радость: св. престол готов был вступить в новую эру компромиссов и соглашений с канцлером, обязанным более чем когда-либо считаться с партией Виндхорста. Казалось, это именно и было начато со стороны Германии любезностями по адресу Ватикана по поводу открытия конференции по рабочему вопросу. Фон Шлецер был уже телеграфно уполномочен пригласить папу послать своего представителя на эту конференцию, когда в Берлине узнали окольным путем, что это приглашение будет отклонено папой, так как св. престол не желает встречаться официально с Италией. Соответствующее предписание прусскому посланнику было отменено; однако состоялся обмен любезными письмами между императором Вильгельмом и папой, и бреславльский епископ Копп, которого вначале считали вероятным представителем римской курии, был приглашен самим германским правительством участвовать в работах конференции. Отставка князя Бисмарка внезапно опрокинула расчеты Льва XIII. «Папа, — сказал мне кардинал Рамполла, — не только огорчен этой отставкой с точки зрения непосредственных интересов св. престола, но он рассматривает ее также, как весьма серьезную угрозу для европейского мира: он убежден, основываясь на сведениях, тщательно собранных и проверенных, что дело идет в значительно меньшей степени о разногласиях между императором и канцлером по вопросам внутренней политики, чем о борьбе, уже давно начавшейся между пацифистской и военной партиями. Так как победа осталась за последней, следует опасаться в ближайшем будущем самых серьезных осложнений. Папа настолько в этом убежден, что не колеблется приписывать поездке генерала Вальдерзе в Италию весьма

определенную военную цель. Короче, европейское положение представляется в настоящее время папе чрезвычайно острым и опасным.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что престарелый глава церкви живет в очень искусственной атмосфере и слишком склонен заниматься дипломатией в безвоздушном пространстве, чтобы надо было придавать важное значение его мнениям по поводу текущих событий; тем не менее тревоги Льва XIII представляются мне достаточно интересными, чтобы побудить меня довести о них до сведения в. в-пр-ства. Каков бы ни был их вес, они представляются искренними; они могут также иметь известное практическое значение с точки зрения наших взаимоотношений с папой, более склонного к уступчивой позиции по отношению к нам всякий раз, когда он верит в непосредственную близость международных осложнений. Имею честь быть и т. д.

А. Извольский

XXVI. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

Получено 9 июня 1891 г.

Рим, 4, 16 июня 1891 г.

М. г. Николай Карлович,

Столкновение между латинским и греческим духовенством в Вифлееме, как и следовало ожидать, произвело в Ватикане большое волнение. Беспокойство кардинала статс-секретаря достигло крайнего предела под влиянием газетных слухов, будто бы французское правительство, в угоду России, готово отказаться от своего права протектората над р.-католическими миссиями на Востоке. На кардинала Рамполла, по имеющимся у меня достоверным сведениям, произвели также большое впечатление кое-какие двусмысленные замечания австро-венгерского посла, графа Ревертера, который как будто придавал серьезное значение вышесказанным слухам. В прошлую субботу французский посол при Ватикане получил от г-на Рибо депешу по вопросу о вифлеемском столкновении с приказанием сообщить содержание оной папскому двору. Граф Лефевр очень обязательно прочел мне текст этой депеши; в ней вкратце излагается самое происшествие, затем говорится о предпринятых графом Монтебелло в Константинополе шагах и, наконец, о результатах, достигнутых настояниями французского правительства. Тон депеши весьма деловой и умеренный, и в ней ни разу не упоминается ни о России, ни о русских представителях. Последствием французского вмешательства, по словам г-на Рибо, является признание за Вифлеемскими францисканами принадлежащего им «*ab antiquo*», права пользоваться спорным проходом, причем оговорено, что в некоторых исключительных случаях туда допускается, с их согласия, и греческое духовенство. Граф Лефевр в тот же день письменно сообщил содержание этой депеши кардиналу статс-секретарю и сегодня, в личной беседе, рассеял опасения последнего касательно политических последствий настоящего инцидента. В разговорах со мною кардинал Рамполла вовсе не касался вифлеемского дела; подробности столкновения известны курии из непосредственного донесения францисканского «*Custode*» в Вифлееме, адресованного конгрегацией пропаганды.

Немецкие газеты настойчиво говорили о неминуемой будто бы отставке прусского посланника при ватиканском дворе, г-на Шлецера, вследствие

неудачи последних переговоров его с куриєю. Насколько мне известно, слух этот не подтверждается, но с другой стороны вполне справедливо, что г-ну Шлесеру до сих пор еще не удалось окончить дела о познанской кафедре. Кроме того, я знаю из верного источника, что прусскому посланнику было поручено испросить пожалование кардинальского достоинства бреславльскому епископу Коппу и что он получил от папы категорический отказ. Епископ Копп играл большую роль во время переговоров между князем Бисмарком и Ватиканом об отмене майских законов, причем он энергично действовал в пользу интересов прусского правительства (в особенности по вопросу о так наз. «Anzeigesplicht»). Депешою от 5/17 ноября 1890 г. за № 14 я имел честь доносить о циркуляре его в пользу употребления немецкого языка в силезских церквах и школах, навлекшем неудовольствие курии. Положение, принятое им в вопросе о возвращении римско-католическому духовенству так наз. «Sperrgelder», очень не нравится партии центра; совокупность этих причин привела к отказу курии—дело о кардинальской шляпе Коппа держится германским правительством в большом секрете и отказ папы, кажется, произвел в Берлине очень неблагоприятное впечатление.

Кардинал Рамполла рассказал мне сегодня, что папа получил на днях из Триеста адрес, подписанный несколькими представителями тамошних евреев, с просьбою вступить за их соплеменников, якобы терпящих гонения в России; этот адрес, по словам кардинала, натурально оставлен без ответа.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXVII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

Получено 7 июля 1891 г.

Рим, 3/15 июля 1891 г.

М. г. Николай Карлович,

Имеющиеся у меня достоверные сведения позволяют мне вполне подтвердить то, что я имел честь доносить в в-пр-ству касательно положения, занятого папою по отношению к факту возобновления тройственного союза. Он считает, что этот союз направлен к поддержанию в Италии политического порядка, противного правам и интересам св. престола, и не считает нужным скрывать своего нерасположения к сказанной системе. Мне известно из верного источника, что в последнее время, по крайней мере, одним из представителей центральных держав, а именно, австрийским послом была сделана попытка разъяснить в Ватикане, что тройственный союз не имеет никакого враждебного характера по отношению к курии и что поэтому напрасно последняя испытывает опасения и ищет опоры во Франции. Поводом к этим объяснениям послужила статья «Osservatore Romano», о которой упоминается в моем последнем письме.

По имеющимся у меня сведениям, кардинал Рамполла отвечал с большою твердостью, что курия не может смотреть на союз Австрии и Германии с Италией иначе, как на политическую комбинацию, противную требованиям и интересам св. престола. По слухам, венский нунций монс-р Галимберти также вполне бесплодно употребил много усилий на то, чтобы уверить Льва XIII в возможности получить от австрийского и германского

правительств достаточные гарантии в безвредности трояственного союза.

Французский посол, имевший на-днях частную аудиенцию у папы, рассказал мне, между прочим, что Лев XIII выказал ему чрезвычайный интерес к политическим событиям последних недель; он расспрашивал его обо всех подробностях предстоящего посещения Кронштадта французскою эскадрою и выражал с большою откровенностью и живостью свое мнение о вопросах текущей политики.

Несмотря на чрезвычайную жару и на испытанные им в последнее время тягостные волнения вследствие финансовых потерь, улучшение в здорoвьи Льва XIII поддерживается.

Примите и проч.

А. Извольский

XXVIII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Получено 24 ноября 1891 г.

Рим, 19 ноября/1 декабря 1891 г.

№ 37

Секретно

М. г. Николай Карлович,

Между прусским правительством и куриєю только что состоялось соглашение касательно замещения оставшейся столь долгое время вакантной познанской архиепископской кафедры. Считая излишним излагать весь ход этого дела, о котором я неоднократно имел честь доносить императорскому министерству, припомню только, что два месяца тому назад, в начале сентября, благополучный исход происходивших об оном переговоров представлялся крайне неправдоподобным. Курия настаивала на том, что познанский архиепископ непременно должен принадлежать к польской национальности; не противясь этому в принципе, прусское правительство отвергало одного за другим представлявшихся ему капитулом кандидатов. Догадка о причинах внезапной уступчивости Пруссии, выраженная мною в письме моем от вчерашнего числа, на основании косвенных сведений, вполне подтверждается тем, что я только что слышал от самого статс-секретаря. Кардинал Рамполла, расположенный к откровенности принесенною мною приятною вестью об окончании мюглевского вопроса, объяснил мне это дело следующим образом: с одной стороны, император Вильгельм, по его словам, убежден, что теперь, более чем когда-либо, необходимо дать удовлетворение национальному чувству немецких поляков, дабы иметь их на своей стороне в случае столкновения с Россией.

С другой стороны, для статс-секретаря совершенно ясно, что примирительные инструкции были даны г-ну Шлецеру и гр. Ревертера ввиду недоразумения, возникшего между куриєю и французским правительством, и в надежде подвинуть этим папу на перемену его международной политики. «Как объяснить иначе, — прибавил кардинал, — что, почти день в день с сообщением прусского правительства, мы были обрадованы неожиданным разрешением почти столь же затруднительного вопроса о венгерском примере». Я не преминул воспользоваться столь редким настроением обыкновенно весьма сдержанного статс-секретаря, чтобы обратить его вни-

мание на впечатление, произведенное на нашу печать и публику выбором монс-ра Стаблевского на познанскую кафедру; кардинал вполне сознался, что новый архиепископ имеет репутацию «боевого» польского прлзета, «militant», но в то же время, по его уверению, он обладает всеми качествами настоящего государственного человека и далек от бессмысленных увлечений польских патриотических кружков. В качестве депутата, и в особенности во время последнего католического съезда в Германии, монс-р Стаблевский имел случай высказать весьма разумные политические убеждения, что и повело будто бы к тому, что император Вильгельм дал согласие на его назначение. Принимая эти заявления к сведению, я не преминул объяснить кардиналу, что у нас без сомнения будут внимательно следить за деятельностью нового познанского архиепископа, и что курия не должна терять этого из виду.

Продолжая разговор на эту тему, я воспользовался этим случаем, чтобы разузнать о подробностях дошедшего до меня сведения о получении кардиналом Ледоховским от прусского правительства весьма крупной денежной суммы (насколько я слышал, 600 или 800 тысяч марок) в возврат следуемых ему так называемых «Sperrgelder», причем я не скрывал от кардинала, что мне невольно приходит в голову мысль, что эти деньги будут употреблены на политические цели. Стаст-секретарь вполне подтвердил приведенный мною факт, относя его к прошлому лету, но сказал мне, что размеры суммы ему не известны. Что касается до ее употребления, то он знает, что кардинал Ледоховский предоставил ее, во всем ее объеме, в распоряжение познанской метрополии на «нужды благотворительности». «Это, позволил я себе заметить, нисколько не успокаивает меня на счет действительного употребления этой суммы».

Преконизация монс-ра Стаблевского состоится в ближайшей консистории, назначенной на 14 и 17 декабря. В той же консистории будут преконизованы примас Венгрии (архиепископ гранский) монс-р Вассари, и архиепископ калочский (также в Венгрии) монс-р Часка.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXIX. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

6 января 1892 г.

Копия

Рим, 30 декабря 1891 г./11 января 1892 г.

М. г. Николай Карлович,

На прошлой неделе я был принят папою в особой аудиенции для принесения ему обычных поздравлений по случаю нового года и рождественских праздников. Я нашел Льва XIII необыкновенно бодрым и оживленным, несмотря на то, что приемы чередовались у него с раннего утра и что только что передо мною он более часа разговаривал с французским послом. С первых же слов папа, очевидно еще находившийся под впечатлением этого разговора, начал говорить мне о горе и опасениях, причиняемых ему усилиями крайних французских партий возбудить борьбу с курией, и о своем твердом намерении употребить все средства, чтобы удержать французское правительство от этой ошибки. «Ваши ин-

тересы в этом отношении вполне тождественны с интересами св. престола, — сказал он, — ибо и мы и вы должны желать торжества во Франции умеренно-консервативных элементов, которые одни могут дать этой стране силу, спокойствие и благоденствие. Вследствие этой солидарности я особенно дорожу хорошими отношениями с Россией и, более чем когда-либо, желал бы видеть при себе официального русского представителя; я знаю, с каким уважением относятся к императорскому правительству в Париже и, если бы русский император оказал мне этот знак внимания, это увеличило бы мой престиж в глазах французских министров и могло бы облегчить мне мою задачу. Граф Лефевр только что дал мне много добрых уверений, но этого недостаточно, и французское правительство должно доказать на деле, что оно желает и способно обеспечить религиозный мир, столь необходимый для величия Франции».

Будучи заранее приготовленным выслушать от папы настояние об официальном представителе, о котором он никогда не забывает упомянуть, я тотчас же постарался дать разговору другое направление. Аудиенция моя продолжалась около получаса. Лев XIII с большим участием расспрашивал меня о бедствиях, причиненных неурожаем, и о деятельности высочайше учрежденного, под председательством его императорского высочества наследника цесаревича, особого комитета, призывая на его начинания божественное благословение.

Кардинал Рамполла еще не вполне оправился от серьезного припадка инфлуэнцы, который одно время даже внушал опасения за его жизнь. Теперь ему гораздо лучше, но он еще никого не принимал, кроме французского посла, с которым он непременно хотел видиться даже раньше, чем встать с постели.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXX. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Депеша)

Копия

16 августа 1892 г.

Рим, 11/23 августа 1892 г.

№ 26

Секретно

М. г. Николай Карлович,

При донесениях от 15/28 июля и 11 августа минувшего года за № 24, 25 и 28 я имел честь представить на благосклонное усмотрение императорского министерства подробный разбор вероятных условий, при которых должно состояться будущее папское избрание. С тех пор престарелому Льву XIII прибавился еще год и, хотя состояние его здоровья не внушает покуда никаких опасений, в ватиканских сферах все более и более чувствуется неизбежность близкого конклава. Сложная подготовительная деятельность членов священной коллегии весьма мало поддается наблюдению, а масса распространяемых на этот счет слухов и рассказов способна лишь еще более запутать вопрос.

Поэтому я считаю долгом ограничиться изложением лишь главных

и вполне достоверных перемен, происшедших в положении дела со времени вышесказанных моих донесений.

В общих чертах партии, на которые распадаются будущие избиратели, и отношение их к различным вопросам, сопряженным с папским избранием, остаются без изменения. Главным спорным пунктом продолжает служить будущность отношений св. престола с итальянской королевскою властью. При этом, как и год тому назад, чисто римская, непримиримая партия пользуется симпатиями Франции, тогда как державы, входящие в состав тройственного союза, желали бы видеть на папском престоле сторонника примирительной партии, представителями которой являются, главным образом, кардиналы, занимающие провинциальные епископские кафедры. Но как в численном, так и в качественном отношении партии эти подверглись довольно серьезным изменениям.

Прежде всего необходимо отметить небывалое число вакансий в священной коллегии; наличное число кардиналов в настоящее время сводится к 52. Следовательно, до полного комплекта 70 шляп не достаёт 18, чего не случалось за целое столетие. Сам по себе факт этот имеет значение уже потому, что он облегчает составление избирательного большинства и открывает большой простор личной интриге. Но здесь ещё более обращают внимание на то обстоятельство, что из 52 кардиналов только 30 итальянцев, а 22 распределяются следующим образом между различными иностранными национальностями: 6 французов; 3 австрийца; 3 испанца; 2 португальца; 2 англичанина; 1 бельгиец; 2 американца; 2 германца и 1 поляк (Ледоховский). Хотя на стороне иностранцев и не существует настоящего численного перевеса, подобный состав священной коллегии возбуждает большие опасения в среде итальянских кардиналов, так как формирование необходимого большинства двух третей голосов, по необходимости, будет зависеть от той или другой иностранной группы.

Замечательно, что опасения эти высказываются не только клерикалами, но и в либеральных итальянских сферах: так, один из наиболее распространенных либеральных органов, «*Popolo Romano*», призывает бдительность итальянского правительства на опасность иностранного влияния в конклаве. Между тем число иностранных кардиналов вскоре должно ещё несколько увеличиться. Франция имеет весь свой традиционный комплект 6 кардиналов; несмотря на это, французский посол надеется выхлопотать ещё одну, а может быть и две шляпы, на том основании, что алжирский примас не должен входить в этот комплект и что ныне нет ни одного французского кардинала «*di Curia*», т. е. имеющего резиденцию в Риме. Австрия, напротив того, располагает, в настоящее время, лишь тремя шляпами и заявляет претензию на замещение вакансий, открывшихся со смертью кардиналов Симора, Гайнальда, Михайловича и, наконец, несколько дней тому назад, — Фюрстенберга. Повидимому в Вене очень озабочены слабостью австрийских голосов в священной коллегии в сравнении с французскими, и австрийский посол прилагает усиленные старания к тому, чтобы добиться назначения нескольких кардиналов. Насколько мне известно, гр. Ревертера удалось получить окончательное обещание лишь относительно венгерского примаса монс-ра Васари. Об остальных вакансиях продолжают конфиденциальные переговоры. Наконец, идет речь о назначении ещё одного английского и одного немецкого кардинала. Относительно последнего повидимому существует неко-

торое разногласие между прусским правительством, желающим назначения бреславльского епископа, монс-ра Коппа, и папою, склоняющимся в пользу кельнского архиепископа, монс-ра Кременца. Считаю нелишним прибавить, что, в случае внезапной кончины Льва XIII, конклав вряд ли может рассчитывать на присутствие обоих американских кардиналов и австрийского примаса. Из числа иностранных избирателей надо также исключить двух кардиналов, лишившихся умственных способностей: Гонзалеса и Говарда.

Что касается до итальянских кандидатов на кардинальское звание, до сих пор нельзя назвать с полною достоверностью ни одного имени. Надо полагать, что брожение, вызванное в среде высшего духовенства последними смелыми шагами Льва XIII в области внешней политики, весьма затрудняет выбор подходящих лиц. Неизвестно даже с точностью, когда будет консистория для назначения новых кардиналов. По имеющимся у меня сведениям, несмотря на все настояния своих советников, папа отказывается спешить [с] этим делом и консистория не состоится ранее конца нынешнего года. Более всего говорят о назначении монсиньоров: *Персико* (секретарь пропаганды), *Сатолли* (дир. дух. академии), *Моченнио* (помощник статс-секретаря); в особенности же двух нунциев: мадридского, монс-ра *ди Пиетро* и венского, — монс-ра *Галимберти*. Особенно много толков возбуждает последняя кандидатура. Монс-р Галимберти — в высшей степени даровитая и выдающаяся личность, и вступление его в священную коллегияу будет иметь большое влияние на ход избирательной борьбы. Одно время он стоял очень близко к папе и пользовался большим его доверием. Специальностью его была организация католической печати и полемика в иностранных газетах. С переменою, происшедшею в последние годы в направлении внешней политики Льва XIII, влияние монс-ра Галимберти значительно упало. Он слывет открытым сторонником примирения с Италией и сближения с державами тройственного союза. Между ним и статс-секретарем существует едва скрываемая вражда. Если монс-р Галимберти и получит кардинальскую шляпу в ближайшей консистории, можно быть заранее уверенным, что кард. Рамполла настоит на том, чтобы он остался еще возможно долее в Вене, с титулом пронуция, лишь бы он был удален от папского двора. Кроме статс-секретаря он имеет в Риме еще много других страстных врагов, которые всеми силами стараются помешать его возвышению. Многие советники папы возражают против его кандидатуры, указывая на хорошо известные его нравственные недостатки и двусмысленное прошлое. Но главные деятели непримиримой партии, кардиналы Монако, Орелья и Ледоховский, отдавая себе отчет в его таланте и влиянии, как мне известно из достоверного источника, сделали недавно попытку привлечь его на свою сторону. Уверяют, что монс-р Галимберти отклонил эти предложения и категорически заявил по этому случаю о своих политических убеждениях, идущих совершенно в разрез с взглядами римской партии; если он одержит верх над своими врагами и еще при жизни Льва XIII вступит в священную коллегияу, он без сомнения явится в будущем конклаве главным вожаком примирительной партии и другом тройственного союза. Партия эта в последнее время потерпела весьма чувствительные потери со смертью туринского архиепископа кардинала Алимонда и, в особенности, — болонского архиепископа кардинала Батальини, в пользу которого, главным образом, высказывались симпатии

либеральной Италии. Непримируемая партия продолжает располагать весьма значительными силами; в среде ее происходит деятельная организационная работа. Первое место в ней, более чем когда-либо, принадлежит — кардиналу Монако-ла-Валетта, который состоит в тесном союзе с кардиналами Орелья и Ледоховским. Триумvirат этот будет, бесспорно, играть первенствующую роль в конклаве. Личные шансы кардинала Ледоховского на тиару, по моему скромному мнению, за последнее время не увеличились. Как префект пропаганды, он успел возбудить против себя много неудовольствия, преимущественно в среде низшего состава этой конгрегации; но влияние его в священной коллегии продолжает постепенно возрастать и он, очевидно, рассчитывает играть роль так наз. «Gran Elettore» будущего папы. Это тем более прискорбно, с нашей точки зрения, что, в таком случае, он легко может приобрести решающий голос при назначении статс-секретаря и, вообще, влияние на направление внешней политики нового папы. Устранение воздействия кардинала Ледоховского на ход будущего конклава представляется мне, более чем когда-либо, делом едва ли выполнимым. Единственное, хотя бы несколько пригодное к этому, средство, на которое я позволил себе указать императорскому министерству, а именно, соглашение с французским правительством, даже если бы оно и могло состояться, теряет, при нынешних обстоятельствах, большую долю своей действительности. Острая борьба, возгоревшаяся в течение последнего года между правительством республики и высшим французским духовенством, глубоко изменила положение французского посольства при Ватикане. Как мною уже было замечено, степень послушания французских кардиналов внушениям их правительства всецело зависит от характера отношений, в данную минуту, между церковью и государством, и вполне очевидно, что духовные лица, только что выдержавшие нынешнюю борьбу, не будут считать себя связанными правительственными инструкциями. Лично гр. Лефевр продолжает пользоваться большим доверием курии, отдающей полную справедливость его примирительным стараниям, но, по собственному его признанию, положение, занятое его правительством, значительно парализует его влияние. В общем, голоса французских кардиналов остаются все на той же стороне и заранее обеспечены непримиримой партией, но, практически, они уже вряд ли будут действовать под непосредственным наблюдением гр. Лефевра, содействие которого является для нас гораздо менее драгоценным и действительным. Тем не менее я продолжаю смотреть на мои личные отношения с французским послом, как на единственно возможную для меня точку опоры среди разнообразных течений, вызываемых здесь близостью конклава, и прилагаю все усилия к тому, чтобы поддерживать в нем хорошо известные мне симпатии его к нашим политическим интересам.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

(Депеша)

Получено 11 октября 1892 г.

Рим, 6/18 октября 1892 г.

№ 28

М. г. Николай Павлович,

До моего сведения дошло, что в последнее время было сделано несколько энергических попыток побудить папу к неприязненным действиям против императорского правительства. Слух об этом проник даже в либеральную итальянскую прессу; так в газете «l'Italie» появилось известие, что несколько французских легитимистов вместе со многими поляками обратились ко Льву XIII с запискою, в которой описываются преследования, которым, будто бы, подвергаются в настоящее время в России католики. О другой попытке повредить нашим отношениям с курией я имею честь довести до сведения в. п-ства в донесении моем от сего числа за № 29, в котором излагаются старания конгрегации инквизиции обострить вопрос о смешанных браках. Все эти интриги находятся в близкой связи с горячими нападками, которым подвергается вся совокупность нынешней политики Ватикана. Весьма многочисленная партия недовольных, имеющая сильные поддержки в Риме, громко обвиняет Льва XIII в том, что ради преследования миража восстановления светской власти, он пренебрегает интересами католичества во всех странах. Обвинение это особенно резко выражено в весьма ловко и талантливо написанной статье, появившейся в последнем номере английского журнала «Contemporary Review», и наделавшей здесь очень много шума. Автор, притворяющийся послушным ревнителем св. престола, в то же время разоблачает интриги Ватикана против тройственного союза, жалуется на то, что Лев XIII оказывает поддержку антиклерикальному правительству французской республики и вызывает всяческие внутренние затруднения в католической Австро-Венгрии; он уверяет, что, несмотря на неслыханные жестокости, которым, будто бы, подвергаются католики в России, представителю русского правительства оказывается в Ватикане почетный и благодарный прием, тогда как гр. Реввертера, посол наиболее ревностного католического государя, встречает там холодность и недоброжелательство. Статья эта заключает весьма много интересных и частью верных подробностей о закулисной стороне папской политики и, очевидно, написана лицом, хорошо знакомым с делами курии и близко стоящим к официальным австрийским сферам. В Ватикане она возбуждает большой гнев, негодование и тревогу.

Разговаривая со мною об этом предмете, кардинал Рамполла дал мне положительное уверение, что ни ему, ни папе не было до сих пор представлено никакой записки вроде той, о которой напечатано в «l'Italie». Но, вместе с тем, он не отрицал, что с разных сторон производится сильное давление на Льва XIII, чтобы побудить его к более резкой политике по отношению к нам и к примирению с интересами тройственного союза. Что касается до вопросов внутренней политики во Франции, служащих поводом к столь ожесточенным нападкам на курию, статс-секретарь весьма категорически заявил мне, что никакие газетные кампа-

¹ Управл. мин. ин. дел в отсутствие (по болезни) Н. Гирса.

нии не в состоянии изменить плана, принятого папою, и что каждый день до Ватикана доходят новые доказательства, что план этот окончательно торжествует над узкими воззрениями кучки непримиримых легитимистов.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXXII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письмо)

6 ПРИЛОЖЕНИЙ ¹.

С.-Петербург, 10 октября 1893 г.

М. г. Николай Карлович,

При отъезде моем из Рима кардинал статс-секретарь вручил мне две записки, в форме «pro-memoria», в которых изложены различные жалобы, пожелания и заявления римской курии по вопросам, касающимся римско-католической церкви в России. Ваше в-пр-ство изволите вспомнить, что в предыдущих моих донесениях я имел честь неоднократно доводить до сведения императорского министерства о постоянно повторявшихся в течение прошлой зимы попытках польской партии в Ватикане побудить папу Льва XIII к какому-нибудь шагу по вышесказанному вопросу; с этой целью, с одной стороны, в различных выдающихся повременных изданиях был напечатан ряд весьма резких статей, в которых на Льва XIII возводилось обвинение в пренебрежении интересами католической церкви в России, ради чисто политических расчетов и поглощающих его забот о возвращении потерянной светской власти. Параллельно с этим различные польские паломничества и депутации, прибывавшие в Рим из Познани и Галиции по случаю папского юбилея, предавались в Ватикане деятельной антирусской агитации и предъявляли Льву XIII и его статс-секретарю нескончаемые перечни жалоб и нареканий на нашу администрацию. Происки эти пользовались самою деятельною поддержкою со стороны кардинала Ледоховского, влияние которого в Риме, как небыизвестно в. в-пр-ству, за последнее время значительно возросло. Кардинал Рамполла, придающий, в силу принятой им политической программы, большую цену поддержанию с нами хороших отношений, по возможности старался сдерживать и смягчать эти порывы. Так мне известно, что перед каждым приемом польских депутаций он требовал на предварительный просмотр подносимые ими публично папе адреса и исключал из них все могущее нас раздражить. Деятельность польской партии, поддерживаемая всеми противниками нынешнего статс-секретаря, не могла, в конце концов, остаться без влияния на Льва XIII, который приказал поручить чрезвычайной секретной конгрегации разобрать весь представленный поляками материал и обсудить положение русско-католических дел. Об этом распоряжении папы мне было известно из конфиденциального источника; кардинал Рамполла, в разговоре со мною, не отрицал его существования, и я тогда же счел долгом довести об этом до сведения императорского министерства. Конгрегация состоялась в конце и к участию в ней были приглашены кардиналы: Рамполла, Моченни, оба Вану-

¹. Упомянуты в тексте: в деле отсутствуют.

тели; Галимберти, Ледоховский и несколько других, менее выдающихся. Докладчиком был монс-р Ринальдини, только что перед тем назначенный секретарем по чрезвычайным делам, весьма мало знакомый с вопросом и с большим трудом разбиравшийся в массе поступивших от поляков писем, записок, адресов и т. д. О ходе прений в этом совещании до меня дошли некоторые вполне достоверные сведения: самым резким обвинителем против нас выступил, натурально, Ледоховский. Братья Ванутелли, в особенности младший, бывший папским нунцием во время священного коронования их величества, поддерживали умеренные взгляды кардинала Рамполла; а бывший венский нунций Галимберти, считающийся главным противником нынешнего статс-секретаря, сверх ожидания, держался крайне осторожно и весьма мало высказывался. В результате монс-ру Ринальдини было поручено составить вышесказанные записки для представления через мое посредство императорскому правительству, и притом в самое короткое время, так как кардиналу Рамполла было известно о предстоящем отъезде моем в отпуск. Записки эти, которые имею честь при сем представить в. в.-пр-ству под № 1 и 2, вместе со сделанными мною русскими их переводами, заключают в себе довольно бестолковый сбор всяких жалоб и нареканий, носящих, очевидно, польский отпечаток; составлены они крайне неумело, лицом, не имеющим ясного представления о нашем законодательстве, и во многих местах содержат явную путаницу. Принимая во внимание, что, по имеющимся у меня инструкциям, мне предоставлено принимать от курии различного рода заявления, касающиеся римско-католической церкви в России, я счел возможным принять на себя передачу их императорскому правительству. Затем уже во время пребывания моего в Петербурге я получил от кардинала статс-секретаря, чрез посредство агента нашего по духовным делам, в Риме дополнительную записку, представляемую при сем под № 3, также вместе с русским переводом. При каких обстоятельствах и вследствие каких именно новых происков составлена эта дополнительная про-мемория, заключающая дальнейший ряд жалоб и нареканий, мне неизвестно, так как во время отсутствия моего из Рима у меня нет заместителя, могущего продолжать наблюдать за тем, что происходит в Ватикане. Согласно полученному мною словесно от в. в.-пр. предписанию, копии с трех вышесказанных записок переданы мною лично господину директору департамента духовных дел иностранных исповеданий, князю Кантакузену-Сперанскому, от которого я получил уведомление, что заключения и соображения министерства внутренних дел по этому вопросу будут доставлены непосредственно в. в.-пр.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXXIII. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

20 ноября 1894 г.
№ 52

Рим, 15/27 ноября 1894 г.

М. г. Николай Карлович,

Я не преминул поставить кардинала статс-секретаря в известность о содержании циркулярной депеши в. в.-пр-ства от 28 октября, прося его довести до сведения папы изложенные в ней начала, полагаемые державною волею государя императора в основание внешних сношений России.

В Ватикане, как и всюду в Европе, заявления императорского правительства произвели самое отрадное впечатление, и кардиналу Рамполла поручено выразить мне от имени его святейшества чувства искреннего доверия и сочувствия к остающемуся неизменным прямодушному и миролюбивому направлению русской политики.

Лев XIII, отличающийся более политическим, чем религиозным складом ума и постоянно стремящийся играть деятельную роль в международной политике, занял, как известно, вполне определенное положение по отношению к нынешней группировке европейских держав. Побуждаемый, главным образом, непримиримо враждо к Италии в современной политической ее форме, он относится крайне недружелюбно ко всему тройственному союзу, гарантирующему продолжение порядка, созданного захватом Рима итальянцами. Разлад с правительствами, входящими в состав этого союза, особенно чувствителен для Австро-Венгрии, где несговорчивость курии в значительной степени обострила известные венгерские политико-религиозные затруднения. С другой стороны, порвав традиционные связи римско-католической церкви с французскими монархистами и облегчив сближение французской республики с католическими и консервативными слоями населения, Лев XIII решительно стал на сторону Франции. Что касается до России, то он вполне понял, что европейский мир всецело находился¹ в твердых руках почившего русского императора и искренно преклонялся перед величием его царственной воли: сознавая всю высоту международного положения, на которую возведено этою волею русское государство, он поставил себе одною из главнейших целей возобновление с нами правильных дипломатических отношений; дабы достичь этого, он не побоялся страстной оппозиции польской партии в Ватикане и энцикликою от 19 марта с. г. открыто преподал нашему римско-католическому духовенству верность престолу и повиновение законной власти. Достигнутый им результат, выразившийся в учреждении русской миссии при Ватикане, настолько для него драгоценен, что есть полное основание предполагать, что он будет всеми силами искать продолжения нынешних своих отношений к России. Возмещаема циркуляром в. в-пр-ства неизменность нашей внешней политики послужит ему, конечно, могущественным побуждением неуклонно следовать по этому пути.

С глубочайшим почтением и т. д.

Извольский²

XXXIV. А. ИЗВОЛЬСКИЙ Н. ГИРСУ

(Письма)

Получено 21 ноября 1893 г.

Рим, 16/28 ноября 1893 г.

Пометка Александра III:

«Интересно, толково, и отлично написано. Какая разница с нашим посольством в Риме».

М. г. Николай Карлович,

Немедленно по возвращении в Рим я поспешил вручить кардиналу статс-секретарю вверенное мне письмо государя императора на имя папы с просьбой передать оное по назначению. Вместе с тем я прочел карди-

¹ Находится?

² 6/18 Извольский вручил аккредит. грамоту и пребывал с этого времени в Риме в качестве министра — резидента при папском престоле.

налу Рамполла депешу в. в-пр-ства от 19 октября с. г., копию с которой, согласно полученному мною разрешению, я счел долгом ему оставить.

Сообщение мое не преминуло повести к длинному и, с моей стороны, весьма откровенному разговору. Я начал с того, что выразил моему собеседнику, с которым за шесть лет непрерывных сношений у меня установились короткие личные отношения, крайнее удивление императорского правительства перед последним дипломатическим шагом курии, столь мало согласным с традициями ватиканской дипломатии. Я не скрыл от него, что письмо Льва XIII произвело на государя императора весьма неблагоприятное впечатление, но что его императорскому величеству угодно было, не колеблясь, приписать его не собственному побуждению его святейшества, а давлению на него заведомо враждебной нам партии, к сожалению вновь приобретающей в Ватикане влияние. В течение полуторачасового разговора я самым подробным образом разъяснил статс-секретарю взгляд императорского правительства как на последний инцидент, так и вообще на различные вопросы, служащие предметом наших сношений с курией и к которым обещал вернуться как только мною будут получены ответы министерства внутренних дел на переданные мне летом записки. В заключение мне показалось бесполезным подчеркнуть доказательство внимания и уважения к р.-католической иерархии, данное нами по случаю недавних празднеств в Париже и бесспорно послужившее в пользу политики Льва XIII по отношению к французским партиям: тем более я находил прискорбным, что почти в ту же минуту курия не сумела устоять против враждебных нам интриг и решилась на шаг, могущий лишь ухудшить наши и без того трудные отношения.

Из ответа кардинала Рамполла я мог еще раз убедиться, что последнее письмо папы — дело не его рук и что в этом случае ему пришлось уступить настойчивым приступам польской партии и кардинала Ледоховского, весьма ловко воспользовавшихся обстоятельствами, чтобы внушить Льву XIII эту несчастную мысль. Так, он прямо сказал мне, что за последнее время он выдержал, по поводу наших дел, весьма серьезные нападки; что вокруг Льва XIII раздавались «весьма влиятельные голоса» в пользу какого-нибудь «публичного шага»¹, но что он против этого восстал и согласился на непосредственное и «дружеское»² обращение папы к государю императору в надежде, что оно поведет к разъяснению накопившихся недоразумений; что предложение прислать в Россию представителя курии надо понимать не в смысле стремления учредить у нас нунциатуру, а лишь как доказательство искреннего желания папы иметь возможность судить о положении р.-католической церкви в России не по польским и другим враждебным нам показаниям, а непосредственным и беспристрастным образом³. Наконец, он уверил меня, что папа вполне оценил пример уважения к религии и ее представителям, поданный русскими моряками во Франции; что Лев XIII питает к государю императору чувства самого глубокого и непритворного уважения и видит в его прямотушной и мудрой политике самый лучший залог мира и спо-

¹ Подчеркнуто Извольским. На полях поставлены Александром III вопросительный и восклицательный знаки.

² Подчеркнуто Александром III.

³ Пос. три строки подчеркнуты царем и на полях его рукой написано: «Было бы еще хуже».

койного развития европейских народов: поэтому и участие высшего французского духовенства в проявлении народных к нам симпатий во Франции состоялось не только с согласия, но и с полного и формального одобрения его святейшества.

После вышеописанного разговора я имел возможность лишь мельком видеть папу, по случаю визита ее имп. в. великой княгини Екатерины Михайловны, но кардинал статс-секретарь уведомил меня, что его святейшество назначит мне вскоре специальную аудиенцию. Лев XIII только что выдержал довольно серьезную простуду и хотя в настоящую минуту он повидимому совсем поправился и вернулся к обычным занятиям, доктора и приближенные стараются удерживать его от частых приемов и вообще от переутомления. Мне самому он показался очень опустившимся с прошлой весны, и я замечаю, что в Ватикане начинают верить в возможность весьма близкого его конца.

Сведения, полученные мною из посторонних источников и, между прочим, от французского посла при ватиканском дворе, вполне подтверждают догадки, представленные мною в в-пр-ству, касательно обстоятельства, побудившего папу, не дождавшись результатов врученных мне мемуаров, обратиться с письмом к его императорскому величеству. Решение это совпадает с возвращением в Рим кардинала Ледоховского, прошедшего часть лета за границей; оно было принято папою после длинного совещания с префектом пропаганды и кардиналом статс-секретарем, которому, говорят, предшествовало несколько бурных объяснений между последними двумя лицами. Кардинал Ледоховский делается все более и более центром всех польских интриг и происков и находится в непрерывных сношениях с познанским архиепископом Стаблевским и с галицийским духовенством; примирившись с берлинским правительством, он всеми силами старается способствовать новому направлению германской политики по отношению к полякам и убедить папу принять к сердцу вновь возникающие польские надежды. Французский посол теперь открыто называет его представителем интересов тройственного союза и главным противником французских симпатий папы и кардинала Рамполла. Граф Лефевр весьма обязательно прочел мне свою депешу, о которой в в-пр-ству известно из слов французского поверенного в делах в С.-Петербурге и в которой предсказывался вскоре за сим сделанный папою шаг. В депеше этой самым положительным образом говорится об усилиях не только кардинала Ледоховского и польской партии, но и дипломатов тройственного союза восстановить папу против русского правительства; по сведениям гр. Лефевра, первоначальный план состоял в том, чтобы побудить Льва XIII издать энциклику по вопросу о положении р.-католической церкви в России и мысль письма папы к государю императору явилась как бы уступкой миролюбивым настояниям статс-секретаря: это поясняет и подтверждает приведенные мною выше слова кардинала Рамполла. Французский посол уверил меня, что со своей стороны он сделал все, что от него зависело, чтобы удержать курию от сделанного ею промаха, но что дряхлеющий и умственно ослабевающий Лев XIII легче чем прежде поддается давлению со стороны энергичного Ледоховского. Далее гр. Лефевр выразил мне убеждение, что последние события в Париже и Тулоне произвели на папу весьма глубокое впечатление и что, несмотря на минутные успехи Ледоховского, он более чем когда-либо желает жить с нами в мире.

В предыдущих строках изложено вкратце положение, найденное мною при возвращении в Рим; о впечатлении, произведенном нашим советом на последний шаг Льва XIII, и о дальнейших намерениях Курии я еще не могу представить точного заключения. Среди всех вышеописанных интриг и происков мне необходимо судить и действовать с большой осмотрительностью. Чтобы дать понятие о том, до какой степени дела здесь запутаны и сложны, достаточно сказать, что, по самой тщательной проверке, оказывается, что о письме папы к государю императору ничего не было известно тем самым кардиналам, которые участвовали в конгрегации, собранной в июле для обсуждения наших дел. Так, кардиналы Галлиберти и Ваннутелли только теперь узнали о случившемся и не могли удержаться от выражения своего удивления перед подобным неожиданным оборотом начатых с их ведома переговоров. Цель моя в настоящую минуту — убедить наибольшее число советников папы в неуместности и неловкости сделанного шага и воспользоваться этим случаем, чтобы попытаться изолировать Ледоховского, который, как я мог заметить, начинает приобретать в священной коллегии серьезных противников. Не могу не прибавить в заключение, что, несмотря на полную с моей стороны откровенность и даже, может быть, некоторую резкость моих объяснений с кардиналом Рамполла, я имел уже случай убедиться, что в Ватикане продолжают относиться ко мне с прежнею предупредительностью и с видимым желанием поддерживать со мною хорошие отношения.

С глубочайшим почтением и т. д.

А. Извольский

XXXV. А. ИЗВОЛЬСКИЙ В. ЛАМЗДОРФУ¹

(Депеша)

Копия

6 октября 1896 г.

Рим, 1/13 октября 1896 г.

№ 44

М. г. граф Владимир Николаевич,

Кардинал статс-секретарь выразил мне, от имени папы, чувства самой глубокой признательности за милостивое внимание, оказанное е. и. в. в Париже представителям католической церкви. Парижский нунций весьма подробным образом донес сюда по телеграфу обо всех обстоятельствах, сопровождавших представление государю императору парижского архиепископа, посещение их императорскими величествами Собора богоматери, наконец исключительно лестный прием, которого удостоился кардинал Феррата. «Известия эти, сказал мне кардинал Рамполла, преисполнили сердце папы живейшей радости и благодарности — уважение, столь явным образом показанное русским монархом национальной церкви Франции, имеет в глазах его святейшества громадное значение: оно не только доставляет ему чувство наивысшего личного удовлетворения, но должно кроме того произвести могущественное действие на французскую общественную мысль: кардиналу Феррата было, впрочем, предписано высказать непосредственно вашему государю, что папа, желающий, прежде всего, упрочения французской республики на христианских и консервативных

¹ Управляющий, а затем — мин. ин. дел, граф В. Н. Ламздорф.

основах, считает, в этом отношении, свои цели вполне тождественными с великодушными видами русского императора».

Горячие заявления кардинала Рамполла кажутся мне совершенно искренними, и в Ватикане действительно господствует живейшая радость по поводу всего совершившегося в Париже. Лев XIII, как известно, занимает вполне определенное положение по отношению к современной политической группировке держав и с самого начала относился с величайшим сочувствием к сближению между Россией и Францией; произведенная им самим, параллельно с этим сближением, эволюция в сторону французской республики является главною чертою его настоящей политической системы; в борьбе, которую ему приходится вести против крайних французских партий, упорно отвергающих его призывы к примирению и согласию, союз с русским влиянием в высшей степени для него драгоценен. Как выразился в разговоре со мною один из его приближенных, «в беспримерном воодушевлении, объявшем французский народ при появлении русского самодержца, Лев XIII видит как бы зарю эпохи духовного возрождения Франции, которая вряд ли забудет только что преподанный ей высокий урок в народной вере и святине».

Примите и проч.

Извольский

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА¹

Raisons pour lesquelles il conviendrait d'établir une représentation permanente du Saint-Siège à Saint-Petersbourg.

La politique du S.-Siège envers la Russie, sous le Pontificat de Léon XIII, a toujours été des plus correctes et des plus loyales. Elle est, en toute sincérité, spécialement dirigée vers le maintien et l'affermissement des rapports amicaux entre les deux gouvernements.

La Russie en a déjà retiré de nombreux avantages et elle peut en retirer de plus précieux encore tant pour sa politique intérieure que dans le domaine international et diplomatique, au point de vue de sa politique particulière comme de sa politique générale dans le monde.

Avantages à l'Intérieur

La Russie compte par millions les sujets qui professent la Religion catholique. Or, cette nette affirmation de ses rapports cordiaux et de sa parfaite intelligence avec le chef de la catholicité ne peut manquer d'exercer une salutaire influence sur eux, pour les maintenir dans la fidélité et la vénération envers la personne de l'Empereur pour le loyal accomplissement de leurs devoirs de sujets, et pour l'apaisement d'abord et la destruction progressive de leurs aspirations *séparatistes*, ce qui raffermirait chaque jour davantage l'autorité politique du gouvernement russe auprès de ses populations catholiques.

Avantages au dehors

Dans l'ordre international il est indubitable que le S.-Siège représente dans le monde une force morale du plus grand poids; or, pouvoir disposer de son amitié et de son concours contribuera certainement à rendre plus

¹ С пометкой «Св. Престола 1898 г.»

importants et plus manifestes, aux yeux de tous, la force et le prestige politique de la Russie. C'est en outre, pour elle, un moyen facile et assuré de gagner les sympathies des populations catholiques du monde entier.

Cette considération générale a une valeur particulière dans les conditions actuelles de l'Europe, dont les grandes puissances sont partagées en deux groupes d'alliance.

C'est un fait indiscutable que les rapports amicaux et sympathiques du S.-Siège avec la France et la Russie suscitent les jalousies des autres nations qui auraient voulu attirer dans leur orbite la grande force morale de la Papauté, et qui emploient encore tous leurs efforts et tous les moyens pour atteindre ce résultat. Les manifestations très récentes concernant le protectorat en Orient, reconnu par le S.-Siège à la France, en sont amplement le témoignage.

Avantages diplomatiques

La création de cette représentation du S.-Siège à S.-Petersbourg aurait une répercussion considérable sur les divers pays de l'Europe. C'est ainsi que Bismark, pour rendre le Quirinal plus accessible à ses vues et plus accommodant, envoya auprès du Vatican M. de Schloezer. Ce fut le fait déterminant qui amena l'Italie dans les filets de la Triplice.

Sous plus d'un rapport la création présente aurait pour la Russie la même importance: l'Allemagne et l'Angleterre comprendraient aussitôt toute la portée de cet acte, et y verraient la preuve d'une forte politique générale de la Russie. Il deviendrait, dès lors, plus aisé de resserrer, s'il y a lieu, les liens entre St.-Petersbourg, Paris et Berlin contre l'Angleterre, pour résoudre les conflits continentaux; de même que parmi les populations slaves et polonaises de l'Autriche-Hongrie, comme parmi les catholiques des Balkans, cette mesure aurait pour résultat certain de raffermir l'action russo-phile, de multiplier ses points de contact et de fournir un appoint considérable pour les luttes d'influence que la diplomatie russe doit soutenir dans ces régions.

D'autre part, le développement incessant des questions internationales et de colonisation exige que la Russie ait une part plus directe et plus large aux influences qui s'exercent autour du Vatican, car la Papauté, par le protectorat et par ses missions, devient de plus en plus un appoint de la diplomatie générale. Aussi voit-on l'Allemagne et l'Angleterre faire la cour au Pape. Il est instructif de suivre les efforts de Guillaume II pour mettre la main sur toutes les forces vitales du catholicisme international: centre catholique, évêques, missionnaires, cardinaux, prélats et agents à Rome, en vue de faire graviter la papauté autour de l'aigle germanique. Ce danger est en partie écarté, grâce au Pape et au cardinal Rampolla; mais il peut se renouveler à une heure plus favorable.

Une représentation du S.-Siège à S.-Petersbourg marquerait l'affaiblissement certain, peut-être l'anéantissement du projet de l'empereur Guillaume II et empêcherait le catholicisme allemand d'étendre son hégémonie dans le monde. Ce serait un grand acte qui favoriserait singulièrement l'Empereur Nicolas II, et le placerait très haut dans la mémoire des hommes, car il réaliserait le rôle historique ambitionné par Henri IV, Richelieu et Napoléon I-er.

C'est à la fois l'intérêt réel de la Russie comme de la France d'as surer de la façon la plus efficace, en vue de l'avenir, la continuité de la politique du pontificat actuel, à l'aide d'un lien nouveau et plus effectif que celui qui existe présentement.

Or, il est manifeste que le lien créé actuellement par la seule représentation diplomatique déjà accréditée par la Russie, auprès du Vatican est incomplet et insuffisant par lui-même. Il a besoin d'être renforcé, car il manque de point d'appui parmi les cardinaux et les prélats de la cour romaine. Il sera merveilleusement complété par une représentation pontificale à S.-Petersbourg.

En effet les cardinaux qui participent au gouvernement de la Papauté ou les divers prélats qui forment l'ambiance d'opinion autour du Sacré Collège, ne voient pas toutes les choses sous le même point de vue, et ne nourrissent pas tous la même confiance relativement aux sentiments et aux dispositions du gouvernement russe. Un représentant du Pape à S.-Petersbourg dissiperait du coup toutes ces défiances et raffermirait les liens diplomatiques existant déjà entre les deux gouvernements, au point de rendre non seulement improbable, mais presque impossible, dans l'avenir, un changement d'attitude dans l'orientation du S.-Siège même sous un autre Pontificat.

Ajoutons ici qu'un diplomate pontifical, au courant des vues de la Russie et de l'ensemble des intérêts communs, aurait sur la politique du S.-Siège, par rapport aux choses russes, une influence permanente et efficace.

C'est le rôle et l'ambition d'un diplomate de réussir à concerter entre les deux pouvoirs une action commune sur les points qui les intéressent. C'est ce qu'a fait pour la France l'ancien nonce à Paris, Monseigneur Cza-ski, en faveur de la pacification religieuse et du ralliement des catholiques à la République.

De plus, une fois de retour à Rome, ces diplomates ecclésiastiques continueront à servir les vues de la Russie et deviendront de précieux auxiliaires pour son représentant près le Vatican. Ils travailleront à créer autour des grandes congrégations romaines une atmosphère favorable aux idées russes qui auront ainsi, au centre même de la catholicité, une force, une action, une influence permanente et suivie, tant au point de vue des conclaves futurs que pour les négociations courantes.

Au point de vue social

Une autre raison, qui est de nature à rendre désirable pour le gouvernement impérial l'établissement durable d'une représentation du S.-Siège à S.-Petersbourg se trouve dans l'inévitable transformation vers laquelle s'achemine l'Europe au point de vue social et politique. Il est facile, en effet, de prévoir que dans l'orientation que la Providence imprime à l'humanité, au cours des événements actuels de ce monde, le gouvernement russe et le S.-Siège vont avoir des intérêts communs à défendre, et seront appelés à se prêter un concours réciproque des plus utiles.

Il est manifeste que la Russie voit s'ouvrir devant elle un grand avenir car c'est une puissance éminemment autoritaire, conservatrice et religieuse croyante en Dieu et dans la permanente mission civilisatrice du christianisme.

Elle ne peut permettre, à cause de cela, la prédominance dans le monde de l'impiété, du socialisme révolutionnaire et anarchique, de la dissolution sociale, de même que, de son côté le S.-Siège travaille à s'y opposer par tous les moyens dont il dispose et de toute l'énergie de ses forces, conformément aux doctrines qu'il professe et aux principes éternels, dont il est le gardien vigilant. Il s'en suit donc que la Russie et le S.-Siège ont intérêt à s'entendre et à s'unir par un rapprochement plus efficace, non seulement pour leur commune défense, mais encore en vue d'une restauration sociale à réaliser dans le monde.

Au point de vue de la France

Dans cet ordre d'idées, l'alliance entre la Russie et la France commande évidemment à cette dernière nation, si elle veut être fidèle au pacte intervenu et être utile à son alliée, de ne pas se précipiter dans le radicalisme et le socialisme révolutionnaires. Or, le S.-Siège bien qu'à un autre point de vue, a le même intérêt; et c'est très certainement grâce à sa prudente et patiente action, si le radicalisme a rencontré, dans sa marche menaçante, un obstacle puissant et si le prestige de la nation française a pu se relever, grâce au ralliement que le Pape est déjà parvenu à faire accepter par une très notable portion de l'aristocratie et de l'élite des familles catholiques, qui se tenaient systématiquement à l'écart des institutions actuelles de la France. Ce ralliement des catholiques a créé un obstacle presque infranchissable au radicalisme et l'a empêché de s'établir en maître dans le pays.

Combien, par conséquent ne serait-il pas opportun et utile pour les deux grandes nations que la vigilance et l'action de la Russie et du S.-Siège puissent, par des voies différentes, procéder parallèlement et d'un commun accord pour améliorer les conditions intérieures de la France! Et combien plus aisément ce but serait atteint, si le Pape avait à S.-Petersbourg une personne sûre et de confiance qui lui transmettrait *directement*, sur ce point comme sur beaucoup d'autres les vues de la Russie.

Au point de vue de la paix générale

Enfin l'acte humanitaire et si généreux de l'Empereur Nicolas II, en vue d'éloigner la guerre et d'assurer aux nations civilisées le bienfait de la paix, entre pleinement dans les vues du S.-Siège qui a toujours préconisé l'établissement d'un tribunal arbitral qui éloignerait les causes de conflit.

Or, en accréditant à S.-Petersbourg un représentant du S.-Siège, la Russie montrerait à tous que l'appui moral et le concours effectif de la Papauté sont mis complètement à la disposition de Sa Majesté l'Empereur pour la réalisation de son noble dessein.

Au point de vue du Polonisme

Ajoutons, pour terminer, qu'une des principales causes qui a contribué dans le passé à troubler la bonne entente entre le Gouvernement Impérial et le S.-Siège se trouve précisément dans ce fait que la Cour de Rome en est réduite à n'avoir sur place que des sources exclusivement polonaises pour

toutes les informations concernant les affaires ecclésiastiques de la Russie et de la Pologne.

Or, il est bien certain qu'à de telles informations doivent souvent se mêler des exagérations peu bienveillantes et souvent des passions politiques déplorables, qui ne peuvent que fausser les jugements, dénaturer les faits, et induire en erreur, pour l'appréciation des choses et des personnes placées à si grande distance.

Il n'en serait plus ainsi si le Pape avait à S.-Pétersbourg un représentant accrédité. Il serait donc du plus grand intérêt, pour le S.-Siège comme pour la Russie, de rendre impossible, dans l'avenir, le renouvellement de faits si regrettables, qui nuisent à la bonne harmonie des deux pouvoirs en introduisant entre eux, à leur insu, de regrettables malentendus. Il suffira, pour cela, de fournir au S.-Siège le moyen d'avoir rapidement, par un représentant attiré des informations véridiques et impartiales, puisées sur place aux seules sources officielles.

Il n'est pas inutile de rappeler ici, à ce propos, le fait très récent de la circulaire de Mgr. Symon, qui a été la cause de son exil à Odessa, et des difficultés qui en ont résulté. S'il y avait eu en Russie un représentant pontifical, ce déplorable incident n'aurait pu se produire, et les dispositions concertées à Rome entre les deux gouvernements auraient été certainement exécutées en toute loyauté et avec toute exactitude.

Ce représentant du Pape à S.-Pétersbourg serait donc le plus sûr antipode du polonisme, car cette création mettrait un terme aux intrigues que les Polonais entretiennent à Rome avec les cardinaux et les prélats hostiles à la politique de pacification que suit le Pape, de même qu'elle abaisserait ou annihilerait cette atmosphère d'hostilité que s'efforcent de créer, dans la presse européenne, les correspondants polonais de la plupart des journaux les plus répandus.

Ce représentant du S.-Siège sera forcément, en effet, l'adversaire déclaré de tous ces informateurs qui égarent l'opinion tant à Rome que dans la presse catholique. La noblesse, les évêques, les journalistes, dont les correspondances sont le plus souvent malveillantes, auront en lui un contrôleur sûr et un contradicteur autorisé qui mettra les choses sous leur vrai point de vue.

Possédant la confiance du Pape, il deviendra bien vite le principal ressort de la politique russo-pontificale, car il saura traduire les idées russes en style romain et les faire pénétrer dans les milieux ecclésiastiques des congrégations romaines, ce qui, du même coup, facilitera singulièrement la mission du représentant de Sa Majesté auprès du S.-Siège.

N. B. — Il n'y a pas à craindre que la présence d'un représentant diplomatique du S.-Siège en Russie, puisse jamais donner lieu au moindre conflit, au contraire.

D'ailleurs, en vue d'éloigner tout péril de ce genre, il serait facile aux deux gouvernements de se mettre au préalable complètement d'accord sur les conditions dans lesquelles ce représentant serait accrédité, sur le choix et les qualités de sagesse et de prudence de la personne qui serait désignée, sur les instructions opportunes qui lui seraient données, et principalement sur la ferme et loyale volonté des deux gouvernements de s'en tenir absolument aux dispositions qui seraient concertées d'un commun accord à ce sujet.

Основания, по которым следовало бы учредить постоянное представительство св. престола в С.-Петербурге

Политика св. престола по отношению к России за время первосвященства Льва XIII была всегда вполне корректной и лояльной. Она с полной искренностью, главным образом, направлена к поддержанию и укреплению дружественных отношений между двумя правительствами.

Из этого Россия уже извлекала многочисленные выгоды и может извлечь еще более ценные как для своей внутренней политики, так и в области международной и дипломатической, с точки зрения и своей особой политической линии, и своей общей политики в мире.

Выгоды внутреннего порядка

Россия насчитывает миллионы подданных, исповедующих католическую религию. Столь определенное подтверждение ее сердечных отношений и полной солидарности с главою католического мира не преминет оказать благотворное влияние на них в смысле поддержания в них верности и благоговения к личности императора, в смысле лояльного выполнения ими обязанностей подданных и в смысле успокоения сначала, а затем и постепенного искоренения их *сепаратистских*¹ стремлений, что с каждым днем все больше укрепляло бы политический авторитет русского правительства среди католического населения.

Выгоды внешнего порядка

Бесспорно, что в делах международного характера св. престол представляет моральную силу величайшего веса; следовательно, возможность располагать его дружбой и его содействием будет, без сомнения, способствовать усилению в глазах всех силы и политического престижа России. Сверх того, это является для нее легким и верным средством приобрести симпатии католического населения всего мира.

Это общее соображение имеет особую ценность в нынешних европейских условиях, когда великие державы разделены на две союзные группы.

Бесспорен факт, что дружественные и благожелательные отношения св. престола с Францией и с Россией возбуждают зависть других наций, которые хотели бы привлечь в свою орбиту громадную моральную силу папства и которые еще и теперь употребляют все усилия и все средства, чтобы достигнуть этого результата. Свидетельством этого являются весьма недавние заявления по поводу протектората на Востоке, признанного св. престолом за Францией.

Выгоды дипломатические

Учреждение такого представительства св. престола в С. Петербурге найдет значительный отклик в различных странах Европы. Так, с целью сделать квиринал более восприимчивым к его пожеланиям, более уступ-

¹ Подчеркнуто в подлиннике.

чивым, Бисмарк послал в Ватикан Шлецера. Это был решающий ход, который привел Италию в сети тройственного союза.

Во многих отношениях такое учреждение имело бы для России такую же важность; Германия и Англия тотчас же поняли бы все значение этого акта и увидели бы в нем доказательство твердой общей политики России. С этого момента легче было бы укрепить, если это потребуется, связи между С. Петербургом, Парижем и Берлином против Англии, для разрешения континентальных споров; равным образом, среди славянского и польского населения Австро-Венгрии, как и среди католиков Балкан, это мероприятие имело бы несомненным результатом усиление руссофильской политики, увеличение точек опоры и значительное облегчение борьбы за влияние, которую должна вести в этих областях русская дипломатия.

С другой стороны, непрерывное развитие международных вопросов и колонизации требует, чтобы Россия принимала более непосредственное и широкое участие в тех влияниях, которые воздействуют на Ватикан, потому что папство, в силу религиозного протектората и благодаря своим миссиям, приобретает все большее спорное значение для мировой дипломатии. Вот почему Германия и Англия, как известно, добиваются расположения папы. Поучительно проследить усилия Вильгельма II наложить руку на все жизненные силы международного католицизма: католический центр, епископов, миссионеров, кардиналов, прелатов и агентов в Риме, в целях побудить папство тяготеть к германскому орлу. Эта опасность несколько отстранена, благодаря папе и кардиналу Рамполла; но она может возобновиться в более благоприятное время.

Представительство св. престола в С. Петербурге означало бы несомненное ослабление, может быть даже—полное уничтожение плана императора Вильгельма и помешало бы германскому католицизму распространять его мировую гегемонию. Это было бы великим актом, который оказался бы особенно благоприятным для Николая II и весьма высоко вознес бы его имя в памяти человечества, потому что он осуществил бы историческую роль, на которую претендовал Генрих IV, Ришелье и Наполеон I.

В предвидении будущего

Реальным интересом России, точно так же как и Франции, является обеспечение наиболее действительным образом, в виду будущего, постоянства политики теперешнего понтификата с помощью новой и более действительной связи, чем та, которая существует в настоящее время.

Очевидно, связь, созданная теперь только односторонним дипломатическим представительством, уже аккредитованным Россией при Ватикане, неполна и сама по себе недостаточна. Она нуждается в подкреплении, потому что ей недостает поддержки со стороны кардиналов и прелатов римской курии. Она будет прекрасно заполнена папским представительством в С. Петербурге.

Действительно, кардиналы, которые принадлежат к папским правящим кругам и различные прелаты, которые влияют на оформление мнений св. коллегии, не расценивают все вещи с одинаковой точки зрения и не все питают одинаковое доверие к чувствам и расположению русского правительства. Представитель папы в С. Петербурге сразу рассеял бы эти недоверия и укрепил бы дипломатические связи, уже существующие между

двумя правительствами, делая не только невероятным, но почти невозможным в будущем изменение позиции в ориентации св. престола даже при другом понтификате. Добавим здесь, что папский дипломат, будучи в курсе взглядов России и совокупности общих интересов, имел бы по отношению к русским делам постоянное и действительное влияние на политику св. престола.

Задачей и вопросом самолюбия для дипломата является достижение согласованности действий между двумя правительствами по интересующим их вопросам. Это именно то, что делал для Франции прежний нунций в Париже, монс-р Чаский, в пользу религиозного умиротворения и перехода католиков на сторону республики.

Сверх того по возвращении в Рим эти духовные дипломаты будут продолжать служить взглядам России и сделаются драгоценными помощниками для ее представителя при Ватикане. Они будут работать над созданием вокруг влиятельных римских конгрегаций благожелательной атмосферы по отношению к русским взглядам, которые таким образом будут иметь в самом центре католицизма силу, деятельность, постоянное и непрерывное влияние как по отношению к будущим конклавам, так и по отношению к текущим переговорам.

С точки зрения социальной

Другое основание, могущее сделать желательность для императорского правительства установления постоянного представительства св. престола в С. Петербурге, заключается в неизбежной трансформации, к которой идет Европа с точки зрения социальной и политической. Действительно, легко предвидеть, что на пути, который указывает провидение человечеству, в ходе нынешних мировых событий, русское правительство и св. престол должны будут защищать общие интересы и оказывать друг другу взаимную и полезнейшую для обеих сторон поддержку.

Несомненно, что перед Россией открывается великое будущее, потому что она является державой по преимуществу монархической и религиозной, верующей в бога и осуществляющей постоянную цивилизаторскую миссию христианства. По этой причине она не может допустить господства в мире неверия, революционного и анархического социализма, общественного разложения, точно так же как св. престол, со своей стороны, работает над тем, чтобы противодействовать этому всеми средствами, которыми он располагает и со всем напряжением своих сил, согласно исповедуемых им доктрин и вечных принципов, бдительным стражем которых он является. Из этого вытекает также, что Россия и св. престол заинтересованы в соглашении и объединении путем более действительного сближения не только в целях их общей защиты, но также в целях восстановления социального порядка в мире.

С точки зрения Франции

С изложенной точки зрения союз между Россией и Францией повелительно диктует этой последней,—если она желает быть верной заключенному союзному договору и быть полезной своей союзнице,—не бросаться в бездну революционного радикализма и социализма.

Св. престол, хотя и с другой точки зрения, также в этом заинтересован; и совершенно очевидно, что именно благодаря его благоразумному и терпеливому воздействию радикализм встретил на пути своего угрожающего роста могущественное препятствие и что благодаря признанию под влиянием папы республики весьма значительной частью аристократии и влиятельнейших католических семейств, систематически державшихся в стороне от нынешней французской государственности, мог восстановиться престиж французской нации. Это примирение католиков с республикой создало почти непреодолимое препятствие для радикализма и помешало ему утвердиться в качестве властителя страны.

Насколько, следовательно, было бы своевременно и полезно для обеих великих наций, чтобы наблюдение и воздействие России и св. престола могли работать хотя и различными путями, но параллельно и согласованно в целях улучшения внутреннего положения Франции! И насколько легче была бы достигнута эта цель, если бы папа имел в С. Петербурге надежное доверенное лицо, которое непосредственно передавало бы ему взгляды России как по этому, так и по многим другим вопросам.

С точки зрения всеобщего мира

Наконец, гуманное и столь великодушное выступление императора Николая II с целью устранить опасность войны и обеспечить цивилизованным нациям пользование благами мира, вполне совпадает с взглядами св. престола, всегда горячо одобрявшего создание арбитражного трибунала, который устранял бы причины конфликта.

Аккредитуя в С. Петербурге представителя св. престола, Россия показала бы всем, что в полном распоряжении его величества имеется моральная поддержка и действенная помощь папского престола для осуществления его благородных предназначений.

С точки зрения полонизма

В заключение добавим, что одна из главных причин, которая способствовала в прошлом нарушению доброго согласия между императорским правительством и св. престолом, заключалась именно в том факте, что римская курия располагала на месте исключительно польскими источниками для получения всех сведений, касающихся духовных дел России и Польши.

Совершенно очевидно, что к подобным сведениям должны часто примешиваться неблагоприятные преувеличения и нередко прискорбные политические увлечения, которые могут лишь извращать суждения, неверно излагать факты и вводить в заблуждение в оценке вещей и лиц, находящихся так далеко.

Этого не было бы больше, если бы папа имел в С. Петербурге аккредитованного представителя. Величайшим благом и для св. престола, и для России было бы предотвратить в будущем возобновление столь прискорбных явлений, которые мешают доброму согласию между обоими правительствами, создавая между ними, помимо их желания, прискорбные недоразумения. Для этого будет достаточно представить св. престолу возможность быстро получить через ответственного представителя проверен-

ные и беспристрастные сведения, почерпнутые на месте из официальных источников.

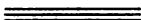
По этому поводу не бесполезно напомнить здесь факт весьма недавнего прошлого, — циркулярное послание монс.-ра Симона, которое послужило причиной его ссылки в Одессу и трений, возникших в результате этого. Если бы в России находился представитель папского престола, этот прискорбный инцидент не мог бы произойти, и мероприятия, согласованные в Риме между двумя правительствами, несомненно могли бы быть выполнены с полной лояльностью и без всяких отступлений.

Этот представитель папы в С. Петербурге явился бы также надежнейшим противоядием в отношении полонизма, так как существование его положило бы конец интригам, ведущимся поляками в Риме среди кардиналов и прелатов, враждебных политике умиротворения, которой следует папа, и в то же время оно рассеяло бы и уничтожило ту атмосферу враждебности, которую стараются создать в европейской прессе польские корреспонденты большинства наиболее распространенных газет.

Этот представитель св. престола действительно будет, в силу вещей, решительным противником всех этих информаторов, которые вводят в заблуждение и Рим, и католическую прессу. Дворянство, епископы, журналисты, корреспонденции которых большей частью недоброжелательны, будут иметь в нем надежного контролера и авторитетное лицо для опровержений, которое будет представлять вещи в их истинном свете.

Располагая доверием папы, он очень скоро сделается главной пружиной русско-папской политики, потому что он будет в состоянии передавать русские взгляды ватиканским языком и внедрять их в духовные круги римских конгрегаций, что чрезвычайно облегчит вместе с тем и работу представителя его величества при св. престоле.

N. В. — Нет оснований опасаться, что присутствие дипломатического представителя св. престола в России могло когда-либо вызвать хотя бы малейший конфликт, как раз наоборот. Но для того, чтобы устранить всякую опасность подобного рода, было бы достаточно для обоих правительств достигнуть предварительно полного соглашения относительно условий, на которых этот представитель будет аккредитован, относительно выбора лица и наличия у него необходимых качеств благоразумия и осторожности, относительно надлежащих инструкций, которые ему были бы даны, и, главным образом, относительно твердого и лояльного намерения обоих правительств точно придерживаться условий, на которых было бы достигнуто обоюдное соглашение в этом вопросе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие автора	3
I. Ватикан и возникновение франко-русского союза . . .	9
II. Ватикан и Англия в эпоху англо-бурской войны	49
<i>Документы в тексте второго раздела:</i>	
1. Деша Чарыкова, министра-резидента при Ватикане, гр. Муравьеву, министру ин. дел. 7/19 декабря 1899 г.	57
2. Письмо Чарыкова Муравьеву. 23 ноября, 5 декаб. 1899 г.	58
3. Письмо Чарыкова Муравьеву. 18/30 января 1900 г.	60
4. Письмо Чарыкова Муравьеву. 15/27 февраля 1900 г.	61
III. Документы Российского министерства иностранных дел, относящиеся к миссии А. П. Извольского при Ватикане. 1887—1898 гг.	64
I. Российский посол в Италии Бар. Исккуль, министру иностранных дел Н. Гирсу, 9 21 декабря 1887 г.	—
II. Письмо Льва XIII Александру III от 28 января 1883 г.	67
III. Инструкция А. П. Извольскому от 9 марта 1888 г.	69
IV. Деша А. Извольского Н. Гирсу № 1, 19 31 марта 1888 г.	71
V. Деша А. Извольского Н. Гирсу № 2, 28 марта, 9 апр. 1888 г.	74
VI. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 3, 11/23 апреля 1888 г.	75
VII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 4, 11/23 апреля 1888 г.	77
VIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 9, 25 апреля, 7 мая 1888 г.	79
IX. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 10, 25 апреля, 7 мая 1888 г.	80
X. Письмо А. Извольского Н. Гирсу 25 апреля, 7 мая 1888 г.	81
XI. Инструкция Н. Гирса А. Извольскому от 4 мая 1888 г.	85
XII. В дов. и личное письмо А. Извольского Н. Гирсу 19/31 июля 1888 г.	86
XIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 22, 21 августа, 2 сентября 1888 г.	89
XIV. Заметка о результатах миссии А. Извольского, доложенная царю — 1 ноября 1888 г.	90
XV. Письмо А. Извольского Н. Гирсу — 8, 20 ноября 1888 г.	93
XVI. Инструкция Н. Гирса А. Извольскому 17 ноября 1888 г.	96
XVII. Проект письма Александра III Льву XIII, ноябрь 1888 г.	97
XVIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 23, 6/18 декабря 1888 г.	99
XIX. Письмо А. Извольского Н. Гирсу. 19 31 декабря 1888 г.	100
XX. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 3, 14/26 февраля 1889 г.	103
XXI. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 14 26 февраля 1889 г.	104
XXII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 7, 22 мая 1889 г.	107
XXIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 8, 23 июня, 5 июля 1889 г.	109
XXIV. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 17 29 июля 1889 г.	110
XXV. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 12/24 марта 1890 г.	113

	<i>Стр.</i>
XXVI. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 4/16 июня 1891 г.	115
XXVII. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 3/15 июля 1891 г.	116
XXVIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 37, 19 ноября, 1 декабря 1891 г.	117
XXIX. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 30 декабря 1891 г., 11 января 1892 г.	118
XXX. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 26, 11/23 августа 1892 г. . .	119
XXXI. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 28, 6/18 октября 1892 г. . .	123
XXXII. Письмо А. Извольского Н. Гирсу, 10 октября 1893 г.	124
XXXIII. Деша А. Извольского Н. Гирсу, № 52, 15/27 ноября 1894 г. . .	125
XXXIV. Письмо А. Извольского Н. Гирсу. 16/28 ноября 1893 г.	126
XXXV. Деша А. Извольского В. Ламздорфу. 1/13 октября 1896 г. . . .	129
XXXVI. Памятная записка в пользу учреждения в Петербурге постоянного дипломатического представительства папского престола 1898 г. .	130

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОХОД
ПРОТИВ СССР**

Сборник докладов и выступлений в Комкадемии

Стр. 109.

Соцэкгиз. 1931.

Ц. 50 к.

ЗА И ПРОТИВ СССР

(К крестовому походу против СССР)

Материалы и документы

Составили

И. Варьяш и О. Вальковская

Под редакцией Ю. В. Гольдштейна

Стр. 116.

ИКА 1930.

Ц. 65 к.

Ю. В. ГОЛЬДШТЕЙН

ЛЕГЕНДА И ПРАВДА О ДЕМПИНГЕ

(Библиотека пропагандиста)

Стр. 72.

Соцэкгиз. 1931.

Ц. 25 к.

ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

М. КЛИМОВ

**БУРЖУАЗНОЕ ГОСУДАРСТВО
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА**

Стр. 176.

Соцэкгиз. 1931.

Ц. 1 р. 10 к.

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР

Проф. Е. А. КОРОВИН

КАТОЛИЦИЗМ КАК ФАКТОР
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Печатается

14 печ. л.

Н. А. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

ФАШИСТСКОЕ «КОРПОРАТИВНОЕ
ГОСУДАРСТВО» ИТАЛИИ

Под редакцией и с предисловием

БЕЛА КУНА

Печатается.

12 печ. л.

С. Д. СЛУЦКИНА

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ИМПЕРИАЛИЗМА

Печатается.

13 печ. л.